

"Случайная любовница"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Трейси Энн Уоррен

Случайная любовница

Глава 1

Апрель 1814 года

Корнуолл, Англия

Всего несколько ярдов, — сказала себе Лили Бейнбридж. — Еще совсем чуть-чуть, и я буду спасена. Я буду свободна.

Ледяная волна ударила прямо в лицо. Хватая ртом воздух, она кое-как продвигалась вперед, гребок за гребком, сражаясь с безжалостным сопротивлением бурного, беснующегося моря. В низком сером небе над ней снова вспыхнула молния, хлесткие потоки дождя жалили кожу подобно уколам крошечных иголок.

Дрожащими от напряжения руками она упорно разгребала волны, выбросив из головы все мысли о неудобствах, понимая, что выбор у нее невелик: либо плыть, либо утонуть. А несмотря на прощальную записку, оставленную дома в спальне, она не собиралась умирать, во всяком случае, не сегодня.

Многие назвали бы это чистой воды безумием — пуститься по морю вплавь в грозу, но она знала, что, невзирая на опасность, должна действовать без страха или колебаний. Задержка означала бы брак со сквайром Эдгаром Фейлором, а как Лили сказала своему отчиму, она скорее умрет, чем свяжет свою жизнь с таким презренным негодяем. Но отчиму плевать на ее желания, поскольку ее брак с Фейлором принес бы ему выгодный деловой альянс.

Замедлив движение, она окинула взглядом изрезанную береговую линию и волны, которые с грохотом ударялись о скалы и отмели. Хотя она почти все двадцать лет своей жизни плавала в этих водах, но никогда не делала этого в такую бурю. Все выглядело чужим, пугающим, знакомые места были неузнаваемы из-за тусклого света и бурлящего, вспенивающегося прибоя.

Быстро перебирая ногами, она боролась с облепляющим ноги платьем. Мокрый муслин обвивался вокруг них подобно железным кандалам. Было бы, безусловно, лучше, если б она разделась до рубашки, прежде чем войти в море, но ее «смерть» должна выглядеть убедительной настолько, чтобы отчим не заподозрил правду. Если она выживет и он узнает об этом, то будет рыскать по всей Англии до тех пор, пока не найдет ее.

С колотящимся в груди сердцем она напрягла силы, понимая, что если отдаться на волю волн, то можно быть вынесенной в открытое море. От этой тревожной мысли в горле встал ком, а по уставшим рукам и ногам прокатилась дрожь.

Ее тревога испарилась, когда в поле зрения показался знакомый вид: узкая расщелина, черная как уголь, которая врезается в возвышающиеся скалы, тянущиеся вдоль берега. На невнимательный взгляд расщелина ничем не отличалась от всех остальных морских пещер в этих местах, но Лили знала, что это не так. Именно там оставалась надежда на защиту и спасение.

Энергично работая руками и ногами, она продолжала плыть, раскачиваясь на волнах. Теперь, когда прилив отступил, волны несли ее вперед. На мгновение она испугалась, что может разбиться о скалы, но в последнюю секунду течение изменилось и втянуло ее внутрь мягкой направляющей рукой.

Темнота окутала ее. Подавив мимолетное ощущение потери ориентации, она поплыла вперед, зная, что ей уже нечего бояться. Пещера была когда-то контрабандистским логовом. Ныне же тайное пристанище служило идеальным убежищем для любознательных детей, а теперь вот и для сбежавшей невесты.

Здесь морская вода спокойно плескалась вокруг нее, и она продолжала плыть вперед до тех пор, пока не достигла стены пещеры. Вскоре Лили обнаружили выступ, который подтвердил, что она в нужном месте. Мокрая и дрожащая, она вылезла на его поверхность, затем дала себе пару минут, чтобы отдышаться, прежде чем подняться на ноги. Осторожно ступая, Лили пошла вдоль плавно изгибающейся стены. Пещера, имеющая форму колокола, постепенно расширилась, предлагая островок естественного тепла и сухости. Когда ее нога ударилась о большой твердый предмет, она поняла, что прибыла к конечному пункту своего заплыва.

Стуча зубами, она наклонилась и нащупала деревянную крышку, открывая сундук. Пальцы ее дрожали, отыскивая фонарь, который, она знала, лежит внутри, как и металлический спичечный коробок, аккуратно положенный с одного края. Чиркнула спичка, свет наполнил пространство, таинственно мерцая на шероховатых стенах и низком каменном потолке. Окоченевшая от холода, она сняла с себя одежду, затем достала из сундука большое шерстяное одеяло и завернулась в него.

Благодарение небесам, у нее достало предусмотрительности тайно вынести все эти вещи! После маминой смерти полгода назад она знала, что рано или поздно ей придется бежать из дома, понимала, что, как только закончится период траура, ее отчим, Гордон Чок, скорее всего решит «что-то с ней сделать», как он уже давно грозился.

Поэтому, отправляясь на свои регулярные дневные прогулки, она медленно заполняла контрабандистский сундук всем необходимым, включая деньги, провизию и старый отцовский костюм, который подогнала на себя. Что касается сапог, то ей ничего не оставалось как украсть пару у одного из юных конюхов. Не желая, чтобы парень переживал из-за потери, она тайком оставила ему достаточно монет, чтобы купить новые сапоги. Он потом еще долго ухмылялся над странной кражей и свалившимися неизвестно откуда «дармовыми деньжатами».

Насколько ей было известно, никто, кроме нескольких старых контрабандистов, не ведал об этом убежище, несмотря на процветающий бизнес по контрабанде чая и французского бренди прямо под носом у местных чиновников из акцизного управления. Маловероятно, чтобы ее отчим знал об этих пещерах. Для большинства корнуольцев он по-прежнему — чужак, несмотря на то, что живет здесь уже пять лет, с тех пор как женился на ее матери и поселился в Бейнбридж-Мэноре.

Пять лет, вздохнула Лили. Пять лет невыносимой жизни для хорошей женщины, которая заслуживала лучшей доли.

Знакомый ком поднялся к горлу, одинокая слезинка скатилась по щеке. Она безжалостно смахнула ее, сказав себе, что сейчас не время скорбеть о маминой безвременной кончине. Если б только ей удалось убедить маму уехать еще несколько лет назад. Если б только она сумела открыть ей глаза, чтобы не попасться на удочку льстивых речей смазливового

обольстителя, под внешней привлекательностью которого оказалось нутро ядовитой змеи. Но в то время она была еще ребенком, и ее мнения не спрашивали и к нему бы не прислушались, даже выскажи она его.

Вытерев полотенцем волосы, чтобы с них не капало, Лили подошла к куче хвороста, сложенного у дальней стены. Подпалив тонкие прутья, разожгла небольшой костер. Благословенное тепло вскоре согрело воздух в пещере, постепенно успокоив сильную дрожь, которая все еще сотрясала ее тело. Вернувшись к сундуку, она облачилась в рубашку, штаны и сюртук, испытывая странные ощущения от соприкосновения грубой одежды с нежной кожей. «По крайней мере одежда теплая и, что самое главное, сухая, — размышляла она. — И пока я не доберусь до Лондона, мне придется привыкать к мужской одежде».

Она была не настолько глупа, чтобы воображать, будто может отправиться в Лондон одна, одетая в женское платье. Женщина, путешествующая без сопровождения, неминуемо вызовет кривотолки, но, что хуже, станет желанным объектом для хищников всех мастей. От этой мысли ее передернуло. Надо надеяться, что маскировка позволит ей путешествовать, избежав разоблачения. Чем принимать чью-либо помощь, она лучше пройдет пешком неблизкий путь до постоянного двора в Пензансе. В этом случае, если отчим будет потом кого-нибудь расспрашивать, никто не сможет вспомнить рыжеволосую девушку, чья внешность подходит под ее описание.

Нервозность поскорее гнала ее в дорогу, но она понимала, что, пока гроза не утихнет, ей лучше оставаться здесь, в пещере. Натянув длинные шерстяные носки, которые согрели замерзшие пальцы ног, она еще раз полезла в сундук за завернутым в тряпицу куском сыра. В животе заурчало, она отломала кусочек и стала жевать, наслаждаясь острым, приятным вкусом.

Несколько минут спустя, подкрепившись, она приготовилась выполнить еще одну последнюю задачу — ту, которой страшилась. От одной лишь мысли о ней Лили съеживалась. Но это сделать необходимо.

Отыскав свой гребень слоновой кости, она пропустила влажные длинные волосы сквозь зубья, тщательно расчесав спутанные пряди, прежде чем завязать их тонкой черной лентой. Сделав глубокий вдох, она взяла ножницы и начала резать.

Три дня спустя Итан Андертон, пятый маркиз Весси, проглотил последний кусок «пастушьей запеканки», [1] положил нож с вилкой на край тарелки и отодвинул ее. Взяв бутылку, вновь наполнил стакан сухим красным вином с сомнительным букетом — очевидно, лучшее, что могла предложить таверна «Бык и сова» в Хангерфорде.

Битком набитая мужчинами, приехавшими в город на боксерское состязание, общая комната гудела как пчелиный рой, время от времени сотрясаясь от взрывов резкого смеха. Под потолком висело голубовато-сизое облако едкого табачного дыма, а воздух был пропитан кислым запахом эля и тяжелым ароматом жареного мяса. Поскольку единственная в таверне отдельная гостиная была занята, Итан решил посидеть среди местных, отыскав для себя на удивление уютный угловой столик. Отсюда ему было видно все, что происходило вокруг. Но не это занимало его мысли, пока он не спеша потягивал вино.

«Приятно будет вернуться в Лондон, — размышлял он. — Вернуться к своим обычным развлечениям и злачным местечкам — что может быть лучше? Тем более что кое-что уже предпринято ради будущего».

Нельзя сказать, чтобы он так уж стремился к устройству этого будущего, но долгие и серьезные размышления по этому поводу убедили его, что он больше не может позволить себе откладывать исполнение своего долга. Ему тридцать пять, и он должен жениться. Он несет ответственность перед своим родом, ему надлежит произвести на свет сыновей, которые унаследуют родовое имя и титул. А для этого он должен обзавестись женой, желает того или нет. Откладывать уже нельзя.

Разумеется, будь его старшие братья, Артур и Фредерик, живы, ему бы не пришлось столкнуться с такой проблемой. Артур был бы теперь маркизом, без сомнения, уже давно женатым и с детьми. Но по какому-то жестокому приговору судьбы оба его брата лишились жизни при попытке спасти ребенка арендатора, упавшего во вздувшуюся от проливных дождей реку. Фредерик нырнул первым; затем, когда брат не появился, нырнул Артур. В конце концов все трое погибли: оба мужчины и ребенок.

Итан часто задавался вопросом, что могло бы случиться, будь он в тот роковой день дома, а не в путешествии по континенту? Смог бы он спасти их? Или тоже бы утонул? Он знал, что не раздумывая поменялся бы с ними местами, с радостью умер бы, чтобы спасти жизнь хотя бы одному из братьев. Вместо этого он в один миг из третьего в очереди на титул маркиза оказался в ситуации, к которой никогда не стремился.

После несчастного случая он приехал домой, глубоко скорбя о потере братьев, но внезапно обнаружил, что все взоры обращены на него — семьи, слуг и арендаторов; все ждут от него руководства и действия. Чувствуя, что его прежняя жизнь утекает как песок сквозь пальцы, он сделал все от него зависящее, дабы достойно заменить Артура и не уронить честь семьи.

За двенадцать лет, минувших с тех пор, Итан выдержал испытание, многому научился, стал настоящим хозяином своего поместья. Однако существовало одно обязательство, к которому он долго поворачивался спиной, упрямо сохраняя последнюю частичку своей независимости.

Он вспомнил реакцию своего друга, герцога Уайверна, когда на прошлой неделе упомянул о своем решении.

— Ты, верно, шутишь, — сказал Энтони Блэк, не донеся бокал с бренди до рта. — Почему, ради всего святого, ты хочешь заковать себя в кандалы? Ведь кругом столько красивых, готовых на все женщин. Женщин, которые, я должен добавить, вовсе не жаждут заполучить кольцо на палец.

Откинувшись на спинку кресла в клубе «Брукс», Итан встретился с насмешливым взглядом друга.

— Потому что пора, Тони, хочу я этого или нет. Не могу же я бесконечно откладывать свою женитьбу. Мне надо думать о завтрашнем дне, о будущем семьи. Мой долг — произвести на свет парочку наследников, дабы обеспечить титул.

Тони лишь отмахнулся, при этом его перстень с рубином подмигнул красным цветом, как первосортное бордо в мягком свете свечей.

— Для того и существуют кузены — чтобы продолжить род, когда нынешний носитель титула не желает быть связанным на всю жизнь.

— Значит, ты по-прежнему категорически настроен против брака? — спросил Итан, уже зная ответ Тони. — Но разве не пожалеешь со временем, что у тебя не будет сыновей? Разве тебе не претит мысль о том, что придется кузену Реджи унаследовать герцогство?

Тони насмешливо фыркнул:

— Реджи, конечно, расфуфыренный болван, признаю, но он неплохо справится. Кроме того, я не собираюсь умирать в ближайшем будущем. Если выйдет по-моему, я переживу Реджи, и один из его сыновей или внуков унаследует титул. Что касается моих сыновей, что ж, нельзя же иметь в жизни все.

Герцог потерял одну из золотых пуговиц на своем белом жилете.

— Кроме того, только представь, если я откажусь от своей холостяцкой жизни и женюсь на какой-нибудь пресной мисс. Все скорее всего закончится тем, что мы вцепимся друг другу в глотки, и она родит мне одних дочерей, просто назло. Нет, друг мой, я предпочитаю оставаться холостым.

«Хотел бы я быть таким же оптимистичным, — подумал тогда Итан. — Насколько все было бы проще».

— Если ты решительно настроен совершить подобную глупость, — продолжал Тони, — а я вижу по твоему лицу, что это так, значит, полагаю, тебе придется присутствовать на всяких там балах и вечерах, где будет представлен урожай дебютанток этого года.

Итан поморщился.

— Я уже просмотрел урожай и этого года, и прошлого — нескольких последних лет, в сущности, — и никто не поразил мое воображение. Все девушки похожи друг на друга, все хихикающие глупышки, которые только и думают, как бы отхватить титул повыше и денег побольше, чтобы у них было в избытке дорогих шелков, шикарных карет и роскошных вечеринок на всю оставшуюся жизнь. — Он покачал головой. — Нет, ухаживание было бы тяжким трудом, ей-богу, поскольку любая выбранная мной девушка, без сомнения, станет ждать, что я признаюсь ей в вечной любви, несмотря на то что мы оба знаем: это было бы обманом.

— Если не брачный рынок, тогда что? Не понимаю, каким иным путем ты планируешь достичь своей цели.

Итан подпер кулаком подбородок.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о моем соседе, графе Сатли? Когда мы с братьями были еще детьми, моя мать, по-видимому, заключила с графом соглашение: они оба решили, что один из ее сыновей когда-нибудь женится на одной из его дочерей. С тех пор между нашими семьями существует негласная договоренность, хотя и не известная свету.

Артур, разумеется, должен был жениться на старшей дочери Сатли Матильде, но этому замыслу не суждено было воплотиться по причине его смерти, да и смерти Фредерика. Если бы мать смогла, она бы навязала этот брак мне, но я тогда не собирался жениться, несмотря на все ее уговоры. Следующей весной Матильда вышла замуж за другого, и я сорвался с крючка.

— Так что же изменилось?

— Подросла младшая дочь Сатли, ей только-только исполнилось семнадцать. После долгих и мучительных раздумий я решил просить у отца ее руки. Она не только вполне подходит на роль супруги, но женитьба на ней также соблюдет соглашение между ее семьей и моей.

— Помилуй Бог, Итан, а ты хоть раз видел девушку?

— Да, несколько минут на прошлогодних святочных празднествах. Она милое дитя, хорошо воспитанная и послушная. Что еще мне надо знать?

— То, что ты рехнулся, связывая себя с ней. Ты уже через неделю заскучаешь!

— Если и так, какое это будет иметь значение? Она обеспечит мне наследников, а я, в свою очередь, позволю ей жить собственной жизнью при условии, что она будет благоразумна. Такое соглашение наверняка устроит нас обоих.

«Так почему же это решение уже кажется мне полной ерундой?» — недоумевал он.

вернуться

1

Картофельная запеканка с мясным фаршем и луком.

Возможно, он провел слишком много времени со своими друзьями, Рейфом и Джулианной Пендрагон. Из всех известных ему супружеских пар их брак был одним из немногих, основанных на искренней, крепкой любви. Но такие союзы редки, особенно в лондонском свете.

— Так когда же состоится счастливое событие? — поинтересовался Тони, иронично скривив губы.

— Не раньше чем через несколько месяцев, ибо Амелия еще учится в школе. Я послал письмо ее отцу с предложением встретиться, и тот согласился. Не сомневаюсь, что он с радостью примет мое предложение. Поэтому я отправляюсь в Бат, где граф сейчас лечится на водах. Я не жду, что мы на данном этапе придем к чему-то большему, чем простое понимание. На следующий год, после того как Амелия появится в свете, мы подробно обсудим соглашение и объявим о нашей помолвке.

Именно так все и произошло. Его предположения подтвердились пару дней спустя за стаканами минеральной воды, которую подают в одном из бюветов Бата. Граф выразил огромное удовольствие в ответ на предложение Итана, жалуя ему право просить руки его дочери. Амелии ничего говорить пока не надо, решили они, но граф заверил его, что, когда придет время, она примет его предложение без колебаний.

Утряся этот вопрос, Итан отправился назад, в Лондон.

Уставший и голодный после поездки, он остановился здесь, в «Быке и сове», чтобы сменить упряжку лошадей и позавтракать. Вскинув руку, он сделал знак официантке, спросив бутылку бренди. Девушка скоро вернулась, покачивая бедрами, держа в руке открытую бутылку и стакан. Ставя бутылку и стакан на стол, она наклонилась вперед, чтобы обеспечить ему тем самым прекрасный обзор своего пышного бюста, туго обтянутого едва удерживающим его лифом.

Когда стакан был наполнен, он вручил ей монету.

— Спасибо, лапочка.

Девушка захихикала и, лукаво подмигнув, сунула соверен между грудей.

— Могу я еще вам услужить, милорд? Принести чего-нибудь?

На мгновение он задумался над ее предложением.

— Пока не надо.

Сделав книксен, она разочарованно вздохнула:

— Если передумаете, только скажите.

Забыв про нее в тот же миг, как она ушла, Итан достал сигару из внутреннего кармана сюртука и воспользовался серебряными кусачками, чтобы обрезать ее кончик. Он как раз вытаскивал спичку, когда новая группа людей вошла в комнату.

По их усталому виду можно было предположить, что это путешественники одной из почтовых карет, которые делают регулярные остановки по этому маршруту. Пока он наблюдал, трое мужчин и женщина протиснулись вперед, оставив в дверях мальчишку.

В котелке, низко надвинутом на глаза, юнец представлял собой любопытное зрелище. Тонкий как тростинка, старомодная одежда висит мешком на его худом теле. Довольно смешно выглядел толстый жгут огненных волос, которые он стянул в косичку на затылке. Подбородок мягкий, скулы округлые, а на гладких щеках ни малейших признаков щетины.

«Да он совсем еще ребенок! — подумал Итан. — Лет четырнадцать, не больше». Взглянув снова, он отметил изящное, в форме сердечка, лицо, светлую кожу и хорошенькие розовые губки идеальной формы лука Купидона.

Пока он наблюдал, это дитя окинуло взглядом комнату, выискивая, где сесть. Несколько мгновений спустя юнец обнаружил незанятое место у дальней стены и, пройдя туда, опустился на край скамьи. Итан не мог не улыбнуться, увидев, что мальчишка сел подальше от дюжего работяги, ближайшего соседа.

Официантка подошла минуту спустя, чтобы принять заказ юнца, с дразнящей улыбкой на губах. Правда, парень был еще слишком юн, чтобы оценить ее прелести. Усмехнувшись и вихля бедрами, что вызвало непристойные замечания у мужчин за другим столом, она вскоре удалилась на кухню.

Подлив бренди в свой стакан, Итан сделал неторопливый глоток, затем зажег сигару и вальяжно затянулся. Глаза его при этом вновь устремились к юнцу. Официантка вернулась и поставила перед ним чашку исходящего паром чая, джем и тарелку песочного печенья.

Разложив на коленях салфетку, мальчишка взял нож и начал намазывать печенье джемом. Движения его были ловкими и даже изящными, без обычной неуклюжести ребенка, все еще учащегося управлять своим быстро развивающимся телом. Потом юнец потянулся за чаем, и движения снова выдали его, когда он взял чашку двумя пальцами.

Тонкими пальцами.

Нежными пальцами.

Пальцами, грациозность и изящество которых заложены самой природой и чего ни одному

представителю мужского пола никогда не достичь.

Внезапная догадка вспыхнула в мозгу Итана. Прищурившись, чтобы присмотреться повнимательнее, он пристально вглядывался в очертания лица юноши: мягкая чувственность губ, почти фарфоровая гладкость прозрачной кожи.

Это вовсе не мальчик, осознал Итан. Это девушка!

Широкая улыбка растянула губы Итана. Заинтригованный сверх всякой меры, он принялся размышлять. Кто, черт возьми, она такая, гадал он, и почему скрывается под мужской одеждой? Не в силах отвести взгляд, он снова понаблюдал, как она отпила глоток, а потом подняла глаза, чтобы осмотреть комнату. И в этот момент он наконец увидел ее глаза.

Зеленые, полные огня, они были напряженными, как у кошки, и так же полны любопытства, окаймленные бахромой длинных, роскошных ресниц, без сомнения девичьих.

Он резко втянул воздух, стрела внезапного желания пронзила пах. Теперь, установив ее пол, он с трудом верил, что мог обмануться хотя бы на секунду. Кроме коротко остриженных волос, в незнакомке не было ничего мужского — ни в чертах, ни в фигуре, ни в манере, с которой она держалась. Каждый жест красноречиво указывал на врожденную женственность.

Оглядевшись, он проверил, не заметил ли этого кто-нибудь еще, но никто из других посетителей не обращал на нее никакого внимания, занятые своими разговорами и заботами.

«Поразительно, — размышлял он, — что я единственный в этой комнате, который понял, что среди нас затесалась самозванка, к тому же прехорошенькая».

Он посчитал, что реакция, впрочем, вполне нормальная. Как правило, люди видят то, что ожидают увидеть, не давая себе труд задаться вопросом, даже когда правда буквально смотрит им в лицо.

Хотя, возможно, маскировка для чего-то ей понадобилась, решил он. Женщина без сопровождения сильно рискует — особенно если выдает себя за мужчину. Она не только вызывает общественное порицание, но и рискует привлечь к себе нежелательное внимание опасных личностей всех мастей. Некоторые мужчины расценили бы такой провоцирующий поступок как свободу делать с ней все, что им заблагорассудится, — все, что пожелают, вне зависимости от того, согласна она или нет.

Кто бы ни была дерзкая девчонка, она явно не сознает потенциальной опасности, которой подвергает себя. Продолжая размышлять о ней за стаканом бренди, он попытался определить ее возраст. Лет приблизительно двадцать, двадцать один. Достаточно молода, чтобы совершать ошибки, но и вполне взрослая, чтобы понимать, что от подобного риска без крайней необходимости лучше было бы воздержаться.

Вылив из маленького чайника в чашку остатки горячего чая, девушка сделала единственный глоток, затем поставила чашку на блюдце.

Не прошло и пары мгновений, как она подпрыгнула и повернула голову, явно напуганная грубым восклицанием дюжего мужлана сбоку от нее. Вскочив, девушка прижалась спиной к стене, чтобы пропустить мужчину.

Какой бы тоненькой она ни была, места для обоих было слишком мало. Тем не менее верзила сделал попытку протиснуться, при этом толкнув стол и перевернув чашку чая.

Горячая жидкость расплескалась, попав ему на брюки. Неловко подпрыгнув, он снова толкнул стол, издав рев, достойный разъяренного быка.

Итан вскочил на ноги и поспешил к месту происшествия.

Мужчина повернулся к юнцу.

— Смотри, что ты наделал! Испортил мне штаны и чуть не ошпарил хозяйство. Тебе придется ответить за это, парень.

— Извините, но я... — Девушка осеклась, явно осознав, что голос слишком высокий и может выдать ее, если кто-то прислушается.

— Что ты? — угрожающе переспросил мужчина.

— Не виноват, — ответил Итан твердым тоном, шагнув вперед и вмешавшись в конфликт. — По крайней мере это именно то, что молодой человек собирался сказать.

Продолжая прижиматься спиной к шероховатой оштукатуренной стене, Лили вскинула глаза и посмотрела в лицо своему неожиданному защитнику, бесспорно, самому красивому мужчине, которого она когда-либо в своей жизни видела.

С волосами цвета созревшей на солнце пшеницы и с глазами ясными и искрящимися, как отполированный янтарь, он излучал мужественность и неоспоримую ауру непринужденной, уверенной силы. Она позволила взгляду задержаться чуть дольше, осмотрев сильную квадратную челюсть и изящный нос, скульптурные контуры высокого лба и угловатых скул, обвела взглядом очертания чувственных губ.

Сердце ее заколотилось быстрее, хотя на этот раз уже не от страха.

Прилагая все силы, чтобы стряхнуть это мгновенное и совершенно неожиданное влечение к мужчине, она отвела взгляд и поглубже надвинула шляпу на голову.

«Вот тебе и доехала до Лондона без происшествий, — подумала она. — И все же, благодарение небесам, этот мужчина пришел мне на помощь».

Ее спаситель спокойным тоном обратился к грубияну:

— Вы ведь собирались уходить, не так ли?

Повисла тишина, дородный детина таращил глаза, словно не вполне понимал, что происходит.

— Ну так проходите же, — сказал высокий незнакомец. В следующее мгновение его взгляд опустился, оглядев довольно большое мокрое пятно на брюках мужчины. — Полагаю, несколько минут на солнце все исправят, хотя до того времени вам, возможно, придется ответить на несколько любопытных вопросов.

Лицо мужлана покраснело, что свидетельствовало о его замешательстве. Злобно зыркнув на них обоих, он отпихнул стол, при этом все, что на нем стояло, полетело на пол. Издавая какие-то рычащие звуки, верзила зашагал прочь.

Лили грустно посмотрела на разбитую посуду, гадая, как заплатит за ущерб, если они потребуют от нее этого. Несмотря на то что она пустилась в путь, казалось бы, с вполне приличной суммой денег, Лили быстро осознала свою ошибку. По причине послевоенной

инфляции все стоило дороже: проезд в почтовой карете, еда, а особенно комнаты на постоянных дворах. Разумеется, как только она доберется до Лондона и заявит права на дедушкино наследство, ее финансовым тревогам придет конец, но до тех пор надо считать каждый шиллинг.

Заметив беспорядок, трактирщик поспешил к ним.

— Милорд, что случилось? Этот парень докучает вам? Джентльмен покачал головой:

— Ни в коей мере. Это другой малый, который только что ушел, учинил здесь безобразие.

Посмотрев вниз, незнакомец встретился с ней взглядом, при этом его янтарные глаза странно искрились, словно он знал какой-то секрет.

— Ты в порядке, парень?

Лили начала было отвечать и лишь в последнюю секунду вспомнила, что надо понизить голос, чтобы не выдать себя. В результате тот получился неестественно ломким, то высоким, то низким, словно она и вправду была мальчишкой, переживающим половое созревание.

— Да, сэр. Благодарю вас. Вы были очень добры, что вступились за меня.

Ироническое выражение промелькнуло на его лице, прежде чем он отмахнулся от ее благодарности.

— Мне это ничего не стоило, парень. А куда ты направляешься, могу я спросить? Как я заметил, ты здесь один.

Она открыла было рот, чтобы сказать: «В Лондон», но в следующее мгновение подумала, что, пожалуй, лучше этого не делать. Правда, она больше никогда не увидит этого мужчину, но не стоит недооценивать отчима. Шансы у него невелики, но если кто-то все же станет вынюхивать, то ей не хотелось бы оставить следы, по которым ее могут найти.

— В Бристоль, — наугад сказала она. — У меня там... м-м... кузены, которые меня ждут.

— Рад слышать, что скоро ты будешь на попечении родственников. — Джентльмен окинул взглядом остатки ее завтрака. — Твою еду постигла печальная участь. Закажем еще?

Она покачала головой, снова подумав о скудном содержимом своего кошелька.

— О нет, спасибо, я уже сыт.

Он вскинул бровь.

— Половинка печенья — едва ли достаточное подкрепление для молодого, растущего организма.

Ее желудок избрал именно этот момент, чтобы доказать его правоту, издав ужасающее урчание и не оставив ни у кого сомнений относительно пустоты у нее в животе.

Мужчина снова улыбнулся и повернулся к трактирщику.

— А что, отдельный кабинет все еще занят?

— Нет, милорд, джентльмен отбыл всего несколько минут назад.

— Отлично. Тогда я займу его для молодого человека, чтобы он мог как следует подкрепиться — за мой счет, разумеется.

Лили стала возражать:

— Вы очень великодушны, милорд, но я не могу позволить вам покупать мне ленч. — Она гордо расправила плечи. — Я вполне сам справлюсь.

— О, ничуть не сомневаюсь в этом, но хорошая еда всегда кстати. — Итан встретился с ней взглядом. Выражение его лица было успокаивающе искренним, когда он наклонился ближе к ней. — Вам нечего бояться, — пообещал он приглушенным тоном, предназначенным только для нее. — Я не жду ничего в ответ, кроме вашей компании и легкой беседы.

«Так он намерен присоединиться ко мне», — подумала Лили. Позволить ему заплатить за ее еду уже неподобающе, но еще и обедать с ним вместе... на это не осмелится ни одна приличная молодая леди. Но с другой стороны, какая приличная молодая леди инсценирует собственную смерть, убежит из дома и отправится в Лондон, переодетая юношей? Если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, то разделить трапезу с незнакомцем не кажется таким ужасным событием.

И с каким красивым незнакомцем! Она про себя вздохнула, тайком взглянув на него из-под ресниц. Настоящий белокурый Адонис. Ну что плохого в том, чтобы провести часок в его компании, пока карета не продолжит свой путь? В конце концов, это всего лишь ленч и легкая беседа, как он предлагает. Как только поест, она поблагодарит его и уедет, и они больше никогда не встретятся.

Голодные спазмы скрутили живот, пронзили, словно острые пики, побуждая ее согласиться. Со времени ее безумного побега из дома три дня назад она ни разу как следует не ела. Между далеко не шикарным меню, которое могли предложить некоторые постоянные дворы, и необходимостью экономить она, как правило, выбирала суп, радуясь, если в бульоне плавало несколько маленьких кусочков мяса или овощей, а на десерт — чай и печенье. Как здорово было бы хорошо поесть. И все, что ей нужно сделать, — это согласиться немного поговорить с привлекательным лордом, который даже не догадывается, что она вовсе не юноша.

— Ну хорошо, вы убедили меня, — сказала она, не обращая внимания на внутренний голос, который напомнил ей, что она только что согласилась остаться наедине, в отдельном кабинете, с мужчиной. — Благодарю вас, милорд.

«Как же его зовут?» — задалась она вопросом, осознав, что даже не знает его имени.

— Я Весси, кстати, — заметил он в ответ на ее невысказанный вопрос. — Маркиз Весси. А ты?

«Маркиз! Милостивый Боже! Но что самое главное, он спросил, кто я. Ну не могу же я сказать ему, что меня зовут Лили Бейнбридж, верно?»

Она напрягла мозги.

— Э... я Джек. Джек Бейн.

И вновь медленная, лукавая улыбка скользнула по его лицу, словно он наслаждался какой-то тайной шуткой.

— Что ж, Джек, Джек Бейн, рад познакомиться с тобой. А теперь, если ты готов, поднимемся наверх?

Она судорожно сглотнула, чувствуя, как нервы звенят внутри ее, словно натянутые струны. Встретившись со взглядом маркиза, девушка немного заколебалась, но потом решительно кивнула: будь что будет.

Глава 2

— А вы разве ничего не будете есть? — спросила незнакомка, известная пока Итану лишь как «Джек Бейн». Ее нож с вилкой застыли над блюдом с жареной курицей и овощами.

Сидя напротив нее за круглым дубовым столом в отдельном кабинете, он покачал головой:

— Я совсем не голоден. Этого бренди будет вполне достаточно. — Подняв стакан, он сделал глоток. — А ты давай-ка ешь. Нет нужды придерживаться церемоний.

После секундной паузы она безо всякого жеманства вонзила вилку и нож в мясо. Несмотря на явный голод, ее манеры были безупречны, что свидетельствовало о принадлежности к хорошему обществу. Дикция у нее тоже была вполне нормальная, несмотря на забавный баритон, который она пыталась изобразить. В течение последних минут ему не раз приходилось сдерживать смех, и эта ее игра доставляла ему удовольствия куда больше, чем следовало бы.

«Кто она? — уже не в первый раз задавался Итан вопросом. — И зачем устроила этот спектакль?»

Но вместо того чтобы просто потребовать от нее сказать правду, он решил, что будет намного забавнее еще чуточку подыграть ей и посмотреть, как далеко она готова зайти в своем обмане.

Он налил еще на дюйм бренди себе в стакан, и солнечный свет из трех окон комнаты, преломляясь сквозь стекло, придавал напитку оттенок, напоминающий теплый мед. Покрутив жидкость, он понаблюдал, как струйки стекают на дно, прежде чем сделать еще глоток.

Когда она съела почти все у себя на тарелке и уже собралась отложить приборы, он уступил импульсу немножко поддразнить ее.

— Еще курицы? — спросил он, потянувшись за ножом, чтобы отрезать большой кусок. Учитывая, какую солидную порцию она уже съела, сомнительно, чтобы ей захотелось еще. — Когда я был в твоём возрасте, — продолжал Итан, — я никогда не мог наесться досыта. Уверен, с тобой то же самое: растущий молодой организм требует своего.

Она сдвинула брови над переносицей, ее взгляд сосредоточился с явным испугом на толстом куске курицы, который он отрезал.

После долгих колебаний девушка продемонстрировала свою храбрость, протянув тарелку.

— Как насчет картошки? — бросил он вызов, подхватив пару золотистых поджаренных кусочков серебряным половником. — Не люблю, когда хорошая еда пропадает зря, а ты?

Она охотно приняла добавку.

— Тушеного лука в белом соусе? — предложил он дальше. — Ты упоминал, что он показался тебе особенно вкусным.

Ее ноздри слегка раздулись. Он ждал, что она откажется, но она держалась твердо, несмотря на чуть заметное дрожание руки.

Спрятав улыбку, он смилостивился над ней, отложив половник, и откинулся на спинку стула.

С глубоким вздохом она принялась есть то, что он навалил ей на тарелку.

«А ей не занимать мужества», — размышлял он, наблюдая за ее попытками продолжать изображать мальчика и отдать должное еде.

— Значит, Бристоль, да? — заметил он, сделав еще глоток спиртного.

Она на секунду перестала есть.

— Что?

— Бристоль. Ты ведь туда направляешься, не так ли? К своим кузенам?

Ее похожие на драгоценные камни глаза на долю секунды округлились, прежде чем она вновь расслабилась.

— Ах да, верно.

«Интересно, — подумал он, — была она когда-нибудь в Бристоле?»

— Расскажи мне о своих родственниках.

Он наблюдал, как она отложила нож с вилкой и воспользовалась задержкой, чтобы придумать ответ, оставив на тарелке несколько несъеденных кусочков, — к своему огромному облегчению, несомненно.

— Рассказывать особенно нечего, — ответила она. — У них есть дом и немного земли.

— Они арендаторы?

— Да.

— И долго ты будешь жить у них?

Она помедлила, потом покачала головой.

— Несколько дней.

«Ни минуты», — подумал он.

Вскоре раздался стук в дверь и другая официантка, не та, что обслуживала его внизу, пришла убрать со стола. Как только посуда была унесена, пришел трактирщик с круглым оловянным блюдом с яблоками, сушеными финиками и кусочками сыра с голубыми прожилками.

— Угощайся, — предложил Итан, как только все ушли.

— Спасибо, но я уже сыт.

Взяв нож, Итан разрезал финик пополам, сверху положил тонкий ломтик сыра и запил все это глотком бренди.

— М-м, очень вкусно.

Она ничего не сказала.

— Не возражаешь, если я закурю? — Он вытащил сигару из кармана сюртука.

— Нет, нисколько, — отозвалась она фальшивым баритоном, от хрипловатого тона которого его кровь начинала гудеть.

Он зажег сигару и с наслаждением затянулся, выпустив элегантную струю дыма под косым углом, в сторону от нее.

Итан не мог не заметить ее интереса к происходящему. Наверняка она привыкла удаляться из комнаты вместе с другими дамами, дабы позволить джентльменам выкурить трубку или сигару. Но, напомнил он себе, сейчас она изображает молодого человека, подростка, который был бы склонен даже принять участие в таком исключительно мужском действе.

«Что подсказывает мне одну довольно шаловливую идею», — подумал он.

Выпустив к потолку еще одну струю дыма, он встретился с ней взглядом.

— Хочешь попробовать?

Ее брови вновь сдвинулись над переносицей.

— О, я не знаю...

— Я же вижу твое любопытство, и в этом нет ничего дурного. Большинство молодых людей твоего возраста время от времени затягиваются тайком, когда знают, что не будут пойманы. — Он протянул ей сигару. — Не бойся. Я никому не скажу ни слова.

Она явно испытывала соблазн, эта девушка, которая играла роль мальчишки. Что еще она будет склонна попробовать при наличии должного стимула?

Несколько долгих мгновений спустя Итан задался вопросом, не переоценил ли он степень ее смелости, когда она протянула руку и взяла сигару из его пальцев. Держа сигару между кончиками пальцев — так, словно это было опасное оружие, она медленно поднесла ее к губам.

— Только легкая затяжка, — предупредил он, но его предостережение запоздало. «Джек» затянулся так крепко, что даже кончик сигары разгорелся красным.

На мгновение мир замер, зависнув без движения на своей оси, когда до каждого из них дошло значение ее поступка. Резким выдохом выпустив облако дыма через нос и рот, она зашлась в сильнейшем приступе кашля, давась и хватая ртом воздух. Кожа ее внезапно приобрела зеленоватый оттенок.

«Боже милостивый, ее ведь не стошнит, нет?» — в отчаянии подумал он, внезапно забеспокоившись, что не следовало ему подначивать ее есть так много.

Но пока она кашляла и хрипела, отчаянно сясь вдохнуть, нормальный розовый цвет лица вернулся к ней.

Схватив за руку, Итан вложил ей в ладонь стакан.

— Выпей, — приказал он.

Все еще кашляя, она подчинилась, делая вначале маленькие, неуверенные глоточки воды, потом более длинные и глубокие.

— Еще, — взмолилась она голосом хриплым от напряжения.

Он налил ей еще воды, затем отошел и понаблюдал, как она залпом выпила всю воду.

— Уф, — выдохнула она, невольно скривившись.

Затем, словно только сейчас осознав, что все еще держит сигару, швырнула ее на стол, не заботясь о том, горит ли она.

Действуя быстро, он поймал сигару, пока она не скатилась на пол и не нанесла ущерб.

— Незачем так неуважительно обращаться с отличной сигарой, — пожурил он, потушив кончик о ближайшее блюдо.

— Эта... штука... совершенно отвратительна.

— Эта «штука» — импортная, кубинская, привезена с далеких островов. Я так понимаю, это твоя первая проба сигары? — проговорил он, нарочито растягивая слова, и улыбка приподняла уголки его губ.

— Первая и последняя, — заявила она красивым, очень женским контральто, очевидно, позабыв о маскировке в процессе своих страданий.

— Значит, у тебя не возникнет желания приобрести эту привычку?

— Совершенно определенно — нет. И не представляю, как вам или кому-то еще это может нравиться. — Она вновь скривила губы. — Фу, гадость!

— Дурное пристрастие, согласен, но, полагаю, именно поэтому женщины в большинстве своем не курят.

Она оцепенела, краска отхлынула от щек.

— Что? — пискнула она, прежде чем заставила себя понизить голос до прежнего баритона. — То есть... э... что?

Откинув назад голову, он рассмеялся:

— Можете уже прекратить этот спектакль. Хотя, должен признать, вы устроили отличное представление. Обманули, должно быть, всех. Кроме меня.

Ее яркие глаза округлились, как блюдца, когда она таращилась на него в явном оцепенении, и внутренняя битва, которую она вела, явственно отражалась у нее на лице. Потом плечи ее резко поникли, когда она отказалась от борьбы.

— И давно вы поняли?

— Приблизительно через десять минут после того, как вы вошли в общую комнату внизу.

Ее губы приоткрылись.

— И за все это время вы не сказали ни слова?

Он ухмыльнулся:

— Мне было интересно.

Она вновь нахмурилась:

— Значит, вы заставили меня пройти через все эти страдания совершенно напрасно?

— Да их, в сущности, и не было. Вы вкусно и сытно поели, затем насладились своей первой сигарой — чудесное времяпрепровождение, на мой взгляд.

— Для вас — тем, что забавлялись, глядя на меня, хотите сказать.

— Тем, что позволил вам еще немного поиграть в нашу игру. Мне интересно было посмотреть, как долго вы будете ее продолжать. А теперь... почему бы вам не рассказать мне, кто вы на самом деле и почему одеты в такую одежду?

Еще несколько долгих мгновений Лили ошеломленно смотрела на него, потом расправила плечи.

«Он знает, — про себя чертыхалась она. — Ад и все дьяволы, он знает! И что мне теперь делать?»

Надо выпутаться из этого затруднительного положения с наименьшими потерями, решила она, и надеяться, что все образуется. О том, чтобы сказать ему, кто она, не может быть и речи. Несмотря на великодушие, щедрость и бесспорный магнетизм его обаяния, она в действительности ничего о нем не знает. Довериться ему и надеяться, что может рассчитывать на его благородное молчание, не выбор. По крайней мере не тот, который она готова сделать. В конце концов, все ее будущее зависит от сохранения тайны. Все остальное может означать для нее гибель — или, хуже того, брак с тем негодяем, деловым партером отчима.

К счастью, маловероятно, чтобы маркиз и ее отчим когда-либо встречались. Во-первых, Гордон Чок не ездит в Лондон, считая такие поездки дорогостоящей тратой времени. А во-вторых, отчим может лишь мечтать быть вхожим в такие высокие круги, в каких, должно быть, вращается маркиз. Несмотря на свою принадлежность к уважаемому роду, она и сама с трудом могла представить такое. Но это к делу не относится. Сейчас ей необходимо найти способ выпутаться из переплета, в который она попала.

«Не паникуй, — велела она себе. — Раскинь мозгами, и все будет хорошо».

— Если хотите знать, — заявила она минутой позже, — я так одета на спор.

Ее дерзкое заявление стерло ленивую улыбку у него с губ.

— Пари?

Она опустила руку под стол и скрестила пальцы.

— Именно. Мы с подружкой поспорили, что я сумею какое-то время путешествовать в мужском платье, и никто ничего не заподозрит. Вы, милорд, только что стоили мне две гинеи.

Целая гамма эмоций промелькнула на его красивом лице — от удивления к неверию и даже раздражению. Он взмахнул в ее сторону рукой:

— Так этот маскарад не что иное, как глупая шутка?

— Для меня это в некотором роде забава. В конце концов, почему только мужчинам можно играть в авантурные игры?

Он устремил на нее хмурый взгляд, и сдвинутые над переносицей золотистые брови ни на йоту не уменьшили его привлекательности.

— Весьма безрассудный способ развлечения, если хотите знать мое мнение. Вы хоть представляете, в какую беду могли попасть?

На сердце у нее потеплело от того, что он так беспокоится за нее. Ей снова вспомнилось, как он вмешался, вступившись за нее перед той грубой деревенщиной, и она осознала, что он на самом деле очень внимательный и галантный.

— Но со мной все в порядке, как видите.

Он помрачнел еще больше.

— Могло бы быть иначе, будь я из тех, кто не преминет воспользоваться беззащитностью одинокой женщины, подвергающей себя риску ради глупого пари.

— Но вы сами сказали, что мой маскарад обманул всех.

— Кроме меня. И откуда вам знать, что я не стану вас домогаться? Я могу сейчас запереть эту дверь и изнасиловать вас прямо здесь, на столе.

От этих ужасных слов она побледнела, ее пульс бешено заколотился под кожей.

— Вы шутите, милорд?

Он пригвоздил ее пылающим взглядом, нависнув над ней так, что она сразу почувствовала его чисто мужскую силу.

— Мог бы, но, к счастью для вас, я никогда не навязываю себя женщине силой.

Лили уже не знала — то ли ей испытывать облегчение, то ли разочарование.

— Значит, мне нечего бояться?

Отступив назад, он снова сел.

— Вы могли бы по крайней мере побеспокоиться о своей репутации, поскольку, очевидно, происходите из хорошей семьи.

— Потому-то и не назвала вам своего имени.

Лукавые искорки заблестели в его янтарных глазах.

— Хотите сказать, что вас на самом деле зовут не Джек?

Она рассмеялась.

— Так вы не раскроете тайну?

Склонив набок голову, она сделала вид, что раздумывает над его предложением.

— Увы, но, пожалуй, нет.

— А я до этой минуты и не догадывался, что вы такая жестокосердная. Ну назовите хотя бы только имя.

И снова смех сорвался с ее губ, когда она покачала головой.

Он скрестил руки на груди.

— Так кто же такой Джек? Ваш отец или брат?

— Ни тот ни другой, поскольку брата у меня нет, а отца звали не так. На самом деле Джеком звали мою собаку, когда мне было восемь лет. А сейчас, к сожалению, я должна попрощаться, иначе пропущу свою карету. Спасибо за ленч и компанию, хоть и нехорошо было с вашей стороны так водить меня за нос.

— В этом я не одинок, полагаю, — заметил он. — Что касается кареты, то вы ее уже пропустили.

— Как?

Вскочив на ноги, она бросилась к окну и выглянула во двор таверны. Двор был запружен экипажами, лошадьми, конюхами и постояльцами. Оглядев этот хаос, она легко отыскала почтовую карету, выделяющуюся своим темно-бордовым цветом и черными панелями.

Девушка облегчено вздохнула:

— Вы ошибаетесь. Карета все еще здесь.

Подойдя к ней сзади, Весси положил ладонь на окно возле ее головы.

— Странно, но я не вижу кареты до Бристоля, хотя, возможно, это потому, что вы и не собирались туда направляться. Прежде чем подняться наверх обедать, я попросил своего слугу узнать. Он сообщил мне, что после вашего появления было две почтовых кареты. Одна направляется в Эксетер, а другая — в Лондон.

Слишком поздно осознала она свою глупую ошибку.

— Так что же? — пробормотал он у ее уха. — Эксетер или Лондон? Думается мне, Лондон — наилучший выбор.

Поежившись, она на мгновение закрыла глаза.

— Ну хорошо, — призналась она. — Вы правы.

— Поскольку я тоже направляюсь в Лондон, предлагаю подвезти вас.

Она развернулась на сто восемьдесят градусов, резко остановившись, когда обнаружила, что находится практически в его объятиях, а тело его так близко, что она ощущает восхитительный запах клевера и мускуса и чувствует тепло, которое, словно от маленькой печки, исходит от его крупного, крепкого тела.

Запрокинув голову, она встретилась с его взглядом.

— Я не могу ехать в вашей карете.

Он наклонился ближе.

— А я не могу позволить вам ехать до Лондона без сопровождения. Мы уже обсуждали, как это может быть опасно.

«Это с тобой будет опасно, — подумала Лили. — Но совсем по иным причинам».

— В почтовой карете со мной ничего не случится. Никто ничего не заподозрит.

— Не обольщайтесь. Ведь я же догадался. Но я вынужден настаивать, — проговорил он низким, бархатным голосом. — Я никогда не прощу себе, если с вами что-нибудь случится.

— Но мы ведь никогда больше не встретимся, поэтому вы и не узнаете.

Глаза его как-то странно потемнели.

— Обстоятельство, которое меня весьма беспокоит. И в этот момент они оба поняли, что он говорит не просто о ее безопасности.

Сердце ее забилось, как птичка в клетке. Она понимала, что должна отказаться, найти в себе силы уйти и продолжить путешествие самостоятельно. Но чувствовала, что он не позволит ей так легко убежать, что может даже пойти за ней к почтовой карете и позаботиться о сопровождении для нее, желает она того или нет.

Кроме того, ехать с ним будет... весело. Учитывая элегантный покррой и качество его одежды, а также тот факт, что он маркиз, карета его наверняка намного удобнее, чем любая из тех, что может предложить Королевская почтовая служба. И приходилось признать, что ей доставляет удовольствие его компания и с ним будет гораздо безопаснее, чем одной. Ну какой может быть вред от того, что они проведут еще несколько часов вместе, прежде чем расстанутся навсегда?

— Ну же, Джек, — уговаривал он, — скажи «да».

Она колебалась еще несколько секунд. Как воспитанная девушка, она должна ответить «нет». Но язык промолвил за нее совсем другое:

— Ну хорошо. Я согласна.

Глава 3

— Пенелопа.

Лили посвободнее уселась на темно-синем бархатном сиденье кареты напротив лорда Весси и покачала головой: — Нет.

— Маргарет.

Его экипаж, который оказался именно таким роскошным, как она и представляла, мчался по дороге в Лондон. Снабженная полированными медными ручками, с мягкой желтовато-коричневой обивкой и рессорами, такими податливыми, что даже большие выбоины на дороге едва ощущались, карета выглядела самой комфортной из всех, что ей доводилось когда-либо видеть. Определенно гораздо лучше тех, в которых она ездила.

— Боюсь, нет, — отозвалась она, наслаждаясь комфортом.

Он в безмолвном размышлении потер пальцем подбородок.

— Джейн.

Она послала ему лукавую улыбку.

— Полноте, милорд, неужели вам кажется, что я похожа на Джейн?

— Вы похожи на дерзкую девчонку, которая считает себя очень умной. Ну хватит уже, говорите, как ваше имя?

— О нет, вам не удастся так легко отгадать. Моя задача — сохранить этот секрет, а ваша — раскрыть его.

— Я вот уже полчаса высказываю догадки и уверяю вас, что это далеко не так просто. — Он пригвоздил ее оценивающим взглядом. — Берта.

— Берта! — Смех сорвался с ее губ. — Вижу, вы впадаете в отчаяние.

— Ну уж нет! Можете не верить, но я знал нескольких Берт, и ни одна из них не любила своего имени. Тогда Брунгильда.

— А теперь вы просто смеетесь.

— Ничуть. Я знаю некоего Принни, [2]у которого есть по крайней мере одна кузина Брунгильда, прозябающая в каком-то отдаленном ганноверском княжестве. Бог мой, подумать только! Неужели у вас одно из этих невозможных, ломающих язык латинских имен вроде Агриппины или Домитиллы? Такое имечко я бы уж точно старался скрывать.

— Нет, мое имя на самом деле вполне обычное и очень легко произносимое.

— Ага! Наконец-то подсказка! Надеюсь, я угадаю его, в конце концов.

«Вполне возможно», — подумала Лили, недоумевая, зачем выдала даже такую незначительную информацию. Она едва его знает, однако чувствует себя так хорошо и спокойно в его присутствии, как не было у нее никогда ни с одним мужчиной. Ей с ним, конечно, легко, но если она не поостережется, то может совершить еще одну ужасную ошибку, вроде той, что допустила в отношении лондонской почтовой кареты.

«Как легко пасть жертвой его обаяния, — подумала девушка. — То, чего я должна остерегаться, и как следует остерегаться!»

Тем не менее вряд ли она могла отрицать его мужскую привлекательность. От одного лишь его вида ее бросало в трепет, пульс частил, дыхание становилось прерывистым, словно она никак

не могла вдохнуть достаточно воздуха. Пусть она и невинна, но волнение и трепет тела ей знакомы.

Находясь в тесном пространстве кареты — всего в каких-то двух футах от него, — она испытывала странное чувство, будто внутри ее все размягчается и тает, словно масло на солнце. И хотя она старалась не замечать этого, но не могла не ощущать его обаяния, когда он сидел, растянувшись с небрежным изяществом, на сиденье напротив.

Широкие, мощные и крепкие плечи маркиза были обтянуты безупречно сшитым сюртуком шоколадного оттенка, не оставляя необходимости прибегать к набивке, которую используют некоторые мужчины, дабы скрыть свои природные недостатки. Все остальное в нем — каждый дюйм от макушки до стоп — было великолепно: сильные руки, мощная грудь, мускулистые ноги, затянутые в кожаные панталоны, которые ловко облегли крепкие бедра и икры.

В сущности, насколько она могла судить, лорд Весси не имел никаких изъянов, во всяком случае, видимых. От волнистых светлых волос до обутых в ботфорты ног он был само воплощенное совершенство.

Она проглотила внезапный ком, вставший в горле, гадая, сколько еще миль до Лондона.

— Роуз.

Его голос, приятный и бархатистый, как глоток пунша, прервал ее размышления.

— Что? — не поняла она.

— Ваше имя? Быть может, Роуз? Вы сказали, оно обычное и легко произносимое, и все же, я уверен, оно еще и красивое. Такое же красивое, как и вы.

Ее сердце екнуло.

«Какая удачная догадка, — подумала она. — Если он пойдет по этому логическому пути и продолжит перечислять цветочные имена, то непременно назовет и мое имя».

— Нет, не Роуз, — заявила она безапелляционным тоном. — Однако это хорошая попытка. А сейчас, если вы не возражаете, я немного устала и хотела бы поспать.

Он склонил голову.

— Разумеется, пожалуйста, отдыхайте. Обещаю разбудить вас, когда мы приедем в город.

Мельком улыбнувшись ему, она оперлась плечом о ближайший угол кареты и закрыла глаза. Вскоре девушка поняла, что не в состоянии найти подходящее положение, несмотря на удобства.

— Почему бы вам не вытянуться? — предложил он, сознавая ее затруднения. — Если ляжете на бок, то вполне удобно разместитесь на сиденье.

Будь она в платье, никогда бы даже мысли такой не допустила, заставила бы себя спать сидя, невзирая на обстоятельства. Но в последние несколько дней она начала ощущать удовольствие от ношения брюк, оценив, какую они предоставляют свободу движений.

«Почему бы и не воспользоваться преимуществом мужской одежды?» — рассудила она.

Завтра, после того как устроится в гостинице, она вынуждена будет снова превратиться в женщину. Больше никаких сюртуков и брюк.

Решив, что нормы вежливости в общении с маркизом соблюдены, Лили решила вести себя проще и благодарно кивнула. Сдвинувшись на середину сиденья, Лили прилегла и свернулась калачиком на боку. Мгновенное ощущение расслабленности окутало ее, а мягкое покачивание кареты отгоняло прочь все тревоги. Не прошло и пары минут, как она погрузилась в сон.

Итан наблюдал за ней, обводя взглядом тонкие и изящные черты лица и россыпь крошечных веснушек, усеивающих переносицу. «Прелестные веснушки, — подумал он, — у столь же прелестной девушки». То, что она осмелилась путешествовать в мужском обличье, до сих пор не переставало изумлять его.

Люди, решил он, воистину слепы.

Хотел бы он знать, кто она такая. До сих пор ей прекрасно удавалось хранить в тайне сведения о себе, хотя, следовало признать, он получал удовольствие от игры в угадывание имени, несмотря на явную тщетность своих попыток. Когда она проснется, можно будет попытаться еще раз. В конце концов, как он может позволить девушке уйти, даже не узнав, как ее зовут?

Эта мысль беспокоила его. Он все больше сознавал, что нельзя дать ей исчезнуть из его жизни навсегда. Готов ли он отпустить ее, довольствуясь впоследствии лишь воспоминаниями о ней как о дерзкой, смелой и привлекательной девушке? Забавной авантюристке, которая ненадолго вошла в его жизнь, а потом так же быстро исчезла из нее?

Она глубоко вздохнула во сне, и этот звук взволновал его. Внезапно Весси почувствовал возбуждение под тесно облегающими панталонами, томясь от болезненного желания так, словно девушка на самом деле прикасалась к нему, а не просто ласкала слух своим сонным вздохом.

Решив не обращать внимания на свою неожиданную физическую реакцию, он устремил взгляд в окно на проплывающий пейзаж. Эта уловка не помогла. Вскоре глаза его вновь устремились к ней, в точности как это было в таверне, когда он впервые заметил ее и уже не смог отвести взгляда.

вернуться

2

Прозвище наследного принца Великобритании.

Он не вполне понимал природу этого влечения, особенно если учесть, что ее основные женские прелести скрывались под мужской одеждой. Хотя не все, должен был признать он. Во сне она невольно демонстрировала очертания круглой попки, обтянутой шерстяной тканью брюк.

Как будто тело ее прочло его мысли и оценило мужское внимание, она зашевелилась, перевернувшись на другой бок и выставив эту часть тела ему на обозрение.

Он тихонько застонал. Руки так и чесались прикоснуться к этой девичьей округлости.

«Вот почему, — подумал он, — женщины не должны носить брюк. Слишком велик соблазн для душевного равновесия любого мужчины».

Откинувшись головой на мягкое сиденье, Итан закрыл глаза и усилием воли заставил себя думать о скучных вещах. Севооборот. Латинские склонения. Гольф.

Около часа спустя на горизонте показались городские ворота, дорожное движение становилось оживленнее. Уровень шума тоже повысился, улицы были полны людей, лошадиные копыта цокали по булыжным мостовым, время от времени чей-то крик или лай собаки доносились сквозь этот неумолчный гул. Пора будить по-прежнему спящую попутчицу, решил он. Девушка еще раз пошевелилась во сне и теперь лежала на спине, одна нога подогнута под себя, а другая наполовину свешивается с сиденья в еще одной неосознанно провокационной позе.

— Джек, — позвал он.

Нет ответа.

— Джек, — повторил Итан, повысив голос.

Она не подавала никаких признаков того, что услышала его зов.

«Да и с чего бы, — подумал он, — ведь ее зовут вовсе не так».

Чтобы не кричать и не перепугать ее до полусмерти, он встал, удерживая равновесие в покачивающемся экипаже, наклонился над ее распростертым на сиденье телом. Протянув руку, дотронулся до плеча и легонько потряс.

— Мисс Бейн, — позвал он, не сомневаясь, что фамилия, которую она назвала, такая же выдуманная, как и имя. — Пора просыпаться.

Она застонала и пробормотала что-то себе под нос, веки слегка затрепетали.

— Мы уже почти приехали. Очнитесь, моя спящая красавица.

Густой и обволакивающий, словно горячий шоколад, голос вошел в сон Лили. Открыв глаза, она увидела красивое лицо мужчины, с которым только что танцевала во сне, и глаза его оказались даже еще более яркого оттенка, чем в ее воображении. Губы ее приоткрылись в безмолвном возгласе, грудь вздымалась и опускалась под хлопковой тканью рубашки.

Какой-то странный свет замерцал в его взгляде, веки отяжелели, когда этот взгляд заскользил по ее лицу, задержавшись на губах, прежде чем двинуться ниже.

Внезапно осознав, какой растрепанной, должно быть, выглядит в глазах мужчины, она одернула полы сюртука и медленно села. Остатки сонного тумана рассеялись.

— Мы приехали?

— Почти, — отозвался он, вновь усаживаясь на свое место напротив. — Полагаю, ответ зависит от конечного пункта назначения. Где живет ваша подруга? Вас туда отвезти?

Несколько секунд она тупо таращилась на него, не сразу уяснив смысл вопроса. Потом до нее дошло. Предполагаемое пари и ее «подруга».

— Нет, — резко ответила она. — То есть... я хочу сказать... это будет выглядеть очень странно, если я появлюсь у нее на крыльце в моей теперешней одежде, особенно в вашем сопровождении, милорд. В любом случае вы должны понимать, что я не могу открыть ее адреса.

— Как и своего, полагаю, хотя было бы куда проще, если б вы сказали мне, где живете. Чтобы защитить вашу репутацию, я согласен дать указание своему кучеру остановиться за один-два квартала и позволить вам пройти оставшийся путь пешком.

— Если я не готова назвать вам свое имя, милорд, то вряд ли захочу поделиться адресом.

«Даже если б он у меня был», — грустно подумала она.

— Это легко исправить, — заявил он дружеским топом. — Я не знаю подробностей вашей ситуации, но хотел бы снова увидеться с вами. Почему бы вам не сказать мне, кто вы?

Это заявление, похоже, удивило его самого ничуть не меньше, чем ее.

Тоскливое желание забилося в едином ритме с паникой у нее в груди.

— Это невозможно.

— Почему?

«Потому что я уже знаю, что ты слишком опасен, слишком красив, слишком жизнелюбив...» И слишком умен, чтобы довольствоваться полуответами, которые она была бы вынуждена давать.

Кроме того, никак нельзя забывать об осторожности. У нее есть план на будущее — на ее независимое будущее, — и в нем нет места для проказливого аристократа, который заставляет ее пульс трепыхаться, как последний листок на опустошенной ветром ветке. Кроме того, его интерес вряд ли можно воспринимать всерьез. Вероятнее всего, он просто заинтригован ее уклончивыми ответами и желает удовлетворить свое любопытство.

Она нахмурилась, словно грозовая тучка набежала на ее чело. А Весси продолжал:

— Не могу же я просто высадить вас на углу случайной улицы. Мы не в той части города, где бы я оставил кого бы то ни было, даже мужчину.

— Значит, нужен наемный кеб, как только мы доберемся до более спокойного места. В этом случае со мной уж точно все будет в порядке.

Она видела, что он хочет возразить, поняла по сверканию глаз маркиза, что тот раздражен. После довольно продолжительной паузы он коротко кивнул и приподнялся на сиденье, чтобы постучать по стенке над головой. Маленький люк, который соединял внутренность кареты с сиденьем возницы, приоткрылся.

— Гайд-парк, — приказал маркиз, и кучер пробормотал в ответ что-то утвердительное. Со щелчком люк снова закрылся.

Едва Весси успел сесть, как карета сильно дернулась, отчего девушка полетела вперед и чуть не свалилась на пол. Но он успел поймать ее, обхватив руками.

С улицы донеслись крики, по-видимому, там что-то случилось, отчего движение по улице застопорилось. И все же Лили почти не слышала шума, ибо все ее чувства сосредоточились на

паре сильных рук у нее на спине, твердых мускулистых бедрах, которые переплелись с ее ногами. Пошевелившись, он поднял ее и посадил к себе на колени. Она ахнула от новизны ощущений и заглянула ему в глаза.

Он тоже устремил на нее пристальный взгляд, крепче сжав руки.

— Похоже, мы застряли.

— Да.

— Но ничто в Лондоне не стоит на месте подолгу. Мы скоро продолжим путь, и у нас остается совсем мало времени. Назовите мне ваше имя, прошу вас.

С колотящимся сердцем она покачала головой.

— Диана?

Ее губы приоткрылись в трепетном вздохе.

— Нет.

— Как насчет Анны?

— Это красивое имя, но не мое.

— Тогда Мэри. Уже теплее?

— Нет.

Его челюсти напряглись.

— Ну что ж, поскольку вы упорствуете в том, чтобы не оставить мне о себе ничего, кроме воспоминания, полагаю, мне лучше сделать его таким, чтобы никто из нас никогда его не забыл.

Не успела она вздохнуть, как его губы завладели ее ртом, целуя с мастерством и страстью, от которых мысли ее закружились со скоростью падающей звезды. Глубокий и требовательный поцелуй опалил ее, разжигая кровь и оставляя ее одурманенной и дрожащей в его руках.

Ее целовали и раньше, когда ей было шестнадцать, и та короткая встреча с гостящим у соседей кузеном показалась ей тогда вполне приятной. К его разочарованию, однако, она никогда не просила о повторении, а теперь поняла почему. Если бы тот мальчик умел целоваться, как маркиз, они бы не разлучились так быстро.

Хотя, с другой стороны, лорд Весси — мужчина, искушенный и опытный, и каждое его прикосновение говорит об уверенности в себе, умении покорять женские сердца. Даже она, при всей своей наивности, смогла почувствовать его талант дарить женщине наслаждение, которым обладают немногие мужчины, его ловкость в искусстве обольщения, которая вполне могла заставить женщину умолять о продолжении.

Внезапно карета снова покатила вперед.

Не держи он ее, она наверняка свалилась бы на пол. Но такая участь ей совсем не грозила, ибо он привлек ее ближе и повернул голову, стремясь к еще большей полноте и глубине слияния

губ.

Она ахнула, когда он пробежал кончиком языка по нижней губе, затем еще раз, когда проник внутрь, чего она даже вообразить не могла. Все это было в диковинку и нравилось ей. Новые ощущения были одновременно горячими и сладкими, восхитительно вкусными, как конфета. Позволив инстинкту вести ее, она тоже лизнула его, прильнув ближе.

Пальцы мужчины погрузились в ее короткие волосы и обхватили голову. Она застонала от восторга.

Совершенно затерявшаяся в море своих ощущений, девушка почувствовала, как его рука пробралась к ней под сюртук. С безошибочным проворством он отыскал грудь, обхватив ее ладонью сквозь ткань рубашки. Безумная дрожь сотрясла тело Лили, когда он ласкал пальцем сосок. Один раз, второй, потом еще и еще, пока она не потеряла счет, слишком возбужденная, чтобы думать о чем-то другом.

Какое-то сладкое томление зародилось между бедер. Хотелось, чтобы он продолжал и продолжал свои ласки. Завладев ее ртом с пылкой настойчивостью, он побуждал посостязаться с ним, отдаваясь каждому его поцелую и возвращая их с еще большей страстностью.

Плененная, она лежала, дрожа, когда его пальцы трудились над пуговицами ее рубашки, прохладный воздух коснулся кожи, когда он развел полы рубашки и обнажил грудь.

Глаза его сверкали голодным блеском, когда он, придерживая ее под спину рукой, зарылся лицом в изгиб шеи. Проложив дорожку быстрых поцелуев вдоль линии горла, ненадолго задержался у его основания, терзая серией затяжных, влажных поцелуев, от которой ее кожа запульсировала так, словно у нее не одно, а несколько сердец. Спустившись через ключицу, затем по груди, он скользнул ниже.

Вспышка, яркая, словно молния, полыхнула внутри ее, когда он сомкнул губы на груди. Никогда в жизни не испытывала она ощущения, хотя бы отдаленно похожего на это. Рот его был теплым и влажным, язык, словно всполох огня на тугой бусине соска.

Она сглотнула, не в состоянии сдержать стон, который поднимался из глубины горла. Едва ли сознавая, что делает, она вплела пальцы в волнистый шелк его волос, лаская кожу головы, безмолвно побуждая его не останавливаться.

В этот момент он легонько куснул ее — нежное сжатие зубов, от которого она выгнулась дугой ему навстречу. Смягчил укус, лизнув языком, потом еще и еще, пока она не подумала, что вот-вот сойдет с ума.

Он поворачивал голову, по-видимому, чтобы взять в мучительно-сладкий плен другую грудь, когда соединяющий люк внезапно открылся.

— Гайд-парк, милорд, — объявил кучер, прежде чем так же быстро захлопнуть маленькую дверцу.

Маркиз застыл над ней, приглушенный стон тихо слетел с его губ.

Она тоже застонала, и только потом до нее дошло, что карета больше не двигается. Мягкий полумрак окутывал все внутри; солнце начинало садиться, но ни он, ни она этого даже не заметили.

«И благодарение небесам за скрывающие тени», — подумала Лили, представив шокирующе непристойное зрелище, в котором они бы предстали перед его слугами или случайным прохожим, который мог заглянуть в карету.

Все еще пребывая в страстном томлении, Лили силилась прийти в себя, в смущении соскользнув с его колен на сиденье. Она торопливо запахнула рубашку, дрожащими пальцами спеша застегнуть пуговицы.

Маркиз отвел ее руки в сторону.

— Позволь мне.

Она на мгновение заколебалась, прежде чем уступить его просьбе.

Сноровистый, как камердинер, он застегнул рубашку, слегка поправил края, потом разгладил помятые полы сюртука.

Эта небрежная интимность ошеломила ее, но, учитывая то, что они делали каких-нибудь пару минут назад, она решила, что несколько поздновато изображать возмущенную невинность.

Оглядев ее в тусклом свете, он протянул руку и стащил ленточку с волос.

Она охнула, когда прямые, густые локоны, концы которых едва доставали плеч, рассыпались по щекам.

— Спутались, — объяснил он. Не дожидаясь ее разрешения, он как мог привел в порядок пряди ее волос, и от его прикосновения новая волна удовольствия накрыла ее. Она видела, что ему это тоже нравится, и на мгновение подумала, что он ее снова поцелует.

Но он лишь собрал волосы на затылке и связал тонкой шелковой ленточкой. Закончив, немедленно отпустил ее.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я увидел ваш дом? Мне совсем не нравится идея оставить вас здесь, даже если вы планируете проехать оставшуюся часть пути в наемном кебе.

— Не волнуйтесь, милорд. Со мной все будет хорошо. А сейчас мне в самом деле пора. Спасибо, что накормили, подвезли и... — Она осеклась, чувствуя, как щеки жарко вспыхнули. — В общем, спасибо.

— Вы уйдете и даже не назовете мне свое имя?

Она заколебалась, читая острое желание в его взгляде.

«А какое это теперь имеет значение? — подумала она. — Сейчас мы расстанемся, и я больше никогда его не увижу».

Уголки ее губ приподнялись в сладостно-горькой улыбке.

— Лили.

И прежде чем успела остановить себя, приложила ладонь к его щеке и притянула голову вниз для последнего, импульсивного поцелуя. Она смаковала сладость его губ, желая запечатлеть в памяти ощущения, которые никогда не забудет, как он и обещал.

Прервав объятие так же быстро, как и начала, она повернулась, открыла дверцу и спрыгнула на землю.

Спеша к кебу, девушка чувствовала спиной его взгляд. И все же он не попытался остановить ее, когда она забралась в ближайший наемный экипаж и назвала вознице гостиницу, старательно понизив голос, чтобы слышал только он.

Кебмен кивнул, щелкнул кнутом, и лошади тронулись с места.

Повернув голову, она взглянула через плечо и увидела, что Весси наблюдает за ней, его светлые волосы блестят в мерцании фонарей. Она долго смотрела, потом заставила себя отвернуться. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Правда, она боялась, что сделать это окажется не так-то просто.

Глава 4

Два дня спустя Лили сидела в адвокатской конторе «Пенниройал и сыновья». Сам мистер Юстас Пенниройал был к ее услугам.

— Что ж, — сказал ей поверенный, — моему клерку потребуется совсем немного времени на то, чтобы отыскать папку с завещанием вашего дедушки. А пока могу я предложить вам чашку чаю? Вода, должно быть, уже вскипела.

Взглянув на маленький камин и чайник, пристроенный на металлической решетке для разогрева, Лили согласно кивнула:

— Благодарю вас, мистер Пенниройал, с удовольствием.

Когда поверенный просеменил к камину, чтобы приготовить напиток, она оглядела кабинет, вдоль стен которого тянулись шкафы, заставленные толстыми книгами в кожаных переплетах, в основном, как можно было предположить, по юриспруденции. Сложив затянутые в черные перчатки руки на коленях поверх черных муслиновых юбок, Лили постаралась расслабиться. Впервые почти за неделю она чувствовала себя полностью самой собой, вновь облаченная в женскую одежду.

Вчерашняя поездка в лавки подержанного платья, что на Петтикоут-лейн, снабдили ее одеждой и аксессуарами — вещами, которые она не имела возможности взять с собой из дома. Несколько лишних пенсов в ладонь лавочницы убедили женщину помалкивать о «мальчике», который купил одежду, и о молодой женщине, которая вскоре появилась из примерочной.

Хотя ее новый наряд не был модным, как та одежда, которую она носила раньше, приобретенное платье когда-то принадлежало даме со вкусом и, что важнее всего, Лили могла себе позволить его купить. Как только она получит свое наследство, то позаботится о том, чтобы найти подходящую модистку и заказать новый гардероб. Еще она планировала переехать в лучшую гостиницу — уже третью со времени приезда в Лондон — после того, как покинет сегодня контору поверенного.

Из первой гостиницы она выписалась очень скоро, решив, что лучше не рисковать возвращаться в комнату «Джека Бейна» одетой как женщина после посещения Петтикоут-лейн. И хотя номер, в котором она провела последнюю ночь, оказался вполне приличным, утром завтраком она чувствовала себя крайне неловко, когда парочка постояльцев-мужчин

решила подсесть к ней за стол. Лили с облегчением расплатилась по счету и отбыла.

— Ваш чай, прошу, — объявил мистер Пенниройал. Улыбаясь ей поверх очков, сидящих на кончике длинного носа, он протянул ей чашку с блюдцем. Сладкий цветочный аромат приятно разливался в воздухе.

Сделав глоток, она дала себе мгновение насладиться этой маленькой роскошью после нескольких дней лишений. Разумеется, было несколько ярких моментов во время ее путешествия в Лондон. Восхитительная трапеза в таверне с лордом Весси и поездка в его роскошной карете. И конечно, его поцелуи и возбуждающие, незабываемо чудесные прикосновения рук.

Тепло прихлынуло к щекам, придавая им розовый оттенок, который, она надеялась, поверенный припишет горячему чаю.

«Я должна прекратить думать о маркизе, — предостерегла она себя. — Это перевернутая страница, и мне надо забыть его». Задача, которая пока оказывалась непосильной, ибо все ее сны были наполнены его образом.

Она молча приказала себе сосредоточиться на своем будущем, думать о свободе, которая уже почти у нее в руках благодаря дару любящей матери.

Лили не знала почему, но когда мать вышла замуж за Гордона Чока, она не сообщила ему о наследстве, которое ее отец оставил для Лили. Десять тысяч фунтов — по крайней мере так сказала ей мама несколько месяцев назад. Возможно, уже тогда она сознавала, что не переживет этот год, и хранила тайну столько, сколько могла.

Однажды, когда Лили смывала кровь с распухшего лица матери, избитой Чоком, та протянула руку и схватила ее за запястье.

— Твой дедушка оставил тебе деньги, — прошептала она. — Они в Лондоне, в нотариальной конторе «Пенниройал и сыновья». Воспользуйся ими и беги, пока еще есть время. Уезжай немедленно. Спасайся, Лили!

Разумеется, никуда она не уехала. Как она могла бросить мать, которая нуждалась в ней? Но как бы горячо ни боролась Лили за жизнь матери, Луиза Бейнбридж Чок таяла на глазах. Зимняя пневмония, сказал доктор, но Лили-то знала правду. Мама отказалась от жизни, ее сердце было разбито двумя мужчинами, которые должны были ее любить и лелеять.

Вне всякого сомнения, Чок был подлецом и негодяем, но по крайней мере его жестокость была прямолинейной, даже предсказуемой в каком-то ужасном смысле. Страдания же, причиненные отцом Лили, были более вероломного свойства. Хотя он никогда жену и пальцем не тронул, он сделал много хуже: взял ее любовь и привязанность, использовал их, пусть и ненамеренно, и медленно разбивал ей сердце день за днем.

Щеголеватый и красивый, словно сказочный принц, Тимоти Бейнбридж был четвертым сыном графа. Лихой и бесшабашный, он мог обаять кого угодно и всю пользовался этим. Когда отец намечал себе очередную жертву, его сосредоточенность была абсолютной, внимание завораживающим настолько, что на тот короткий период времени у бедняжки создавалось ощущение, будто она для него самое дорогое существо на свете.

Но, как они с матерью скоро поняли, Тимоти Бейнбриджу все быстро наскучивало, ему для счастья требовалась постоянная новизна в жизни, равно как и постоянно увеличивающиеся

дозы эмоционального возбуждения и приключений.

Вместо того чтобы остепенить его, что в представлении большинства должен был сделать брак, обязательства лишь побуждали его больше рисковать, больше гоняться за неизведанным, смотреть в лицо еще более серьезным опасностям. А в то время, когда он охотился на тигров в Индии, взбирался на горные вершины в Альпах и плывал по обширным китайским морям, им с мамой приходилось самим заботиться о себе.

Деньги приходили, но только когда он вспоминал, что должен послать их, а это временами бывало каждый месяц, а порой всего раз в год. То целый шквал писем и подарков, удивительных и красивых вещей, которые прибывали со всего света, то вдруг связь полностью прекращалась.

И иногда — обычно, когда жизнь дома входила почти в нормальный ритм — он неожиданно возникал на пороге. И снова ослеплял их своим обаянием, заставляя желать, чтобы он остался, чего, как они обе знали, никогда не могло быть.

Лили ненавидела его. Она негодовала на его отсутствие, злилась, что из-за него мама истерически рыдала каждый раз, когда он уезжал, а потом становилась бледной от беспокойства, когда он не писал и не давал им знать, что жив и здоров.

Его смерть стала для них почти облегчением. Они узнали о случившемся из письма какого-то чиновника из канадской колониальной провинции. В нем сообщалось, что мистер Бейнбридж погиб после того, как был сильно покалечен медведем. И все же, несмотря на свою враждебность по отношению к отцу, Лили плакала так же горько, как и мать, пустота и скорбь поселились у нее в душе и, как она считала, навсегда.

В отличие от других девочек, мечтающих об идеальном мужчине, который однажды появится и вскружит голову, она поняла в тот тринадцатый год своей жизни, что никого не хочет любить, никогда не выйдет замуж. Женщина замужем становится собственностью своего мужа, от него зависит ее физическая и духовная безопасность. Лучше быть одной, рассуждала она, чем обрекать себя на риск неизбежного предательства и боли.

Благодаря отцу она усвоила один урок: никогда не доверяй мужчине. Второй мамин муж только подкрепил эту убежденность.

— Вам понравился чай, миссис Смайт?

Лили вздрогнула и нахмурилась. Ей потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, что это она миссис Смайт. По крайней мере так она решила представиться поверенному.

Лили знала, что обращение незамужней двадцатилетней женщины за наследством будет воспринято крайне неодобрительно, невольно вызовет вопросы. По традиции с такой просьбой должен обращаться опекун, в ее случае — Гордон Чок. Но об этом, разумеется, не могло быть и речи.

И хотя она была почти уверена, что мистеру Пенниройалу ничего не известно о втором браке ее матери, она не могла допустить, чтобы он связался с отчимом по поводу этой финансовой операции. Поэтому, дабы придать себе некоторую степень заслуживающей доверия независимости, она решила изобрести мужа. Потом, в последующей вспышке вдохновения, так же быстро убила его.

Она улыбнулась про себя, гордясь тем, что придумала такую уловку. Теперь остается лишь

играть роль молодой, скорбящей вдовы, и пусть дела разворачиваются так, как должно.

— Чай замечательный, спасибо. — Она сделала еще глоток, потом послала ему сдержанно-застенчивую улыбку.

Он отставил свою чашку.

— Мои искренние соболезнования по случаю ваших потерь. Какое, должно быть, ужасное было для вас время: вначале смерть мужа, а потом и вашей матушки. Уход дорогих нам людей — это всегда нелегко.

— Да, конечно. — Думая о матери, ей нетрудно было придать лицу выражение искренней печали. — Это одна из причин, по которой я решила приехать в Лондон. Дома слишком много грустных воспоминаний.

— Где он погиб, могу я спросить?

Лили не сразу поняла, что он имеет в виду. Кто погиб? До нее не сразу дошло, что он говорит о ее «муже».

«Господи помилуй, — подумала она, — мне надо быть более внимательной, если я не хочу быть пойманной! И, милостивый Боже, он, по-видимому, ожидает, чтобы я назвала битву. Думай, Лили, и побыстрее».

Сделав еще глоток чая, она дала себе минуту, чтобы придумать ответ. Ее чашка задрезжала, когда она поставила ее на блюдце.

— При Виттории, — ответила она унылым тоном, — меньше года назад. — Теперь она была рада, что всегда находила время прочесть в газетах репортажи о войне.

— Ах, Виттория. Великая победа для британцев и португальцев. Помогла нам сбросить маленького императора с трона и водворить его на Эльбу, где ему самое место. Вполне закономерно, я думаю. Вы, должно быть, очень гордитесь благородной жертвой вашего супруга.

Она кивнула:

— Конечно, и испытываю огромное облегчение, что снова наступил мир.

Этот клерк когда-нибудь вернется?

Словно в ответ на ее нетерпение несколько секунд спустя послышался стук в дверь, и один из четверых помощников мистера Пенниройала стремительно вошел и положил перед своим работодателем толстую стопку переплетенных бумаг. Как только молодой человек вышел и закрыл дверь, поверенный протянул руку и развязал ленточку, которая скрепляла папку. Он пошелестел листками, прежде чем вытащить один неподшитый.

— А, вот оно. Уже подготовлено в ожидании того дня, когда вы придете заявить свои права на наследство. — Он немного помолчал, пробегая глазами документ. — Все кажется в порядке, хотя здесь по-прежнему внесено на подпись ваше девичье имя. — Его седые брови сошлись над переносицей. — Быть может, мне следует распорядиться переделать документ?

У нее засосало под ложечкой.

— Это так необходимо?

Милостивый Боже, что же ей делать, если он станет настаивать, чтобы она подписалась фамилией по «мужу»?

Он в задумчивости приложил палец к нижней губе, потом сказал:

— Нет, полагаю, строгой необходимости в этом нет. Напряжение, сковавшее ее, немного отпустило.

— Видите ли, я бы предпочла подписать все сегодня. Мне не совсем удобно об этом говорить, мой... м-м... муж был младшим офицером, и хотя такие детали не имеют значения, когда ты влюблен, должна признаться, материально мы никогда не были хорошо обеспечены. Могли бы мы приступить прямо сейчас? Я очень нуждаюсь в денежных средствах, знаете ли.

Пожилой поверенный поджал губы и нахмурился.

— Гм? Нет никаких сомнений в том, что вы законная наследница, девичья у вас фамилия или по мужу. Да, полагаю, тут никаких проблем. — Он подтолкнул к ней листок и вручил ручку. — Подпишите внизу.

Пальцы у нее дрожали, но она заставила себя успокоиться, прежде чем окунула перо в чернила и вывела свое имя. Только когда поверенный промокнул чернила с листка и положил его назад в папку, напряжение отпустило ее одеревеневшие мышцы.

Он улыбнулся:

— Если вы не против подождать, я выпишу для вас поручительство. Мы инвестируем средства в очень уважаемый банк. Полагаю, вы не захотите снять сразу всю сумму с их счетов?

— Нет, не думаю, что мне немедленно нужны сразу все десять тысяч фунтов.

— Десять тысяч? О, полагаю, сумма гораздо больше. — Снова порывшись в бумагах, он вытащил из пачки другой листок. — Вот последняя расчетная ведомость. Да, как я и думал. Текущий баланс составляет сорок восемь тысяч девятьсот семьдесят три фунта, одиннадцать шиллингов и шесть пенсов. Ваш дедушка внес эти деньги почти двадцать лет назад. С тех пор сумма значительно возросла.

Сердце Лили заколотилось. Сорок восемь тысяч фунтов. Святители небесные, она богата!

— Пяти сотен на сегодня будет достаточно? — спросил мистер Пенниройал.

Лили не смогла сдержать улыбки, которая буквально расцвела у нее на лице.

— Боже мой, да!

Поверенный рассмеялся и снова позвал клерка.

— И еще одно, — сказал он после того, как отправил своего человека, чтобы выписать Лили чек. — Вы упоминали, что впервые в Лондоне. Я знаю отличный городской дом, который может заинтересовать вас. Рассказать вам о нем?

Городской дом? Она не заглядывала так далеко в будущее, но определенно не хотела продолжать жить в гостинице, даже если сейчас может позволить себе остановиться в одной

из лучших, в «Грильоне» или «Кларидже», например.

Возможно, собственный дом — именно то, что нужно.

— Да, — согласилась она, — пожалуйста.

Разговоры и смех текли, как извилистая река, по гостиной Баскомов — элегантной комнате, предназначенной для тех, кто не желает ни танцевать в переполненном бальном зале, ни фланировать в шумной толпе.

— Твой ход, Весси, — напомнил Тони Блэк, герцог Уайверн.

Итан вскинул глаза и обнаружил, что трое джентльменов за карточным столом смотрят на него выжидающе.

— Что? — пробормотал он.

— Твой ход, — подсказал виконт Ховард, такой же, как и его приятели, прожигатель жизни, который чуть раньше заглянул в карточную комнату и согласился быть четвертым.

— Ах да. — Итан кивнул и нахмурился, глядя в свои карты. Рассчитывая на одну лишь интуицию, он выбрал трефовый валет и бросил его.

Остальные игроки недовольно заворчали.

— Только Итану удастся брать взятки, даже когда он играет невнимательно, — прокомментировал Рейф, барон Пендрагон, потянувшись за своим бокалом портвейна.

— Везет в картах, как говорят, — колко заметил Тони, дожидаясь, когда Итан начнет следующую партию.

Итан выложил еще одну трефовую. Остальные сыграли по очереди, и Итан снова взял взятку. Однако к следующей партии его мысли опять начали рассеиваться. Друзьям пришлось напомнить ему, когда наступил его черед ходить.

Тони вскинул бровь:

— Итак, кто она?

— Ты о ком? — спросил он небрежным тоном, раздумывая, какой картой сыграть.

— О женщине, которая оккупировала все твои мысли, вот о ком.

Итан выложил даму червей.

— Не понимаю, о чем ты.

Герцог закатил глаза:

— Все ты понимаешь. У такой твоей рассеянности могут быть только две причины: деньги и женщины. Если б ты прошлой ночью заложил свое нехилое состояние в каком-нибудь игорном аду и проиграл, то теперь был бы уже в стельку пьян и готов застрелиться. А это означает, что причина твоей теперешней рассеянности — женщина. Итак, кто она?

— Да, Весси, давай рассказывай, — поддержал герцога лорд Ховард. — Она леди или какая-нибудь актриска? Очень надеюсь на последнее, ибо с ними гораздо интереснее.

— Нет никого, и рассказывать нечего.

— Интересно, как зовут эту «никого», — задумчиво проговорил Тони.

Лили.

Ее миловидное лицо в форме сердечка появилось перед его мысленным взором, как происходило с регулярной частотой с тех пор, как три дня назад он смотрел вслед удаляющемуся кебу.

— Камилла, — предположил Тони.

— Аврора, — высказал свою догадку Ховард, выкладывая карту.

Рейф сделал глоток вина.

— Джоан, быть может.

Их поддразнивания напомнили ему, как он сам играл в такую угадку в карете, и плоть его зашевелилась от жаркого воспоминания о том, что произошло между ним и Лили.

— Как ее зовут, не имеет значения.

Поскольку ее имя — это все, что он о ней знает.

— Ага! — торжествующе воскликнул Тони. — Значит, все-таки причина — женщина.

— Не обращай на них внимания, — посоветовал Рейф. — Хотя если захочешь откровенничать, ты же знаешь, что всегда можешь мне все рассказать, — добавил он с добродушной улыбкой.

Итан покачал головой:

— Спасибо, пока нечего.

Хотя, возможно, ему стоило бы рассказать Рейфу, ведь его друг обладает способностью знать все и всех, да еще немножко сверх того. Богатый финансист, который поднялся до положения аристократа лишь в прошлом году, Рейф мог собрать нужную информацию о людях, с которыми никто из них не может даже надеяться соперничать. Если кто-то и мог отыскать Лили, то только Рейф. «Видит Бог, сам я потерпел неудачу», — размышлял Итан.

Как только наемный экипаж тронулся, он отправил одного из своих лакеев проследить за ним. Вернувшись тем вечером, его слуга доложил, к его немалому удивлению, что кеб высадил молодого человека возле гостиницы, а не у частного дома, как он полагал.

На следующее утро, едва рассвело, он, не став завтракать, отправился в ту гостиницу справиться о ней. Портье за стойкой сказал, что некий Джек Бейн переночевал у них, но отбыл меньше часа назад, не оставив своего дальнейшего адреса.

Итан битый час проездил в своем фаэтоне по району в смутной надежде, что может увидеть ее, но тщетно. Что собирается сказать или сделать, если найдет ее, он не знал.

Возвратившись домой, он велел себе забыть ее. Их случайная встреча была интересной, но она завершилась. Лили будет продолжать жить своей жизнью, а он — своей.

И все же он не мог перестать думать о ней, гадая, кто она на самом деле, беспокоясь, все ли с ней в порядке.

«Не грозит ли ей какая опасность? — то и дело спрашивал он себя. — Здорова ли она?»

Возможно, не следовало ему отпускать ее в том наемном экипаже, а настоять на том, чтобы самому отвезти ее домой, что бы она там ни говорила. Почему она поехала в гостиницу? Было ли это еще одной частью ее так называемого спора с подружкой? Или существует другое объяснение? И есть ли у нее вообще дом в Лондоне? Или подружка, которая заключает столь возмутительные, безответственные пари?

Когда дело касалось Лили, он не мог быть уверен ни в чем. Единственное, что он знал наверняка, — это то, что еще никогда не встречал более жизнерадостной, умной, независимой девушки. Она попеременно то раздражала, то забавляла, то изумляла его. Еще она воспламенила его кровь, заставив почувствовать такое возбуждение, которого он не испытывал с тех пор, как был похотливым юнцом, только-только постигающим ни с чем не сравнимые радости женских ласк и объятий.

Как ни старался, он не мог выбросить ее из головы, как, впрочем, и из сердца. Три дня минуло, а он все еще помнит изысканно сладкий вкус ее поцелуя, ощущает чистый ванильный запах кожи, теплоту ее нежного прикосновения, смелого и в то же время удивительно невинного.

Как он мог потерять ее, когда все только-только началось?!

— Итан, очнись. Должно быть, она и вправду необыкновенная.

Он услышал замечание Тони и, вскинув глаза, встретился с заинтересованным взглядом друга.

— Это не имеет ни малейшего значения, поскольку я ее больше не увижу. — Итан помахал веером карт в руке. — Так мы играем или нет?

Три недели спустя Лили вышла из своего новенького ландо. Лакей помогал ей сойти на тротуар, а кучер твердой рукой удерживал новую упряжку, состоящую из пары гнедых. Незаметно расправив юбки своего элегантного дневного платья из черного шелка, она взглянула вверх, на городской дом своей подружки Давины Финч, точнее Давины Коутс, поскольку она теперь замужняя женщина.

Несмотря на дружеский обмен письмами в последнюю неделю, Лили не вполне знала, чего ждать. В конце концов, что можно сказать подружке, с которой ты не виделась и не общалась целых восемь лет?

Конечно, она дорожила воспоминаниями о Давине, ведь они были так близки, когда учились в пансионе для благородных девиц мисс Твидмон. С самой первой минуты знакомства их с Давиной связывало то, что они обе очень скучали по дому.

Как Лили теперь понимала, мама просто хотела дать ей хорошее образование. Год за годом сменявшие друг друга гувернантки не могли справиться с Лили, вольно носившейся по камням и утесам, которые тянутся вдоль живописной береговой линии Корнуолла.

Давина, не в пример подруге, училась быть леди практически с пеленок. Ее отец, богатый торговец шерстью из Лидса, всегда возлагал большие надежды на свою дочь. Давина, обещал он, выйдет замуж только за аристократа.

И похоже, ее отец достиг своей цели, размышляла Лили, поднимаясь по парадным ступенькам и входя в изысканный Мейфэр лорда и леди Коутс. Дворецкий приветствовал ее, затем проводил в малую гостиную, попросив подождать, пока он сообщит госпоже о ее приходе.

Оглядевшись, Лили залюбовалась нежно-розовыми обоями с цветочным узором и темной мебелью красного дерева с резьбой в египетском стиле. Хотя комната была красивой, Лили обнаружила, что предпочитает более простую обстановку своего дома.

Расположенный в богатой части Блумсбери, ее уютный дом был теперь для нее всем. Она без труда подобрала персонал, ибо большая часть слуг прежнего хозяина пожелала остаться у нее в услужении. Дом даже мог похвастаться дружелюбным хвостатым жителем: большим серым полосатым котом по кличке Мозер.

Вскоре после заселения, однако, Лили начала сознавать новую проблему — она одинока. Когда она бежала в Лондон, то была сосредоточена исключительно на побеге и достижении свободы. Но как только попала в город и добилась своих первоначальных целей, реальность ее новых обстоятельств быстро стала очевидной.

Как и стремилась, она жила самодостаточной жизнью. Но это не означало, что ей хотелось оставаться одинокой. В конце концов, она же не затворница. И все же без поддержки родственников и друзей она не имела связей в обществе и возможности получить туда доступ.

К ее отчаянию, мысли тут же устремились к маркизу Весси, и сразу тепло растеклось по телу. Хотя со времени их встречи прошло уже несколько недель, он по-прежнему не выходил у нее из головы.

Какая ирония, признавалась она себе, что он — единственный человек, которого она знает в Лондоне! Но об обращении к нему не может быть и речи. Во-первых, ни одна приличная женщина не попросит об услуге джентльмена, который не является членом ее семьи. А во-вторых, у них с лордом Весси имеется общая, пусть короткая, но значимая история, которую она предпочла бы сохранить в тайне. Она не собирается больше никогда с ним видаться, и это статус-кво должно сохраняться.

Затем на прошлой неделе она случайно наткнулась на заметку в «Морнинг пост» в светской колонке, где упоминалось о вечере, на котором присутствовало несколько дам, включая некую «Давину Коутс». Имя настолько необычное, что Лили не могла не задаться вопросом, не может ли это быть ее подруга. Ностальгические воспоминания о ней вновь нахлынули на нее.

Лили бросилась наводить справки. К ее радости, она получила скорый ответ от Давины, в котором говорилось, что она и есть та самая девочка и что, конечно же, будет просто счастлива возобновить их знакомство.

Теперь, слишком переполненная радостным предвкушением, чтобы присесть на диван в гостиной, Лили ждала встречи со своей давней подругой, гадая, что будет делать, если Давина не такая, какой она ее помнит. Но едва Давина вошла в комнату, она поняла, что все ее страхи напрасны, годы умчались прочь, словно их и не бывало.

— Лили! — воскликнула воздушная блондинка. Бросившись через комнату, она заключила ее в горячие объятия, и Лили ответила с той же пылкостью.

— Давина! — Она засмеялась, отстранившись. — Как чудесно снова видеть тебя!

— И тебя! Я не могла поверить своим глазам, когда пришла твоя записка, так была рада. — Давина, которая стала еще красивее, чем раньше, увлекла ее на диван и усадила рядом. — Ну, расскажи мне все.

Лили снова рассмеялась, последние остатки напряжения отпустили плечи.

— Но мы ведь не виделись восемь лет...

— Тем более. Я не могла не заметить, что ты подписалась фамилией «Смайт». Ты тоже замужем?

Лили заколебалась, чувство вины поползло по коже, словно маленькая армия муравьев. Ей не хотелось лгать. И сущности, ложь всегда была ей противна. Но если взрослая Давина такая же, как была ребенком, ей не удастся сохранить историю Лили в тайне. Не то чтобы Давине нельзя было доверить секрет — можно! — но если она будет знать правду, то никогда не сумеет лгать другим. Милая и доверчивая Давина принадлежит к тому типу людей, которые просто не умеют хитрить, даже защищая благое дело.

Молча моля о прощении подруги, Лили начала рассказывать свою выдуманную историю.

К концу рассказа улыбка сползла с красивых губ Давины.

— Ах, бедняжка, потерять и мать, и мужа почти одновременно, как это ужасно! Ну, ты больше не одна. Ты с друзьями, поэтому ни о чем не беспокойся.

Лили ответила на искреннюю улыбку подруги.

— И хотя твоя скорбь вполне естественна, — продолжала Давина, — ты не должна прятаться. Тебе надо быть среди людей, и у меня есть прекрасное решение. В этот четверг я даю обед и настаиваю, чтобы ты пришла. Отказа не приму.

Лили усмехнулась, впервые за много дней почувствовав себя бодрее, чем когда-нибудь со дня побега.

— Ну что ж, значит, мне лучше согласиться.

Глава 5

Итан принял от дворецкого стакан виски. Сделав глоток, стал слушать разговор небольшой группы мужчин, с которыми стоял.

— Слишком много солдат возвращается с войны без перспективы найти работу, — констатировал лорд Помфри. — Они ищут свое место в жизни не всегда законными способами. Напрашивается вывод, что беспорядки продолжатся до тех пор, пока что-то не будет предпринято.

— Да, но что? Не существует простых решений, особенно когда цены так непомерно высоки, — отозвался другой господин.

— Именно по этой причине нам необходимо изменить твердолобую позицию Ливерпуля и

остальных тори, — с жаром заявил их хозяин, лорд Джеффри Коутс. — Наверняка есть способы убедить их пойти на компромисс.

— На эту попытку, милорд, — подал голос Итан, — у вас уйдет вся жизнь. Разве вы не слышали старый анекдот, почему тори не могут ездить на ослах? Потому что осел слишком упрям, чтобы сдвинуться с места, а тори слишком упрям, чтобы слезть.

Мужчины засмеялись, Коутс тоже, хотя Итан был убежден, что реформаторский энтузиазм его друга остался непоколебим.

Итан не был близко знаком с лордом Коутсом, ибо они имели тенденцию вращаться в разных светских кругах. Но чтобы оказать содействие и провести билль, который поможет рабочим и фермерам в родных краях Итана, он принял сегодняшнее приглашение на обед.

Мужчины были увлечены очередным горячим политическим спором, когда ослепительная блондинка вошла в комнату и остановилась рядом с Коутсом.

— Джеффри, джентльмены, прошу прощения за то, что прерываю беседу, но, как некоторые из вас, возможно, заметили, здесь присутствуют и дамы.

Лорд Помфри кивнул своей лысеющей головой и улыбнулся:

— Да, мадам, полагаю, вы совершенно правы.

— Тогда пожалейте нас, бедных женщин, и пообщайтесь с нами немного. У вас еще будет предостаточно времени, чтобы посетовать на несправедливость жизни, когда подадут портвейн и сигары.

— Справедливо замечено, миледи, — согласился Помфри, обменявшись с остальными понимающими улыбками.

Когда мужчины начали расходиться, Давина Коутс мягко положила ладонь на рукав Итана, останавливая его.

— Милорд, если вы позволите, я хотела бы вас кое с кем познакомить. Она моя давняя, очень близкая подруга, недавно прибывшая в Лондон. Могу я представить вас друг другу?

— Конечно, ваша светлость, — согласился он, отставив свой стакан с виски. — Буду очень рад.

Он гадал, кто же эта подруга, и надеялся, что его хозяйка не попытается выступить в роли свахи. Если так, то ей суждено разочароваться. Заинтригованный, он последовал за леди Коутс.

Когда они шли, Весси не мог не заметить изящную женщину, стоящую с двумя другими дамами в дальнем конце гостиной. Живые и трепещущие, словно пламя, ее волосы были подколоты кверху, но несколько коротких локонов остались лежать на грациозной шее. Поскольку она стояла спиной, он не мог видеть ее лица, зато залюбовался гибкой, стройной фигурой, облаченной в шелковое платье яркого изумрудного цвета.

Тело его непроизвольно напряглось, реагируя так, как, кажется, реагировало в последние дни на каждую рыжеволосую женщину, с которой он встречался. Прошли недели, но он по-прежнему не мог выбросить ни из мыслей, ни из чувств воспоминание о девушке с огненно-рыжими волосами. К его удивлению, хозяйка вела его мимо других гостей по пути, который все приближал и приближал его к незнакомке.

Неужели она и есть та самая подруга, гадал он.

Очевидно, да, понял Итан, когда леди Коутс остановилась рядом с женщиной и наклонилась, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Тихо извинившись перед другими дамами, с которыми рыжеволосая беседовала, леди Коутс повернулась к нему с широкой улыбкой на лице:

— Я рада, сэръ, представить вам мою дорогую подругу. Милорд, миссис Смайт. Лили, Итан Андертон, маркиз Весси.

Словно земля внезапно сместилась со своей оси! Женщина, которую он больше никогда не надеялся увидеть, медленно повернулась.

Лили! Его Лили. И все же не совсем она. Не такая, какой он ее помнил. Изящная, женственная, совсем не похожая на рыжеволосого мальчишку. Он не мог отвести взгляд от ее груди, очерчиваемой лифом — мучительно соблазнительный кусочек плоти, открывающийся его восхищенному взору.

Тот же прелестный носик с изящной россыпью веснушек. Те же похожие на драгоценные камни глаза, зеленые радужки которых почти идеально гармонировали с цветом элегантного вечернего платья. Тот же рот, те же мягкие, сочные губы, которые он горячо, жадно и страстно целовал. Вкус этих поцелуев он, казалось, ощущал даже сейчас.

Он силился подавить мгновенный прилив желания. В паху заняло так, что, как он знал, могло оказаться заметным, если он немедленно не возьмет себя в руки. Поймав ее взгляд, Итан прочел потрясение, светящееся у нее в глазах.

Ресницы опустились за мгновение до того, как она присела в глубоком реверансе.

— Я рада, милорд.

Он поклонился, только теперь вспомнив имя, которым леди Коутс представила ее.

— Миссис Смайт. — Даже для его собственного слуха слова прозвучали резко, непривычно. Миссис Смайт! Брови его сошлись вместе, острые, как пара кинжалов.

Ад и все дьяволы! Она что, замужем? Не в состоянии произнести вслух ошеломляющий вопрос, он вперил в нее взгляд.

Давина Коутс, о которой он почти забыл, переводила взор с одного на другого с выражением озадаченного любопытства в глазах.

— Возможно, мне показалось, но вы что, знаете друг друга?

— Нет, — выпалила Лили.

— Да, — проговорил он одновременно с ней, и их голоса наложились друг на друга.

Леди Коутс рассмеялась:

— Бог мой, так что же? Да или нет?

Он ждал, позволив Лили говорить первой.

— Нет, — сказала она. — По крайней мере не совсем. Мы с лордом Весси... э... видели друг

друга, но не были официально представлены.

— Да, — учтиво поклонился он. — Мы видели друг друга...

И целовали друг друга, и прикасались друг к другу.

— О! — воскликнула Давина, еще более заинтригованная, чем прежде. — Быть может, вы знакомы с покойным супругом миссис Смайт, ваша светлость? Встречались когда-нибудь?

Покойный супруг? А, так она вдова! Напряжение, сковавшее плечи, отпустило.

— Гм, — пробормотал он. — Не думаю, но все возможно.

Леди Коутс опять озадаченно улыбнулась:

— Что ж, прекрасно. Мне приятно, что я смогла представить вас друг другу. С вашего позволения, вижу, я нужна на другом конце гостиной. Что-то насчет обеда, полагаю.

Лили бросила на подругу выразительный взгляд, словно готова была запротестовать против ее ухода. Но все же придержала язык, когда хозяйка вечера еще раз улыбнулась и упорхнула.

Несколько долгих мгновений ни он, ни его неутомимая искательница приключений не проронили ни звука. Весси решил, что девушка стала еще прекраснее с момента их последней встречи. С одной стороны, он злился на нее — за что, и сам не вполне понимал. Но с другой, и эти чувства были гораздо сильнее, испытывал радость, облегчение и счастье, что неожиданно снова нашел свою проказницу.

«Уж в этот раз, — подумал он, — я не отпущу ее».

Он всем телом подался вперед, придвинувшись ближе в надежде поговорить, чтобы их никто не услышат. Когда она сделала два шага назад в ближайший угол, он последовал за ней. Легкий ванильный аромат ее духов достиг его ноздрей.

Желание загорелось в крови. Не будь они в обществе, он не знал, смог ли укротить дикий порыв — зарыться лицом в ее шею или, еще лучше, в грудь, ощущать, целовать, ласкать ее девичьи прелести.

Вместо этого он заставил себя встретиться с ней взглядом.

— Ну как поживаете, Лили? Полагаю, я могу вас так называть? Или вы предпочитаете «миссис Смайт»?

Она затеребила пальцами пуговицу длинной, белой перчатки.

— «Миссис Смайт», я думаю. И у меня все хорошо, как вы сами видите, милорд. А вы как?

Он вскинул бровь и улыбнулся, скорее позабавленный, чем раздраженный ее несколько чопорным ответом.

— Я тоже пока пребываю в добром здравии. И вы можете расслабиться, Лили, — отозвался он, игнорируя ее просьбу придерживаться формальностей. — Я не собираюсь никому рассказывать, где мы на самом деле встретились и, что гораздо важнее, как вы были тогда одеты.

Ее изящные брови приподнялись, как два маленьких огненных язычка.

— Очень на это надеюсь, милорд. А вздумай вы поступить иначе, я буду самым решительным образом все отрицать.

— Не сомневаюсь в этом. Но, Бога ради, не волнуйтесь. То, что произошло, пусть останется нашей маленькой тайной. Даю вам слово джентльмена.

Его заверения, кажется, успокоили ее, она просветлела лицом.

— Должен признаться, однако, — продолжал он, понизив голос, — что удивился, узнав, что вы вдова. Вы даже не намекнули на свой социальный статус.

— Я открыла вам только свое имя. Этого вполне достаточно.

— Полностью согласен. Позвольте мне, однако, выразить вам свои соболезнования по поводу вашей потери.

Ее ресницы опустились.

— Благодарю вас.

— Вы, должно быть, вышли замуж почти в детском возрасте? Вам не дашь больше семнадцати.

Розовая краска залила ей щеки, когда взгляд снова поднялся и встретился с его взглядом.

— Вы очень любезны, милорд, но мне уже двадцать. Хотя согласна, что многие девушки идут к алтарю в шестнадцать. И потом страдают.

— Да, но большинство из них не теряют своих мужей. Как он умер?

Некоторое время она молчала, снова затеребив пуговку перчатки кончиками пальцев.

— Погиб смертью храбрых на поле битвы. И, если не возражаете, я бы предпочла больше не обсуждать эту тему.

— Конечно. — Он мгновение помолчал. — Так вы поэтому пустились в странствие? Чтобы отвлечься от скорби?

Недоумение всколыхнулось у нее в глазах.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше рискованное и совершенно возмутительное пари с подругой.

На долю секунды удивление вспыхнуло у нее во взгляде. Она помолчала, вспоминая о прошлом.

— Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра. Но возможно, вы правы. Порой нам случается в буквальном смысле убегать от своих бед.

— В таком случае осмелюсь предложить иные способы избавления от жизненных напастей.

Она выгнула бровь:

— Какие именно, милорд?

Он уже собирался излагать рецепты спасения, когда ливрейный лакей Коутсов торжественно провозгласил, что обед подан.

Когда гости, оживленно переговариваясь, не спеша двинулись в обеденный зал, Лили наклонилась к маркизу и понизила голос до шепота:

— Хочу предупредить на всякий случай. Давина совершенно непричастна к моим делам. Поэтому не вмешивайте леди Коутс во все это. Она понятия не имеет о моем маленьком приключении и расстроится, если узнает.

Он наклонил к ней голову.

— Я уже говорил вам, что это только наша тайна и больше ничья.

В этот момент какой-то долговязый джентльмен подошел к Лили.

— Прошу прощения, но, полагаю, я должен проводить миссис Смайт к столу.

У Итана возникло желание поставить его на место. Однако он счел за благо сдержать порыв, повернулся к Лили и лишь поклонился:

— Еще увидимся, мадам.

Она присела в реверансе.

— Разумеется, милорд.

«Ему надо прекратить так глазеть на меня», — думала Лили около часа спустя.

Обед проходил гладко, вино и разговоры текли рекой, когда звучание множества голосов сливалось с позвякиванием серебряных столовых приборов о превосходный английский фарфор и периодическим звоном тонких хрустальных бокалов. Изящные серебряные канделябры были расставлены по всей комнате, и горящие восковые свечи добавляли медовой сладости воздуху. Лакеи подавали и убирали блюда, причем каждое было еще восхитительнее предыдущего.

Но Лили едва замечала еду или разговор, слишком остро сознавая присутствие в зале светловолосого джентльмена и его пристальный взгляд.

Маркиз сидел немного дальше, напротив, небрежно откинувшись на спинку стула. В мерцающем свете свечей его волосы отливали золотом, делая его похожим на героя скандинавской саги. Красивый мужчина! Таких она еще не встречала в своей жизни.

И он смотрит на нее. Опять.

Устремив взгляд к себе в тарелку, Лили старалась не смотреть в его сторону. «Это становится неприлично. Могут заметить», — думала она, про себя браня его. Девушка понимала, что если поднимет взгляд, то в очередной раз убедится, что эти завораживающие янтарные глаза по-прежнему смотрят на нее.

К счастью, она не думала, что за обедом кто-то еще заметил внимание к ней лорда Весси, несмотря на то что он играл в свою маленькую игру на протяжении всей трапезы. Даже когда

он болтал с гостями справа и слева, он постоянно держал ее в поле зрения, лаская взглядом. Тело ее горело при воспоминании о восхитительных поцелуях в карете. А ведь она была совершенно уверена, что больше никогда его не увидит!

Потрясение — вот единственное слово, которое может описать ее реакцию, когда сегодня они встретились у Давины. Она чуть не умерла на месте. Он был удивлен не меньше. В его глазах, как в зеркале, отражалось удивление, которое испытывала она. По крайней мере он сдержал обещание не открывать никому, как они на самом деле встретились и как она была тогда одета — поступок, который многие бы сочли скандальным, стань он достоянием гласности.

Теперь, по крайней мере, она может расслабиться. Лорд Весси дал слово джентльмена, и она верит ему. Но зачем он пожирает ее глазами? Вспоминает их совместную «тайну» — жаркие объятия и поцелуи в карете? А ей как на это реагировать?

Вскоре главное блюдо было убрано, поданы десерт и кофе. Лили пыталась вести вежливый разговор с мужчиной слева от нее, когда вновь поймала взгляд маркиза.

В этот раз он послал ей медленную улыбку. Подняв бокал с вином, сделал глоток, и его сильный кадык заходил вверх-вниз. Во рту у нее пересохло, пульс заколотился, когда он кончиком языка поймал убежавшую каплю вина, отчего губы его увлажнились и заблестели, словно он только что предавался пылкому поцелую.

Ее соски под тканью лифа затвердели.

«Боже милостивый, — дошло до нее, — он соблазняет меня, даже не прикасаясь! Искуситель — вот он кто. А для меня — особенно».

Облегчение пришло, когда Давина пригласила дам к чаю. Ноги Лили слегка дрожали, когда она встала и вышла из комнаты. Войдя в гостиную, девушка приняла чашку чая, затем прошла к одному из диванов и села. Отпивая горячий напиток маленькими глотками, задумалась о маркизе.

Итак, что она знает об Итане Андертоне? Уже можно сказать, что он волевой, настойчивый, из той породы мужчин, которые никогда не позволят собой манипулировать или отклонить от выбранного курса.

Хотелось бы знать, включает ли его теперешний «выбранный курс» цель добиваться ее. Ею поведение за обедом определенно подразумевало такую вероятность — одного лишь воспоминания о его взгляде было достаточно, чтобы ее лицо вспыхнуло.

Интуиция подсказывала, что ей надо бежать, не быть глупой гусыней.

Правда, он заставляет ее тело трепетать от одного его взгляда, ей никогда и в голову не могло прийти, что такое возможно. Но можно ли давать волю своим чувствам? Во-первых, выходить замуж она не собирается. А что до незаконной связи, она ничего не знает о таких делах. Понимает только, что в ее интересах держаться подальше от подобных адюльтеров, ибо, кроме скандала, это ничем другим не кончится. Тем не менее она не из тех, кто пасует перед вызовом. Поэтому, решила Лили, какую бы игру ни затеял лорд Весси, она вступит с ним в единоборство и выиграет.

Ее уверенность слегка пошатнулась, когда он вошел в комнату с остальными джентльменами некоторое время спустя. Но вместо того, чтобы подойти к ней, продолжил дискуссию с хозяином. Судя по серьезным выражениям на лицах, они были вовлечены в обсуждение каких-

то важных проблем. Закончив разговор с лордом Коутсом, он позволил втянуть себя в беседу с двумя дамами, которые флиртовали и смеялись, изо всех сил стараясь продемонстрировать свои более чем пышные женские достоинства его явно оценивающему взгляду.

Раздраженная больше, чем ей хотелось признаться даже себе самой, Лили поправила на плечах шаль и встала. Повернувшись к нему спиной, решила, что извинится перед хозяевами и попросит подать свою карету.

— Ну, здравствуйте еще раз, миссис Смайт, — пророкотал знакомый мужской голос у ее плеча. — Как вам нравится вечер?

Повернувшись к нему лицом, она обнаружила, что он стоит прямо перед ней. Слабый аромат лаванды приятно щекотал ноздри.

Запрокинув голову, она встретилась с его пристальным взглядом.

— Вечер просто чудесный, хотя я как раз собиралась попрощаться с Давиной.

— Неужели вы уходите? Но ведь еще слишком рано, не так ли?

— Тем не менее мне пора.

— Но ведь еще будет музыка, так по крайней мере мне дали понять. И пение, и игра.

— По-видимому, вы слышали это от тех молодых дам, с которыми только что беседовали, — парировала она, и ее слова прозвучали язвительнее, чем следовало.

Он вскинул бровь, веселое удивление приподняло уголки чувственного рта.

— Вообще-то это наша хозяйка упоминала о сегодняшнем ожидающемся развлечении, но мисс Чартман и ее кузина, несомненно, с удовольствием примут участие. Вы должны поступить так же. А в чем вы более искусны, мэм, в пении или игре?

Легкий смешок сорвался с ее губ.

— Ни в том, ни в другом, милорд. Не умею ни петь, ни играть. Мы с леди Коутс когда-то вместе жили в пансионе, и она может подтвердить мои слабые способности в искусстве. Если ей дороги ее гости, она избавит их от таких пыток.

— Ну полноте, вы скорее всего клеветеете на себя.

— Тут не о чем спорить.

Она вдруг обнаружила, что они оба улыбаются, да еще какими-то заговорщическими улыбками.

Веселые искорки, которые плясали в его взгляде, постепенно погасли.

— Что ж, уверен, вы обладаете множеством других исключительных талантов, — проговорил он, растягивая слова, и взгляд медленно опустился к ее губам.

Грудь ее поднялась и опала на быстром вздохе, дрожь возбуждения пробежала по телу.

«Господи, помоги, вот он опять воспламеняет меня одним лишь взглядом!» — подумала Лили.

Вполне вероятно, он использует этот прием регулярно. Она представила, как женщины с обожанием падают в его объятия. И наверное, их не так уж мало.

— Почему бы нам не прогуляться по саду? — предложил Весси. — У вас будет возможность больше рассказать мне о себе.

— Я думала, вы хотите послушать музыку.

— Я бы предпочел послушать вас.

Его слова вернули ее к реальности. Если и было что-то, о чем она не хотела говорить, так это о себе. Ему и так уже известно слишком много.

— Спасибо, милорд, но я вынуждена отказаться, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал легко и непринужденно. — Как я вам уже говорила, мне пора.

— Если вы настаиваете, мадам... Но надеюсь, что мы еще с вами увидимся и непременно поговорим. — Он наклонился ближе, понизив голос до шепота. — В этот раз вам не удастся убежать и спрятаться от меня. Больше никаких ложных следов, которые внезапно обрываются.

Она закусила губу и удивленно воззрилась на него:

— Как это понимать? Вы что, следили за мной в тот вечер?

— Вообще-то это делал один из моих слуг, хотя я приезжал в вашу гостиницу на следующее утро всего через несколько минут после вашего ухода. Приятно знать, что вы больше не исчезнете.

«Силы небесные, он пытался найти меня! Мое положение еще отчаяннее, чем я представляла».

— Всего хорошего, милорд.

Уголок его рта приподнялся в чувственной улыбке.

— До встречи, Джек.

Глава 6

— Прошу прощения, мадам, но нам только что прислали вот это, — объявил дворецкий, появляясь на пороге кабинета.

Отложив перо, которым писала благодарственную записку Давине за вчерашний вечер, Лили жестом предложила слуге войти, и глаза ее расширились при виде огромного букета в белой фарфоровой вазе.

— Бог мой, кто это мог прислать? — вслух удивилась она.

Но не успели слова слететь губ, как она уже знала ответ.

Лорд Весси.

«Святители небесные, он прислал мне цветы. И не просто цветы — лилии!»

У каждого кремовато-белого цветка размером с блюдце была розовая сердцевина, и их божественный аромат наполнял комнату, как открытый флакончик изысканнейших французских духов. Она сделала глубокий вдох, не в состоянии удержаться от наслаждения великолепным запахом.

— Тут карточка, — сказал дворецкий, ставя вазу с цветами на ближайший стол. Взяв пальцами маленький квадратик бумаги, он принес ей карточку и протянул с поклоном.

Она заколебалась, прежде чем взять ее.

— Спасибо, Ходжес. Вы свободны.

Дождаясь, когда слуга удалится, она взглянула на карточку и размашистый, но в то же время изящный почерк.

«Самой прекрасной Лилии из всех лилий.

До следующей встречи.

Весси».

Тихий вздох слетел с ее губ, когда она залюбовалась цветами.

«Как они прелестны, — думала она, — и как удивительно бледно-желтые стены кабинета оттеняют их красоту».

Поднявшись на ноги, она пересекла комнату и протянула руку, чтобы погладить один бархатистый лепесток, отметив, что тычинки были заботливо удалены, дабы пыльца не осыпалась. Как и прежде, сладкий аромат цветов, разливающийся в воздухе, услаждал ее чувства.

Лорд Весси явно не из тех мужчин, кто понапрасну тратит время или скрывает свой интерес за всякими двусмысленными фразами. Он четко излагает свои намерения. И, судя по всему, станет и впредь добиваться ее.

Эта мысль отдалась трепетом где-то в глубине ее существа.

«Боже мой, даже его цветы делают меня мягкой и сентиментальной, — подумала она. — Не разумнее ли будет отступить с поля боя, чем подвергаться риску дальнейшего соблазна?» Несмотря на свое смелое решение встретиться и посостязаться с маркизом в затейной им игре, она не была уверена, что сумеет одержать в ней верх.

Чтобы не успеть передумать, она позвонила в колокольчик.

Ходжес появился мгновенно.

— Да, мадам, чем могу служить?

Бросив последний взгляд на цветы, она заставила себя отвернуться от них.

— Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы это было возвращено отправителю.

Немолодой дворецкий удивленно вскинул бровь, но ничем не выдал своего любопытства.

— Конечно, миссис Смайт. Как пожелаете.

Скрестив руки на груди, она наблюдала краем глаза, как он прошел через комнату, чтобы взять в руки огромный букет. Повернувшись, направился к двери.

— Пойдите! — воскликнула Лили, когда он приблизился к дверному проему.

Слуга резко остановился и оглянулся через плечо.

— Да, мадам?

Она подошла, протянула руку и осторожно вытащила один цветок из букета.

— Я хочу оставить себе один, — сказала она, сознавая, что оправдывается не перед дворецким, а скорее перед собой.

Полуулыбка застыла у него на губах.

— Очень хорошо, мэм.

Сжимая единственную лилию в одной руке и карточку Весси в другой, она смотрела вслед удаляющемуся дворецкому. Когда он ушел, поднесла цветок к лицу, закрыла глаза и вдохнула.

— Ох, я так рада, что ты решил присоединиться к нам! — заявила леди Джулианна Пендрагон, когда Итан вошел в комнату для завтраков две недели спустя. — Рейф должен скоро быть. У него какие-то срочные дела, которые не могут ждать, даже чтобы выпить утреннюю чашку кофе.

Весеннее солнце вливалось в комнату, привнося с собой атмосферу света и радости: Сад, виднеющийся через двойные стеклянные двери, выглядел настоящей радугой цвета; яркие малиновки с красными грудками прыгали по зеленой траве в поисках червячков себе на завтрак.

Итан, однако, не обратил внимания на щедроты природы, когда наклонился, чтобы коснуться дружеским поцелуем гладкой щеки Джулианны.

— Я тоже рад. Пока Рейфа нет, рискну сделать тебе комплимент, — улыбнулся Весси. — Ты просто вся светишься, дорогая. Это маленькое существо, которого ты носишь под сердцем, тебя определенно красит.

Джулианна засмеялась, ее темные глаза и красивое лицо засветились нескрываемым счастьем.

— Да, мой бутуз с каждым днем все больше дает о себе знать. Или мне следует сказать «она»? Ведь я надеюсь, что будет девочка. Ну, каков бы ни был пол младенца, я не могу пожаловаться на самочувствие: ни тошноты, ни усталости. Если бы не это, — она положила ладонь на свой слегка округлившийся живот, — я бы даже не знала, что беременна.

Итан улыбнулся и сел.

Джулианна взяла чайник севрского фарфора с середины застеленного скатертью стола и налила ему чаю.

— Моя сестра утверждает, что второго ребенка всегда легче носить, — заметил он. — Я рад, что у тебя именно так. А как юный мистер Кемпбелл?

— Чудесно, — ответила Джулианна, подлив себе чаю, прежде чем вернуть чайник под стеганный чехол. — Хотя в последнее время он испытывает терпение няни. С тех пор как научился бегать. Если понесется, то поймать его не так-то просто. Вчера вечером никак не хотел укладываться, пока Рейф не пришел. Конечно, Кэм в свои четырнадцать месяцев уже такой хитрец, что умудрился выпросить у своего папы лишнюю сказку на ночь. Он выдержал до последней страницы, а потом сразу уснул. — Ее губы изогнулись в нежной улыбке воспоминания. — Но хватит обо мне и моей семье. Как ты?

«Гм, — призадумался он, — как я? Был бы лучше, если б некая вдова не делала все возможное, чтобы избежать меня. Похоже, это у нее неплохо получается».

Последние две недели он ожидал встретить Лили Смайт на том или ином светском приеме. Однако, несмотря на все попытки отыскать ее, она умудрялась благополучно избегать тех вечеров, на которые он был приглашен, очевидно, предпочитая чаепитие с дамами в других местах.

Если б не отказ от букета, который он послал, Итан мог бы объяснить ее неуловимость как случайность, невезение. Но он подозревал, что она действует намеренно.

Поскольку он заручился ее адресом у леди Коутс во время званого обеда, он подумывал нанести визит Лили в ее городском доме. Хотя, учитывая их короткое знакомство — по крайней мере в глазах света, — решил, что будет разумнее поискать какой-нибудь иной способ ухаживать за таинственной «вдовой Смайт».

Обычно он не утруждал себя преследованием женщин, особенно тех, которые, казалось, этого не хотели. Как правило, он без особого труда находил представительниц прекрасного пола, жаждущих его внимания. Оставалось только выбирать. Но к несчастью, в настоящее время он не испытывал намерения добиваться ни одной из этих женщин — его мысли были сосредоточены исключительно на вполне конкретной даме.

К этому времени, полагал Итан, ему пора бы забыть о страстных поцелуях с Лили в карете. И все же те несколько минут их невинной близости оставались запечатленными в его чувствах, оставляя его возбужденным и жаждущим большего. Неожиданная встреча с ней у Коутсов только еще больше разожгла его желание.

Одно Итан знал наверняка: он хочет обладать Лили Смайт.

«И, видит Бог, — думал он, — я непременно заполучу ее. Единственное, что мне остается сделать, — это убедить ее в том, что и она тоже этого хочет».

— Так скажи мне, — спросила Джулианна, вторгаясь в его мысли, — сколько женских сердец ты разбил за последнее время?

Он заколебался, остро сознавая, насколько близко к его мыслям она, сама того не зная, подошла.

— Увы, дорогая леди, — ответил он, достаточно быстро придя в себя, чтобы послать ей

виноватую улыбку. — Ведь твое сердце уже занято.

— Верно замечено, — грозно объявил Рейф Пендрагон, входя в комнату, — и я был бы благодарен, если бы ты не забывал об этом. Никакого флирта, даже если ты один из моих лучших друзей.

Итан улыбнулся и отхлебнул чаю, прекрасно зная, что Рейф шутит. Разумеется, ситуация была бы совершенно иная, окажись его слова хотя бы отдаленно серьезными. Рейф, как ему хорошо известно, разорвет на части любого, кто попытается заигрывать с его женой. Не то чтобы Джулианну интересовал кто-то другой — она никогда не замечала никого, кроме мужа. Но тот был жутко ревнив.

Подойдя к стулу Джулианны, Рейф наклонился и запечатлел быстрый нежный поцелуй на ее губах. Выпрямившись, он дружески кивнул Итану и сел на свое место за столом.

Слуга внес высокий серебряный кофейник. Подойдя к Рейфу, он налил исходящего паром кофе в фарфоровую чашку барона. Другой слуга принес блюдо с яйцами, беконом, копченым лососем и почками. Серебряный поднос, полный золотистых квадратиков поджаренного хлеба, был водружен на стол следующим, вместе с корзиной аппетитных булочек и пирожков. Последней появилась ваза со свежими фруктами.

Положив себе на тарелку яйца, три кусочка бекона и один ломтик лосося, Итан добавил восхитительно пахнущий пирожок с капустой, затем с наслаждением взялся за еду. Рейф и Джулианна присоединились к нему.

За едой они разговаривали о разном, делились новостями и своими мнениями на их счет. Итан дождался, когда уберут тарелки и наполнят чашки свежим кофе и чаем, прежде чем затронуть предмет, главенствующий в его мыслях.

— Как я понял, рядом с вами появилась новая соседка, — заметил он, размешивая ложечкой сахар в чае и наблюдая, как тоненькие струйки пара поднимаются с горячей поверхности. — Молодая вдова, не так ли?

Джулианна поставила чашку на блюдце.

— А-а, ты, должно быть, имеешь в виду миссис Смайт? Да, она поселилась здесь недавно. Я имела случай познакомиться с ней, когда ходила с Кэммом на прогулку на прошлой неделе. Она показалась мне очень приятной и милой. И такой мягкой...

Итан вспомнил ее смелые выходки и поведение, которое шокировало бы свет, если бы о них узнали, включая, он подозревал, и Джулианну. Но с другой стороны, быть может, назвать Лили мягкой совершенно правильно: она определенно была мягкой как воск в его руках.

— А почему ты спрашиваешь? Ты знаком с ней? — полюбопытствовала Джулианна, вскинув черную бровь.

Опустив глаза, он стал тереть белоснежную крахмальную салфетку.

— Лишь поверхностно. Нас представили друг другу на званом вечере пару недель назад. Я просто заинтересовался, когда узнал, что она приобрела дом на противоположной стороне площади от вас.

Один уголок рта Джулианны приподнялся кверху.

— И это единственное, что ты нашел в ней интересным?

— Боюсь, не понимаю, что ты имеешь в виду.

Она засмеялась, и Рейф присоединился к ней.

— Ты попался, приятель, — улыбнулся Рейф. — Джулианна чувствует романтический интерес за милю.

— Ну, это не так уж и трудно, когда он дает такие ясные намеки, не так ли? — Она бросила на Итана теплый взгляд. — Продолжай. Что еще ты хотел бы услышать про нее, хотя я не могу сказать, что знаю много, потому что мы не разговаривали на личные темы.

Он тоже не мог сказать, что знает много о Лили, и гадал, знает ли кто-то вообще. Ее подруга Давина, быть может, хотя он задавался вопросом, не таит ли Лили секреты и от нее. Он подозревал, что это очень даже возможно.

— Миссис Смайт чудо как хороша, не так ли? — заметила Джулианна.

Улыбаясь, Итан откинулся на спинку стула.

— Она весьма недурна, если вам нравятся рыжие волосы. Значит, на следующей неделе она будет у вас на балу?

Джулианна кивнула:

— Я послала ей приглашение.

— И? — подсказал Итан, чувствуя, как пульс у него забился быстрее.

— И она его приняла. Ее карточка прибыла вчера, насколько я помню.

Он поборол порыв расплыться в широкой глупой ухмылке, довольствовавшись тем, что про себя издал вопль торжества.

— Хорошо.

— И это все, что ты можешь сказать? Ты напоминаешь мне кота, который только что поймал восхитительную птичку и готов полакомиться.

Пожав плечами, он не ответил.

— Случись мне встретиться с миссис Смайт до бала, рассказать ей о твоём интересе? — спросила она с поддразнивающими нотками.

— Нет! — Он почувствовал, как глаза его на мгновение округлились, прежде чем он взял себя в руки и успокоился. — То есть мне бы хотелось, чтобы ты этого не делала и позволила мне самому возобновить наше с ней знакомство.

— Не бойся, — пообещала Джулианна, — я не скажу ей ни слова.

— Благодарю, миледи.

После этого разговор перешел на менее интересные для него темы.

Вскоре Джулианна извинилась:

— Мне надо сходить наверх, в детскую. Одному Богу известно, сколько за это время Кэм мог напроказничать.

Итан и Рейф встали, когда она покидала комнату. Зная, что у Рейфа наверняка есть дела, да и его дома ждут кое-какие обязанности, Итан собрался уходить.

— Эта вдова, — любопытствовал Рейф, — она, случайно, не та самая женщина, которая так сильно отвлекала тебя от карт несколько недель назад, а?

Зная Рейфа еще со времен их детской дружбы в Харроу — они двое да еще Тони были неразлучной троицей, — он даже не пытался врать.

— А что, если она?

— Тогда я бы посоветовал тебе быть осмотрительнее. Она хоть и вдова, но совсем молодая и, возможно, ранимая.

— Я прекрасно помню, что она всего лишь год назад потеряла мужа. И не собираюсь причинить ей вред, если это тебя беспокоит.

— Уверен, что ты не затеваешь ничего подобного. И все же как насчет этой твоей договоренности заключить брачный альянс с дочерью графа Сатли?

Итан неопределенно пожал плечами:

— А в чем тут проблема?

— Ты не видишь противоречия в своих намерениях?

— Никакого. Пока что нет никакой определенности в отношениях ни с одной из женщин. Я не обручен с девицей Сатли, а Лили Смайт не моя любовница.

— Но ты намерен сделать ее таковой.

— Если и да, это мое дело, — огрызнулся Итан, челюсти его при этом напряглись.

— Разумеется. Я просто напоминаю как друг, что ты, возможно, захочешь обдумать последствия своих действий, прежде чем совершать их.

— Спасибо за совет. Но в нем нет нужды. Все разрешится ко всеобщему удовлетворению. Вот увидишь.

Рейф посмотрел на него долгим, пристальным взглядом.

— Надеюсь. А теперь идем, я провожу тебя, и ты расскажешь мне про свою новую упряжку серых, которую ты приобрел в Таттерсоле на прошлой неделе.

Обрадовавшись, что с неприятной темой о его романтических намерениях покончено, Итан углубился в обсуждение своего последнего приобретения:

— Это лучшая пара двухлеток, которых я видел за последние годы. Просто находка, я должен сказать...

В следующий четверг Лили входила в бальный зал Пендрагонов, чувствуя, как нервное возбуждение переполняет ее. Сегодня ее первый светский бал, ибо ее прежний опыт сводился к пасторальным сельским вечеринкам в простых по своему убранству домах.

И какая ошутимая разница! Лондонский дом барона и леди Пендрагон такой же красивый и изысканный, как и собравшееся общество. Дамы увешаны драгоценностями, которые ослепительно сверкают в свете свечей. Роскошные кареты то и дело доставляют членов самых знатных семейств Англии. Смех и разговоры в бальном зале сливались в общий гул, когда она вошла туда об руку со своим сопровождающим. Над головой хрустальные люстры искрились в отраженном сиянии нескольких сотен свечей, а множество роз в высоких мейсенских вазах наполняли воздух сладостно-нежным ароматом.

Лили обнаружила, что рада находиться в этот вечер в обществе лорда Оттуэлла. Если честно, она бы предпочла прийти одна, но, как сказала ей Давина по секрету, так в обществе не принято. Леди должна всегда быть в сопровождении друзей, родственников или знакомого мужчины.

Поскольку леди и лорд Коутс были приглашены в этот вечер в какое-то другое место, Лили согласилась позволить лорду Оттуэлли отвезти ее на бал. Хотя она была представлена ему лишь на прошлой неделе на маленьком музыкальном вечере, он показался ей приятным молодым человеком, всегда старающимся угодить даме.

После того как их приветствовали хозяева — Рейф и Джулианна, они прошли в глубь зала. Как только они остановились, Лили сразу же убрала ладонь с руки своего кавалера.

— Дорогая миссис Смайт, — обратился к ней лорд Оттуэлл, в улыбке обнажая кривые передние зубы. — Могу я первым пригласить вас на танец?

— Конечно, буду очень рада, — ответила Лили, ибо хорошие манеры этого требовали.

— Я подумал, мы могли бы станцевать вальс, — предложил лорд Оттуэлл, бросив на нее восхищенный взгляд. — Если, конечно, вы не против, — поспешно добавил он. — Я знаю, некоторые дамы находят этот танец чересчур неприличным и даже скандальным, предпочитая во время него отдохнуть. Не то чтобы я указывал, что вам делать, просто не хотел бы вас поставить в неловкое положение. Мы сделаем так, как вы пожелаете, миссис Смайт. — Он откашлялся. — Так что вы решили?

Она дождалась момента, когда он закончил свою длинную тираду, потом ответила:

— Мне бы хотелось попробовать.

— Вы никогда раньше не вальсировали?

— Нет, — честно ответила она. Заметив, что он ожидает дальнейших объяснений, она решила сымпровизировать. — До своего... э... замужества у меня не было случая, а потом... супруг погиб, и я просто не могла.

Его песочные брови озабоченно сдвинулись.

— Умоляю, не расстраивайте себя, мэм, подобными воспоминаниями. Сегодняшний вечер предназначен для развлечения, а не для грусти. В этой связи мне доставит огромное удовольствие познакомить вас с радостями вальса.

— Спасибо, милорд.

Последовала короткая пауза, во время которой они разглядывали других гостей.

— Леди Коутс сказала мне, что вы поселились в Лондоне совсем недавно, — заметил он, слегка покачиваясь вверх-вниз на пятках. — Вы уже имели возможность осмотреть достопримечательности?

— Совсем немного. Мы с Давиной...леди Коутс... ездили в цирк Астли, и хотя представление было интересным, я поймала себя на том, что жалею животных.

— Они кажутся вполне ухоженными. Уверен, они получают большое удовольствие от публики, для которой выступают.

«А получают ли они удовольствие от клеток, в которые их потом сажают? — подумала она. — Мне кое-что известно о том, что чувствуешь, живя взаперти».

— Знаете, что бы я на самом деле хотела сделать? — неожиданно заявила она, отбрасывая осторожность и произнося свои мысли вслух. — Я бы хотела научиться управлять упряжкой.

— Лошадей, вы имеете в виду?

Повернув голову, она встретилась с испуганным взглядом своего кавалера.

— Да, разумеется.

Хотя не было ничего предосудительного в том, чтобы леди управляла своим экипажем, Лили понимала, что большинство женщин предпочитают предоставлять мужчинам в буквальном смысле держать бразды. Она не принадлежит к их числу. Чело лорда Оттуэлла пересекла морщинка, пока он силился подобрать подходящий ответ.

В этот момент она почувствовала, что кто-то приближается к ней сзади. По телу пробежали покалывающие мурашки всего за мгновение за того, как знакомый бархатный голос коснулся ее ушей, как ласка.

— Добрый вечер, миссис Смайт. Как приятно встретить вас здесь сегодня!

Трепет, который зародился у основания позвоночника, побежал дальше, растекаясь до самых кончиков пальцев рук и ног. Она медленно повернулась и встретилась с пронизывающим взглядом янтарных глаз Итана Андертона. Он выглядел ослепительно в традиционном черном фраке и брюках, белой рубашке и жилете. Белый накрахмаленный шейный платок, завязанный затейливым, узлом, подчеркивал сильную квадратную мужественную линию подбородка.

«Итак, он нашел меня», — вздохнула Лили, не в состоянии решить, огорчаться или радоваться.

— Милорд, — ответила она, сделав реверанс, — как поживаете?

— Очень хорошо, благодарю. — Он помолчал, потом коротко кивнул ее кавалеру, как будто только что заметил его. — Оттуэлл, приветствую вас.

— Рад видеть вас, Весси.

— Так что там насчет лошадей? — полюбопытствовал маркиз, уяснивший суть их разговора.

Лили расправила плечи.

— Я говорила лорду Оттуэллу, что хотела бы научиться управлять упряжкой, а он пока не ответил, согласен или нет давать мне уроки.

У Оттуэлла, стоящего с ней рядом, вырвался какой-то странный сдавленный звук, словно он приготовился выразить отказ, но мгновением позже удивил ее.

— Что ж, для меня будет огромной честью обучать вас управляться с поводьями, мэм. Мы должны назначить дату.

— Великолепно, милорд! — воскликнула она, наградив его такой улыбкой, что мужчина заморгал, словно смотрел прямо на полуденное солнце.

Весси вскинул бровь, один уголок его рта скептически приподнялся кверху.

Лили оставила без внимания его взгляд.

— Лорд Оттуэлл также согласился научить меня вальсировать сегодня вечером. С нетерпением жду нашего танца.

Она не знала, что заставило ее сделать такое смелое заявление, разве что тот факт, что лорд Весси, похоже, пробуждал в ней бесенка. Она понимала, что должна искать способы освободиться от его чар. И все же, как любой запретный плод, он манил, и от него не так-то легко было отказаться.

— В таком случае вы должны позволить мне иметь удовольствие пригласить вас на второй вальс, — сказал он.

Понимая, что поймалась в собственную же ловушку, она склонила голову набок.

— Как пожелаете, милорд. Второй вальс ваш.

— Мы подождем и посмотрим, что еще может стать моим.

Она затрепетала, тут же ощутив чувственную подоплеку его слов. Оставалось лишь надеяться, что лорд Оттуэлл ничего подобного не заметил.

Очень скоро квартет музыкантов собрался в одном конце зала и сыграл несколько нот, давая знать гостям, что они могут подготовиться к первому танцу. К облегчению Лили, она поняла, что это вальс.

— Мэм, — пробормотал лорд Оттуэлл, протягивая руку.

— С вашего позволения, лорд Весси, — сказала она, — танец вот-вот начнется.

Маркиз поклонился и отступил в сторону, давая им пройти.

Выходя в танцевальный круг, Лили обузда порыв оглянуться и посмотреть, наблюдает ли он за ней. Но лишь минуту спустя, пока ждала первых музыкальных аккордов, она не выдержала и повернула голову, чтобы проверить... и обнаружила, что его там уже нет.

Плечи ее опустились.

«Вероятно, он пошел искать свою партнершу по танцу, — размышляла она. — Как ему и полагается. Ну, не важно, — сказала она себе, — мне гораздо лучше без его постоянного внимания... Так почему же я разочарована?»

Уверив себя, что это совершенная нелепица, она приклеила на лицо веселую улыбку и позволила своему партнеру вести ее в танце.

Из затененного угла бального зала Итан, потягивая вино, наблюдал, как Лили скользит по кругу в объятиях лорда Оттуэлла. Его мысли были полностью сосредоточены на ней.

Если б он заподозрил хотя бы на секунду, что она может всерьез заинтересоваться Оттуэллом, он бы увел его от нее так, как лев отгоняет соперника от своего прайда. Но Итан видел, что она здесь просто для того, чтобы развлечься, а Оттуэлл не более чем удобный кавалер и партнер для танцев. И все же он был уверен, что у Оттуэлла другие мысли на этот счет. На его обычно спокойном лице был написан восторг, когда он смотрел на Лили.

«А почему должно быть иначе?» — подумал Итан, отмечая, как она красива: сияющая, как прекрасный солнечный день. Синие юбки колоколом развеваются вокруг стройных лодыжек, приподнятые кверху тициановские локоны такие же трепещущие и полные жизни, как и она сама. Одно лишь пребывание с ней в одной комнате воспламеняло его чувства, подтверждая всю глубину его влечения к ней.

Но его желание может пока подождать. Вначале ему надо попрактиковаться в терпении и дожидаться благоприятного момента, когда они вдвоем доиграют свои игры до их неизбежного завершения. Он вновь прокрутил в памяти их короткий, но бодрящий словесный спарринг несколько минут назад, поймав себя на том, что с нетерпением предвкушает следующий раунд. Он решил, что до их вальса должен потанцевать с несколькими другими дамами, вместо того чтобы пассивно ожидать своей очереди. Джулианна потребует ответов, если он не поостережется. Ее интерес к Лили теперь заметно возрос и без того, чтобы он привлекал к ней еще больше внимания. Да и не хотелось бы, чтобы в свете о них заговорили.

Кроме того, выйдя в танцевальный круг, он без труда сможет держать ее в поле зрения. «Кто знает, возможно, мы сумеем случайно соприкоснуться друг с другом во время танца», — подумал он с нетерпеливым ожиданием. Допив остатки вина, он поставил свой бокал и устремился вперед.

Лили обнаружила, что была права насчет того, что Итан отправился искать других партнерш для танцев. За исключением ее первого танца с лордом Оттуэллом маркиз, не делая перерыва, выводил в танцевальный круг одну красавицу за другой.

Если б ей не были безразличны такие моменты — а они, разумеется, были ей безразличны, — то к тому времени, когда пришла пора второго вальса, она могла бы подумать, что ей утерли нос. Нет, недостатка в партнерах у нее не было. Едва она успевала отдышаться после одного танца, как какой-нибудь новый кавалер уже вел ее на следующий. И все это время она ощущала присутствие лорда Весси, видела его мелькающую высокую фигуру, с грациозным изяществомдвигающуюся под музыку, или слышала его глубокий гортанный смех над каким-нибудь, очевидно, забавным замечанием, высказанным его очередной партнершей.

И вот теперь пришла ее очередь — или его, в зависимости от того, как посмотреть на этот вопрос. Потягивая из стакана холодный лимонад, чтобы немного успокоиться, она ждала его появления.

И он появился, неслышно подойдя к ней сзади как раз в тот момент, когда она делала последний глоток.

— Лимонад? — заметил он. — Я бы предположил, что какой-нибудь более крепкий напиток больше пришелся вам по вкусу.

Вздрогнув, она поперхнулась и закашлялась. Он положил свою широкую ладонь ей на спину. Трепет побежал вниз по позвоночнику.

— С вами все в порядке? — поинтересовался он почти интимным шепотом.

Она кивнула и снова закашлялась.

— Вам надо перестать, как хищнику, подкрадываться ко мне, — сказала она, как только смогла втянуть достаточно воздуха, чтобы обрести дар речи. — Не могли бы вы найти способ приближаться спереди?

Убедившись, что она успокоилась, он приподнял уголки губ в ироничной улыбке.

— Мог бы, но я нахожу, что мне очень нравится вид сзади, по крайней мере ваш.

От этого дерзкого замечания она снова чуть не поперхнулась. Трепет от его прикосновения распространился дальше, когда он снова повел рукой, скользя ладонью вдоль позвоночника. На короткий миг он задержался, словно жаждал двинуться дальше, затем небрежно убрал руку.

Соски ее напряглись, дрожь побежала по телу. Она сдержала порыв скрестить руки на груди, радуясь, что на ней рубашка и корсет, которые надежно скрывают ее реакцию. Метнув на него взгляд, она отметила, что он, похоже, ничуть не раскисается.

Пресвятая Богородица, а что, если кто-нибудь видел? Но быстро оглядевшись вокруг, она с облегчением заметила, что никто на них не смотрит, большинство гостей слишком заняты разговорами.

В его глазах прыгали чертики, когда он протянул ей руку.

— Вы готовы?

В первый миг она чуть было не отказалась, но потом передумала. Минуту спустя одна ее рука в перчатке лежала на широкой тверди его плеча, а другая оказалась надежно зажатой в его ладони. И вновь вторая его ладонь лежала у нее на спине, располагаясь чуть-чуть ниже того места, где ей следовало быть. То же самое относилось и к расстоянию между ними. Их тела были на пару дюймов ближе друг к другу, чем у других пар в танцевальном круге.

Когда она попыталась отступить назад, он не позвонил ей, удержав не более чем легким напряжением мускулов.

— Успокойтесь. Все в порядке.

Она открыла рот, чтобы возразить ему, когда зазвучала музыка. Танец начался, и ее ноги в бальных туфельках поплыли над отполированным паркетом под нежные звуки флейты, скрипки и виолончели.

Этот вальс походил на парение в облаках. Она буквально летала по залу в его объятиях, следуя его уверенным и отточенным движениям.

Он воспользовался поворотом, чтобы привлечь ее еще на дюйм ближе, не сводя с нее глаз.

— Так скажите мне, сударыня, почему вы избегали меня эти последние две недели?

Губы ее приоткрылись, а глаза слегка расширились, прежде чем она успела ответить.

— Прошу прощения, милорд, но, боюсь, я не понимаю, что вы имеете в виду, — притворилась она.

Его глаза блеснули.

— Не лукавьте, но мы пока оставим эту тему.

— Нет никакой «темы», — настаивала она, отказываясь признать, что он прав. — Если наши пути в последнее время не пересекались, то, я уверена, это всего лишь простая случайность.

— А-а, ну что ж, это уже хорошая новость. А то я уж гадал, не прониклись ли вы ко мне неприязнью по какой-то неведомой причине. Какое облегчение узнать, что мне можно не беспокоиться на этот счет.

Он вновь увлек ее в стремительный вихрь головокружительных поворотов.

— В честь нашей дружбы я должен просить позволить мне обучать вас управлять экипажем, если вы действительно намерены учиться.

— Благодарю. Но вынуждена отклонить ваше предложение, поскольку уже пообещала лорду Оттуэллу.

— Да, но Оттуэлл согласился, только чтобы пощадить ваши чувства. Уверен, он не будет слишком огорчен, вздумай вы взять свою просьбу обратно.

— Но я этого не сделаю, — возразила она упрямо.

— Тогда я считаю своим долгом предупредить вас, что он не слишком искусен с поводьями.

— А я уверена в обратном.

Весси пожал плечами:

— Обычно я не пересказываю сплетен, но у него руки-крюки. Местный мясник и тот лучше бы справился с этой задачей.

Она не выдержала и рассмеялась:

— Вы, конечно, преувеличиваете.

— Заверяю вас, нет, — отозвался он с серьезным лицом. Легкий намек на настоящий страх закрался ей в душу, но она держалась твердо. Из всех самых глупых мыслей, которые могли прийти ей в голову, идея согласиться позволить лорду Весси обучать ее управлять экипажем — наиглупейшая. Кроме того, после сегодняшнего вечера она начнет делать все от нее зависящее, чтобы их пути больше не пересекались. У нее нет иного выбора, если она хочет обезопасить себя.

— Благодарю за предостережение, — сказала она, — но у нас с лордом Оттуэллом все будет

замечательно.

Его рука крепче сжала ее талию.

— Пожалейте беднягу.

Она ахнула:

— О чем вы?

Весси закатил глаза.

— Вы знаете. Парень уже смотрит на вас мечтательным взглядом, а ведь он знаком с вами всего несколько часов. Только подумайте, какую душевную травму вы ему нанесете более длительным общением.

— Боже милостивый. Вас послушать, так я прямо какая-то... искусительница!

— Нет, нет, ничего подобного. Вы просто очаровательная девушка, которая, возможно, не сознает всей силы своей привлекательности.

Ее сердце заколотилось.

— Вы поражаете меня, милорд, поскольку я не обольщаюсь на свой счет. Не знаю, откуда у вас такие мысли.

— От вашего присутствия рядом. — Он закружил ее в интимной последовательности шагов, не сводя взгляда. — Поужинайте со мной сегодня.

Она затрепетала и отринула прочь желание согласиться. Несколько выбившихся завитков защекотали затылок, когда она покачала головой:

— Не могу. Я обещала танец перед ужином другому.

— Тогда давайте встретимся после ужина. Полакомимся мороженым. Леди Пендрагон сказала мне, что подадут клубничное. Вы ведь любите клубнику, не так ли?

Его голос обволакивал ее со всех сторон.

— Да, очень.

— И шампанское. Нет ничего лучше, чем мороженое с шампанским. Первое растекается сладостью на языке. А второе взрывается сотнями крошечных лопающихся пузырьков, которые дразнят чувства. Приходите на садовый балкон в час. Я буду ждать.

Она вновь покачала головой:

— Не обещаю.

Лили и не заметила, что музыка смолкла, танец закончился. Он остановил ее, но продолжал удерживать в кольце своих рук.

— В час, — прошептал он. — Не опаздывайте.

И прежде чем она успела снова отказаться, отпустил ее и смешался с толпой.

Глава 7

Итан стоял, прислонившись спиной к балюстраде. Резной гранит был гладким и холодным под руками. Позади него темный сад жил своей ночной жизнью: цветущая сирень наполняла воздух сладким ароматом, ночные насекомые тихо стрекотали. Теплый ночной воздух двигался в ленивом ритме, время от времени шелестя молодой зеленой листвой. Окна дома светились огнями, музыка теперь, после ужина, снова зазвучала, танцы в бальном зале наверху возобновились.

Возле его бедра на плоской поверхности балюстрады стояли два хрустальных бокала с шампанским и фарфоровая вазочка с клубничным мороженым. Он не беспокоился, что мороженое может растаять, ибо попросил одну из кухонных служанок поставить вазочку в соломенную корзину, наполненную кусочками льда.

Этой сцене требовался еще один элемент, дабы быть идеальной, — леди, для которой все это было устроено.

Лили.

Придет или не придет?

Тогда, во время танца, она отвергла его предложение, но он отказывался принять «нет» в качестве ответа, уверенный, что она передумает и встретится с ним, несмотря на свой первоначальный отказ.

И все же, когда он проходил по пустому заднему коридору, который ведет в сад, стрелки на часах показывали без пяти час. Это было пятнадцать минут назад. Возможно, следует сдаться и признать поражение.

На этот вечер, во всяком случае.

Через десять минут он уже всерьез подумывал выпить шампанское — оба бокала — когда едва различимый шорох подошв достиг его слуха. И внезапно возникла она, синее платье, почти черное в бледном лунном свете, локоны отсвечивают медью. Он мог сказать, что она его не видит, глаза все еще привыкают к густой тени, которая растеклась, подобно маленькому озеру, по каменному полу балкона.

Затем она резко остановилась и воззрилась прямо на него.

— О, вы еще здесь.

— Да, а вы опоздали. Но я прощу вас, поскольку уверен, что вас, конечно, задержали, — проговорил он, медленно выпрямляясь. Протянув руку, взял один высокий бокал с шампанским и передал ей.

Шагнув ближе, она взяла вино.

Подняв свой бокал, он сделал глоток. Она последовала его примеру, медленно отпивая из своего, словно это было ей необходимо для храбрости.

— Вообще-то я не собиралась приходить, как и говорила вам. Но... мне стало вас жаль.

— Благодарю за вашу любезность. — Он отвесил элегантный поклон. — Хотя теперь, когда я слышу, что ваше опоздание было намеренным, я могу потребовать штраф.

Ее губы приоткрылись.

— Штраф? Вы, милорд, возмутительны.

— Да, так некоторые могли бы сказать.

Поднеся бокал к губам, она сделала еще глоток.

— Разумеется, я не признаю ваше право штрафовать меня. Но какого рода штраф вы имеете в виду?

— Ну, это уж мне решать, а вам платить. — Он протянул руку. — Идите сюда, поближе ко мне, чтобы мы могли поговорить без помех.

— Нет, боюсь, я в самом деле должна идти.

Он поймал ее за запястье.

— Погодите, ведь вы же только что пришли. Оставайтесь и отведайте со мной мороженого. Клубничное, как я и обещал.

Внутренняя борьба явственно отразилась на ее лице.

— А разве оно еще не растаяло?

Он покачал головой:

— Нет. Оно обложено льдом, поэтому остается холодным и восхитительно вкусным. Посмотрим, как поживает наш десерт?

Мягко потянув вперед, он расположил ее по другую сторону от себя, чтобы ей не так легко было сбежать, затем потянулся за вазочкой. Снова сел на перила, взял ложку и погрузил ее в застывшую сладость.

— Вот, — сказал он, держа перед ней ложку. — Попробуйте.

Вначале Лили не шевелилась, глядя на горку мороженого и высокого, красивого мужчину, который предлагает ей его.

«Что на меня нашло, зачем я пришла сюда? — недоумевала она, чувствуя, что сердце колотится, как у лисы, убегающей от гончей. — Это было идиотское решение, рискованное и опрометчивое». Прежде чем направиться сюда, она долго колебалась, отклонив предложение не одного потенциального партнера по танцам, пока в ней шла эта безмолвная внутренняя борьба. В продолжение всего ужина мысли ее были сосредоточены на одном мужчине.

Пойти к нему в сад или остаться там, где безопасно, но скучно? Избрать благоразумный путь или тот, что наполнен волнением, опасностью и неотразимым обаянием лорда Весси?

И она спустилась вниз и прошла через дом к саду, говоря себе, что только проверит, как он

там. Ни больше, ни меньше. Но потом он заговорил с ней, и, как бабочку, летящую на манящий зов пламени, ее повлекло ближе.

Слишком близко.

Она вновь задумалась о десерте.

Побыть с ним немножко или уйти? Но с другой стороны, это всего лишь мороженое, не так ли? В чем тут опасность?

И все же, когда она наклонилась вперед и обхватила губами ложку, это действие показалось каким-то запретным, почти греховным. Хотя, быть может, не из-за самого мороженого, а из-за мужчины, который предлагал его. Холодная и бархатистая сладость таяла на языке.

— Вкусно? — спросил он, отводя назад ложку.

Она кивнула. А Весси продолжал наслаждаться десертом.

Не в силах отвести взгляд, она наблюдала, как он захватывает ложку своими чувственными губами, не спеша смакуя холодное лакомство.

— Шампанского? — предложил он охрипшим голосом. Поставив вазочку с мороженым, маркиз потянулся назад и взял ее бокал.

И вновь предостерегающие звоночки зазвенели у нее в голове. Оставив их без внимания, она отпила вина, и пузырьки острой, игривой влаги защекотали язык.

Наклонившись, он взял бутылку и хотел подлить ей в бокал.

Она едва успела остановить его.

— Достаточно, милорд, не то я могу подумать, не пытаетесь ли вы меня напоить.

Он вскинул золотистую бровь.

— Не глупите. Вы выпили всего один бокал.

Мягко убрав ее пальцы с верха бокала, он налил шампанского, и пена перетекла через край. Она со смехом поднесла бокал к губам, отпив ровно столько, чтобы вино не вытекало.

— Так расскажите мне, миссис Смайт, чем вы занимались последние две недели? Надеюсь, вы больше не разгуливали в мужской одежде в попытке выиграть очередное пари?

Ее глаза на долю секунды вспыхнули, вопрос застиг ее врасплох.

— Вообще-то, если хотите знать, я обычно не имею привычки заключать пари. Тот случай возник из... неожиданной прихоти... которая больше не повторится.

— Ради вашей же безопасности я рад слышать, что вы решили прекратить подобное безрассудство. Надеюсь, однако, одежду вы не выбросили. — Он наклонился, словно хотел поделиться секретом. — Поскольку, должен сказать, вы мне ужасно нравились в тех бриджах. Возможно, когда-нибудь вы еще раз наденете их для меня.

Тепло устремилось к щекам девушки, как приливная волна, заставив ее порадоваться

скрывающей темноте.

— А возможно, если очень сильно захотите, появится фея и посыплет вашу голову золотой пылью, милорд.

Повисла тишина, и на мгновение она подумала, не зашла ли слишком далеко. Потом он резко откинул голову назад и от души расхохотался.

— Знаете, миледи, мне никогда не надоедает ни этот ваш острый язычок, ни хорошенький ротик. Я ловлю себя на том, что жду, что же еще вы скажете или сделаете.

— Если вы пообещаете вести себя прилично, милорд, я могу остаться ровно столько, чтобы вы это узнали.

«Милостивый Боже, — подумала она, — только послушать, как я флиртую, вовсе не умея этого делать! Хотя, с другой стороны, рядом с этим мужчиной я говорю и делаю такое, о чем в иных ситуациях и не помышляла бы, притворяясь такой женщиной, которой не являюсь. Если бы только он узнал, кто я на самом деле, что бы подумал?»

Она снова поставила свой бокал с шампанским.

— Час уже поздний, и лорд Оттуэлл ждет, чтобы проводить меня домой. Мне пора.

Его челюсти напряглись.

— Оттуэлл может подождать. А если не дождется, я буду счастлив стать вашим сопровождающим. Как уже было раньше.

«Да, было, — размышляла она, — и я очень хорошо помню, что произошло между нами во время той поездки».

Она одарила его милой улыбкой:

— Доброй ночи, милорд.

— Но мы еще не доели мороженое. Вы ведь можете задержаться еще на пару ложечек.

— Вы хотите прикончить десерт? — спросила она с явным скептицизмом.

— А разве это не то, что я обещал? Мороженое, шампанское и разговор?

Он прав, именно это он обещал и остался верен слову — по крайней мере пока. Осторожность боролась с соблазном. В общем-то она была не прочь на некоторое время остаться и провести еще несколько минут в приятной компании маркиза. Говорят, сатана часто принимает приятное обличье. Может, лорд Весси и есть дьявол? Если так, то он выбрал великолепную маскировку. Какая женщина, размышляла она, не продаст ему душу, даже за нечто настолько простое, как вместе съеденное мороженое?

Не успела она сообразить, что собирается сделать, как поймала себя на том, что дает согласие.

— Ну хорошо, но только одну ложку.

— Или две, — добавил он, сверкнув великолепными белыми зубами в улыбке, от которой у нее едва не подкосились ноги.

Взяв вазочку, маркиз погрузил в нее ложку.

— Подойдите ближе, — попросил он голосом, похожим на бархатное кошачье мурлыканье. — Не могу же я кормить вас на таком расстоянии.

Прекрасно понимая, что ей следовало бы взять в руки ложку и самой поесть, она тем не менее придвинулась ближе и позволила ему покормить ее еще один раз за этот вечер. Сладкое мороженое растеклось во рту, такое же бархатистое и холодное, как и прежде.

И все же что-то существенное изменилось. Ибо, когда маркиз мягко вложил ложку ей в рот, он задержался, чтобы потереться ее холодной внешней стороной о нижнюю губу в движении, очень похожем на ласку. Только потом убрал ложку.

Она инстинктивно проглотила мороженое, язык метнулся облизать сладкие остатки, которые задержались на губах. Его глаза проследили за этим движением, мерцая голодом, который Лили смогла разглядеть даже в слабом свете, — голодом, который, она подозревала, не имеет ничего общего с едой.

Глубокий трепет зародился у нее в груди, дыхание сделалось поверхностным и частым.

Он протянул еще одну ложку — завиток застывших сливок, готовый для ее удовольствия. Но когда она наклонилась вперед, чтобы взять сласть в рот, его рука дрогнула, и несколько холодных капель упали на обнаженную выпуклость груди.

Она тихо вскрикнула и хотела было стереть их, но он остановил ее.

— Позвольте мне, — попросил он, быстро отставляя вазочку с ложкой, чтобы привлечь ее к себе. Властной рукой обхватив за талию, он спрятал лицо у нее на груди. Еще один возглас сорвался с ее губ, когда он коснулся теплым языком кожи.

— Бесподобно, — пробормотал он, слизав первую каплю, потом следующую, скользя от одной к другой губами. С дрожащим вздохом она позволила глазам закрыться, когда обжигающее удовольствие обрушилось на нее.

Раздвинув мускулистые бедра, он притянул ее между ними, устроив так, чтобы иметь полный доступ к девичьим прелестям. Чередую жаркие поцелуи и томные полизывания, он начал ласкать ее грудь. Используя маневр, который совершенно непонятно как ему удалось совершить, он высвободил одну грудь из корсажа, затем сомкнул рот вокруг уже затвердевшего соска. Ноги у нее подкосились, но он поймал ее, сжимая ягодицы широкой, твердой ладонью.

Она задрожала, стон сорвался с приоткрытых губ.

Наклонившись к нему, Лили погрузила одну руку ему в волосы, затем поцеловала щеку, найдя ее чуть шершавой от отросшей за день щетины.

В этот раз застонал он, чуть заметно вздрогнув от ее прикосновения. Подняв голову от груди, нашел ее губы и захватил в неистовом, жадном поцелуе, который требовал всего, что она могла дать, и больше.

Утопая в темном озере плотского желания, она уступила, возвращая его поцелуи с пылом, который никогда даже не думала испытать. Но с этим мужчиной все казалось возможным, а удовольствие не имело границ.

В эти мгновения ее чувства сосредоточились на теплом, влажном шелке его языка, на скользющем блаженстве прикосновения, на головокружительном великолепии чистого мужского запаха, который пьянил и притягивал. Вдыхая его глубже, вкушая больше, она стискивала в руках ткань его фрака. Дыхание срывалось с губ судорожными всхлипами, когда их языки сплелись в неукротимом танце. Лишь смутно сознавая, что происходит, она позволила Итану прижать ее к своему бедру, чувствуя, как сильная рука надежно поддерживает ее за спину. Что-то твердое и толстое уперлось в нее, что-то находящееся у него между ног.

Откуда-то из глубин сознания пришло предостережение, что все происходит слишком быстро, чересчур быстро, чтобы она имела возможность это контролировать. Но она оставила без внимания мысленное предупреждение, слишком затерявшись в ощущениях, которые он пробуждал, чтобы остановиться. Она задрожала, когда он стал гладить спину и ягодицы, лаская ее сквозь одежду, как, она чувствовала, ему хотелось сделать во время танца, в бальном зале. Осыпав поцелуями щеку и подбородок, пробежал губами вдоль шеи к ее основанию, задержавшись на этом местечке, отчего сердце ее затрепыхалось, как крылья пойманной птицы.

Несколько мгновений спустя его свободная рука скользнула под юбку и погладила колено. Долго, так мучительно долго он дразнил ее там, нестерпимо медленно продвигаясь вверх, выше края чулка, дабы найти обнаженную кожу бедра. Жар вспыхнул внутри ее, распространяясь с силой лесного пожара, и требовательная томительная боль сосредоточилась где-то внизу живота. Слегка переместив ее, он снова впился поцелуем в рот, втягивая ее в напряженную игру губ и языков. Захваченная страстью поцелуя, она не заметила, что его рука снова двигается, пока он не положил ладонь на то место, которое жаждало этого больше всего.

Ее закрытые веки широко распахнулись от этого прикосновения, губы оторвались от его губ.

— Пожалуйста... — Не задумываясь, она убрала руку с его плеча и ухватилась сквозь платье за запястье. — Остановись.

— Остановиться? — выдохнул он, встретившись с ней взглядом. Едва сдерживаемая страсть смешивалась в его глазах с замешательством. — Почему?

— Потому что я... — Она осеклась, не зная, как ответить, даже не понимая, что на самом деле чувствует. Каждое его прикосновение до сих пор было блаженством, и наверняка так бы продолжалось и дальше. И все же она не должна этого делать, ведь это неприлично в конце концов. Его глаза внезапно сузились.

— Но ведь наверняка он прикасался к тебе здесь.

Кто он?

Реагируя спонтанно, она покачала головой. Ведь и на самом деле никто никогда не прикасался к ней там, особенно мужчина. Секунду спустя, однако, она уже достаточно собралась с мыслями, чтобы смысл вопроса дошел до нее. Она оцепенела. «Пресвятая Богородица, он, должно быть, имеет в виду моего предполагаемого мужа!» Она внезапно начала вырываться, пытаясь слезть с его колена. Но он удержал ее, хотя даже не пошевелился.

«Боже, что я наделала?» — подумала она с колотящимся в груди сердцем.

— Значит, он спал с тобой, но больше ничего не делал? — требовательно спросил Весси непреклонным, но в то же время мягким голосом. Когда она не ответила, продолжил: —

Неотесанная деревенщина.

— Нет, он был не такой, совсем не такой, — поспешно проговорила она, кидаясь на защиту своего мужа, пусть даже и вымышленного. — Он был очень... добрый и... нежный. Но мы оба были... — «Да, — подумала в легкой панике, — какими же мы были?»

— Юными, — подсказал маркиз. — Ты это хотела сказать?

— Да. Мы были юными и неопытными. А теперь вы должны отпустить меня. Я не собиралась этого делать, как и вообще приходить сюда. Это была ошибка, и я о ней сожалею.

— Да? — пробормотал он. — А я нет.

Но очевидно, поняв, что настроение теперь уже непоправимо разбито, он вытащил руку из-под юбок. Взявшись за край, расправил ткань на ногах. Потянувшись вверх, мягко поправил лиф и корсет, восстанавливая порядок в ее одежде.

Дрожа, она вспомнила, как он делал то же самое, когда они были в его карете. «Как, скажите на милость, — недоумевала она, — ему удастся настолько подчинить меня своей воле, что я оказываюсь в его власти снова и снова?»

Когда он закончил, она снова сделала попытку слезть с его колена, но он не отпустил, удерживая ее на месте.

Встретившись с прекрасным янтарным взглядом, она решила сказать неприкрытую правду.

— Милорд, — Лили неопределенно махнула рукой, — что бы это ни было между нами, надо поставить точку. Наверняка вы и сами это понимаете. Я вдова... и признаю, что, возможно, дала вам повод думать, что заинтересована в том, чтобы... — Ее предложение сошло на нет.

— Завести любовника, — подсказал он.

Ее щеки окрасились румянцем.

— Да. Но это не так. В самом деле, несмотря на сегодняшний вечер, мне не нужен мужчина в моей постели.

Он помолчал, слегка склонил голову на сторону.

— Вы уверены?

Она кивнула:

— Вполне.

Улыбаясь, он поднял руку и дерзко положил на одну ее грудь, открыто лаская плоть. Пульс ее резко заколотился, сосок предательски затвердел и заострился.

— Вы все еще уверены? — пробормотал он, потирая большим пальцем о чувствительный кончик.

Когда она затрепетала и вздохнула, он рассмеялся. Наклонившись вперед, коснулся поцелуем губ, затем поставил ее на ноги.

— На сегодня достаточно, поговорим об этом потом. Она сдвинула брови.

— Нет... мы должны остановиться. Я не желаю заводить интрижку, милорд.

— Итан. Не кажется ли вам, что, учитывая обстоятельства, немного поздно вато для формальностей?

— Нет, милорд, не кажется.

Он снова рассмеялся:

— Вы прелесть. А теперь бегите и разрешите Оттуэллу проводить вас домой, поскольку мне можно не беспокоиться: он не пройдет дальше вашей входной двери. — Взяв ее руку в свою, он поднес ладонь к губам и прижался поцелуем к ее середине.

Понимая, что лучше поскорее уйти, пока у нее еще есть сила воли сделать это, Лили развернулась и поспешила в дом.

Оставшись один, Итан наблюдал за ней, провожая взглядом до тех пор, пока она не исчезла из виду. Только тогда он позволил себе встать на ноги. Зная, что нужно защитить ее репутацию, он решил задержаться в темном саду еще немного. Иначе, он боялся, мог не устоять перед соблазном снова пойти за ней, несмотря на то что отпустил.

Даже сейчас в паху пульсировало, требуя удовлетворения, которого, он знал, сегодня не найдет. Как и еще много последующих ночей, если он не ошибся в своих предположениях.

Значит, она верит, что ей не нужен любовник?

Возможно, разум и говорил ей это, но тело имело совсем иное мнение. Несмотря на промахи явно неопытного мужа, она крайне страстная натура. Ему нужно лишь убедить ее находить удовольствие в откликах своего тела, и она будет его.

А до тех пор придется запастись терпением.

Возможно, сегодняшней вечер должен был бы разубедить его. В конце концов, предполагается, что вдовы — опытные женщины, которые понимают акт физической любви во всех ее формах и проявлениях. И все же Лили, как ни странно, не обладает подобным опытом. Он поймал себя на том, что желает ее еще сильнее. Существует множество причин, по которым ему следует сделать так, как она просит, и прекратить добиваться ее. Видит Бог, им обоим лучше было бы оставаться свободными, ибо известно, что такие интрижки редко заканчиваются хорошо.

Но он должен заполучить ее. Во что бы то ни стало.

Глава 8

Сидя за туалетным столиком в своей спальне два дня спустя, Лили наблюдала в зеркало, как горничная Сьюзен закалывает ее густые волосы в модную элегантную прическу, оставляя несколько коротких локонов свободно виться в прелестном беспорядке на висках и щеках. Обстриженные волосы Лили заметно подросли за эти несколько недель, что значительно облегчало Сьюзен работу.

Заставляя себя сидеть неподвижно, Лили подавила зевок. Она спала очень мало, крутилась и

вертелась на кровати уже вторую ночь подряд. И виноват в этом был один конкретный мужчина.

Лорд Весси.

Итан, как он просил называть его... и его соблазнительный шепот немедленно зазвучал у нее в голове.

«Но нет, — отругала она себя, — я не позволю себе думать о нем с такой фамильярностью. Это будет лишь способствовать слабости, а я не могу себе ее позволить».

Как выяснилось, она слишком восприимчива к его уговорам. И если думать о нем в интимном смысле, то эта восприимчивость только усилится. Но, силы небесные, как трудно не думать о нем, особенно о тех бурных объятиях в залитом луной саду Пендрагонов.

Веки ее сами собой опустились, прикрывая глаза, когда воспоминания закрались в сознание. Как чудесно она чувствовала себя в кольце его рук, тело трепетало, когда она едва не тонула в наслаждении его пылких поцелуев и страстных ласк.

«Что бы произошло, если б я позволила ему продолжать? Что бы он сделал, и насколько дерзкими могли бы быть его следующие прикосновения?»

Глаза ее резко распахнулись, тело, к полнейшему ужасу, покалывало и пылало от желания. Не заботясь о том, что может нанести ущерб своей прическе, она наклонилась вперед и взяла чашку с утренним чаем. Сделав большой глоток, мысленно взмолилась, чтобы горячий напиток скрыл истинную причину прихлынувшей к щекам краски.

— Ох, мэм, мне надо, чтобы вы посидели спокойно еще чуток, — попросила Сьюзен. — Я вмиг закончу.

Вернувшись в исходное положение, Лили дала девушке возможность закончить ее прическу. А сама тем временем попыталась вспомнить список дел на день: встреча с домоправительницей по поводу расписания для слуг, затем час в кабинете за просмотром счетов. Позже будет ленч с Давиной, а вечером она планирует посетить музыкальный вечер, который, она надеялась, ничем не заинтересует такого мужчину, как лорд Весси.

«Когда я снова его увижу?» — гадала она.

Она знала, что не сможет избегать его долго. Если ее догадка верна, он скоро начнет ее искать, если их дороги вновь не пересекутся в следующие пару дней. В конце концов, он вполне открыто выразил свои желания.

«Он хочет, чтобы я стала его любовницей... А чего хочу я?»

Она приехала в Лондон, чтобы жить независимо, свободной от требований мужчин, не обремененной оковами брака. И в этом отношении ее желания остаются неизменными.

Не то чтобы лорд Весси когда-либо затрагивал тему брака. В сущности, у нее сложилось отчетливое впечатление, что он жаждет супружеского счастья не больше, чем она сама. И в этом заключается суть ее дилеммы.

Страсть.

От одной лишь этой мысли дыхание ее сбилось, во рту внезапно пересохло, несмотря на то что она пила чай всего несколько минут назад.

До встречи с маркизом ей как-то не приходила в голову мысль о том, чтобы вступить в любовные отношения с женщиной. Во-первых, она девственница, не ведающая таких потребностей и соблазнов. По крайней мере так она думала, пока Итан не вошел в ее жизнь. Тот ее первый поцелуй в карете был ошеломляющим, но она задвинула воспоминание подальше, уверенная, что он принадлежит прошлому. Потом ночь после танцев на балу вновь сотрясла ее мир. Его прикосновения и поцелуи пробудили в ней чувства, словно он зажег между ними чувственный костер.

«Сожжет ли меня эта искра, если я это позволю? И позволю ли я ему?»

— Ну вот, мэм, — объявила Сьюзен, улыбнувшись Лили в зеркале. — Готово.

Отодвинув в сторону свои размышления, Лили изучила результат.

— Красиво, как всегда. Спасибо.

Довольная, что работу ее одобрили, служанка подошла к туалетному столику сбоку и начала убирать предметы, разбросанные по полированной поверхности розового дерева.

Лили встала и прошла к окну, лишь мельком выглянув в него.

— Сьюзен, ты не могла бы закончить с этим позже? Девушка прервалась и подняла глаза.

— Ох, ну конечно. Все равно мне еще надо погладить вам платье на вечер.

После ухода служанки Лили подошла к своей большой кровати с красивыми желтыми драпировками и такого же цвета покрывалом. Опустившись на мягкий, из гусиного пуха, матрас, она устремила взгляд на прикроватный столик и круглую, выполненную маслом миниатюру матери, стоящую на почетном месте. Взяв крошечный портрет в руки, она с нежностью смотрела на любимое лицо на портрете, написанном, когда мама была молодой — немногим старше, чем сейчас Лили.

«Я скучаю по тебе, мама, — подумала она, и сердце болезненно сжалось в груди. — Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь, чтобы я могла поговорить с тобой и найти утешение в твоём совете».

Но едва эти мысли пришли ей в голову, Лили осознала, что никогда не смогла бы поделиться с матерью своими теперешними чувствами к лорду Вессе. Несмотря на неразрывную связь, которая была между ними, мама не поняла и не поддержала бы ее. Благовоспитанные молодые леди должны хранить себя для брака — таково было материнское убеждение.

И все же как быть молодой леди, которая вовсе не собирается выходить замуж? Должна ли она оставаться невинной и нетронутой всю жизнь? Большинство сказали бы «да», включая и ее мать.

«Но что скажу я?»

Урчащее мяуканье прервало ее размышления, когда большой серый полосатый кот запрыгнул на кровать. Потоптавшись по покрывалу своими мягкими лапами, он выгнулся и потерся о ее бок. Подняв руку, она погладила шелковистую спину от головы до хвоста, решив не обращать

внимания на кошачью шерсть, которая наверняка останется на покрывале. Одобрив ее действия, кот уткнулся головой ей в руку и начал мурлыкать, перебирая лапами.

— Ну, Мозер, — пробормотала она, — что ты думаешь?

Он снова мяукнул, давая понять, что не знает точного ответа.

Лили засмеялась, улыбка осветила лицо.

— Что ж, благодарю вас, сэра, за ваше мнение. Каково оно? Думаешь, его светлость прав? Ну еще бы, как же тебе не принять его сторону, ведь вы с ним оба коты.

Она вновь погладила Мозера и почесала ему голову, отчего тот замурлыкал еще громче. Пару минут спустя кот спрыгнул с кровати и бесшумно направился к полоске утреннего солнечного света на ковре. Улегся и начал вылизывать шерстку.

Лили со вздохом вернула мамину миниатюру на прикроватный столик, ее мысли обратились к дому. К этому времени, полагала она, отчим уже прекратил все попытки найти ее, заключив, что она, должно быть, на самом деле утонула в море. Он вынужден был устроить символические похороны, наверняка злясь, что приходится тратить, но желая изобразить скорбь перед соседями. Возможно, он даже распорядился вырыть могилу и похоронить гроб, пусть и пустой, и водрузил надгробный камень. Как странно думать о том, что на нем выбито ее имя — Лили Бейнбридж, — мертвой для всех, кто знал ее. Теперь она может считать себя настоящей Лили Смайт, ибо и ее прежнее «я», и прежняя жизнь исчезли навсегда.

Итак, куда это приводит ее в отношениях с лордом Весси? Никуда, осознала она, оставляет там же, где она и была. Он слабость, которую она просто не может себе позволить. И поэтому, когда они в следующий раз встретятся, она опять ему откажет, ясно дав понять, что они не будут любовниками. Ибо хоть она, возможно, и желает его, но никогда не позволит себе поддаться его обаянию. Без сомнения, такая попытка была бы приятной — очень приятной, решила она с легким внутренним трепетом, — но она не может рисковать. Наверняка ему не понравится ее ответ, но он джентльмен и подчинится желанию дамы.

Осталось только укрепить свою решимость и убедить себя, что быть его другом — единственное, чего она хочет.

В середине следующего дня Итан сунул букет цветов под мышку и постучал дверным кольцом в дверь городского дома Лили Смайт.

Ему, конечно же, следовало сначала послать записку, дабы уведомить ее, что он планирует зайти, но не хотелось давать ей возможность «пропустить» его визит. И он решил положиться на удачу, ибо она могла отправиться по магазинам или с визитами к друзьям. Вряд ли она с Давиной Коутс, поскольку он знает из очень надежного источника, что к ним в гости на неделю прибыла известная своим тяжелым характером мать Джеффри Коутса. Раз или два он встречал старую ведьму и жалел бедняжку Давину, которая будет целыми днями на побегушках у свекрови. Какие уж тут личные дела и развлечения!..

Дверь открылась, и средних лет слуга — дворецкий, несомненно — оглядел его вместе с букетом с явным любопытством.

— Добрый день, — сказал он.

— Привет. — Итан достал свою визитную карточку, белый кусочек картона, и вручил ее слуге.

Глаза дворецкого расширились, когда он прочел имя, напечатанное на карточке.

— Милорд, прошу вас, входите.

Кивнув, Итан прошел в холл. Стащив перчатки, он воспользовался моментом, чтобы оглядеть уютное помещение с полированным мраморным полом, стенами теплого оттенка карамели и набором мебели в модном стиле. Великолепная зеленая жардиньерка северского фарфора стояла на инкрустированном высоком столе орехового дерева, золоченые ветви фарфоровых жонкилий тянулись вверх и в стороны.

У Лили отличный вкус, решил он. Хотя, с другой стороны, ничего иного он и не ожидал.

— Ваша хозяйка дома? — спросил Итан.

— Если вы соблаговолите присесть в гостиной, милорд, я спрошу.

Итан позволил отвести себя в гостиную. Однако меньше чем через минуту после ухода дворецкого он решил пойти за ним, ибо интуиция побуждала его не давать Лили шанс отправить его восвояси. Поднявшись по лестнице и пройдя по коридору, он нашел дорогу, следуя на звук голосов. Остановившись в открытых дверях малой гостиной, он заглянул внутрь как раз в тот момент, когда она отвечала дворецкому:

— Скажите его светлости, что меня сегодня нет дома.

— Да, мэм, но, полагаю, он знает, что вы в резиденции.

— Ваш слуга совершенно прав, — объявил Итан, открывая дверь шире и входя в комнату. — Здравствуйтесь, мадам. Вы сегодня просто ослепительны!

Она и в самом деле была хороша, одетая в прогулочное платье в бело-зеленую полоску из батиста, которое идеально оттеняло ее подобные изумрудам глаза и тициановские локоны.

Лили резко повернула голову. На мгновение губы ее вытянулись в тонкую линию, она явно была раздражена тем, что ее поймали. Очевидно, вспомнив, что слуга наблюдает, она изобразила улыбку.

— То же самое я могла бы сказать и о вас, милорд. Хотя, возможно, в вашем случае «неотразимый» было бы более точным описанием.

Его губы дернулись от этой завуалированной колкости, но он промолчал.

— Спасибо, Ходжес, вы свободны, — проговорила она твердым, хотя и тихим голосом.

Поклонившись, дворецкий покинул комнату.

Как только слуга ушел, Итан шагнул вперед и протянул ей букет роз.

— Это для вас. Я велел срезать их в собственной оранжерее меньше часа назад.

Прошло несколько долгих, томительных секунд, прежде чем она взяла цветы.

Завернутый в бумагу и перевязанный широкой белой лентой букет казался слишком большим в

ее маленьких, изящных руках. Не скупясь, он велел срезать три дюжины тщательно отобранных роз, стебель каждой из которых был очищен от шипов, дабы исключить всякую вероятность пораниться. Что до цвета, то он выбрал красный.

Красный как символ любви. Красный как символ страсти. Красный как комплимент великолепному огненному оттенку ее волос, в которые он горячо надеялся очень скоро зарыться пальцами.

Он наблюдал, как она медленно поднесла цветы к лицу и вдохнула сладкий аромат. Выражение лица смягчилось, веки полужакрылись.

Он улыбнулся при виде ее удовольствия и ее очарования.

Опустив цветы, она посмотрела на него, и брови ее сошлись, словно она была застигнута за чем-то, чего ей не следовало делать.

— Надеюсь, вы не собираетесь отказываться от них, как в прошлый раз, — небрежно заметил он. — Возможно, лилии не пришлись вам по вкусу, но я же вижу, что розы вам нравятся.

— Да, они хороши, — отозвалась она смягчившимся тоном. — Цветы прекрасны. Спасибо, милорд.

— Итан, — поправил он, понизив голос.

— Милорд.

Один уголок его рта приподнялся.

— Как вам угодно. Пока...

Повернувшись, она прошла к ближайшему столику, чтобы положить букет.

— И лилии мне тоже понравились. Я просто сочла для себя неприличным оставить их, учитывая обстоятельства.

— Почему же? Джентльмены всегда посылают цветы дамам.

— Да, но мне не хотелось создавать у вас ложных впечатлений и порождать надежду там, где ее не должно быть. — Она посмотрела на него подчеркнуто холодным взглядом, намереваясь донести до него намек.

Он неспешно прошел вперед, остановившись совсем близко.

— О, но я уверен, что у меня предостаточно причин надеяться, особенно после тех восхитительных минут, которые мы давеча провели вместе. Когда вы узнаете меня получше, то поймете, что я умею быть очень настойчивым. Я не отступаю так легко, особенно от того, чего действительно хочу.

Веснушки у нее на носу стали заметнее, когда легкий румянец залил щеки.

«Прелестна, как всегда», — подумал он, и кровь забурлила у него в жилах.

— Быть может, нам следует продолжить тот спор сейчас, — пробормотал он, окидывая взглядом ее лицо. — Тот, который мы начали в саду, но решили отложить.

— Нам не о чем спорить и нечего откладывать, милорд, как вы прекрасно знаете. Я еще тогда дала вам свой ответ. И он не изменился.

— И каков же этот ответ? Насколько я припоминаю, он был противоречив. — Он положил ладонь ей на талию, распластав свои длинные пальцы так, что они легли в каком-то дюйме от груди. — Возможно, нам надо дополнительно исследовать ситуацию.

Лили замерла. Потом решительно отстранилась, стряхивая его руку.

— Я уже решила, и ответ «нет»! — заявила она голосом осипшим, запыхавшимся и неуверенным, что заставило его ухмыльнуться. — А сейчас, — вздернула она свой изящный подбородок, — если это единственная причина вашего ко мне визита, полагаю, вам следует уйти.

Решив, что предпринятого им достаточно для одного дня, он отступил.

— Вообще-то я заехал по другой причине — помимо букета, я имею в виду.

Она скрестила руки на груди с таким видом, словно ей хотелось еще и топнуть ногой.

— И какова же она?

— Катание на лошадях. Я подумал, вам может понравиться прогулка в моем фаэтоне. Если мы найдем открытый участок дороги, я даже мог бы позволить вам попробовать править.

Ее руки упали вниз, нетерпеливый свет заискрился в ярких зеленых глазах.

— Звучит заманчиво. — Однако мгновение спустя свет померк. — Но боюсь, я не могу принять ваше предложение.

— Почему? Беспокойтесь, что я не смогу удержать в руках поводья, когда вы будете так близко?

Но не успела она ответить на эту шутку, как в дверях появился дворецкий.

— Лорд Оттуэлл, мэм, — объявил он звучным голосом.

Челюсти Итана напряглись.

— Вот почему, — пробормотала она тихо, чтобы услышал только Итан. — Лорд Оттуэлл уже предложил прокатить меня в своем экипаже. Сегодня он дает мне первый урок управления лошадьми.

Прежде чем Итан успел что-то ответить, вошел Оттуэлл, остановившись перед Лили, чтобы отвесить изящный поклон.

— Чудесного вам дня, миссис Смайт. Позволено ли мне будет сказать, что вы выглядите яркой и привлекательной, как луч солнца после грозы?

Она засмеялась и шагнула вперед, чтобы протянуть руку.

— Позволено, милорд, но я не верю, что заслуживаю такого восторженного комплимента.

— Ах, мэм, разумеется, заслуживаете. И такого, и даже более.

И снова мелодичный смех слетел с ее губ, отчего Итан нахмурился.

Оттуэлл развернулся, словно только сейчас заметил его присутствие.

— Весси?

— Оттуэлл. — Итан вяло кивнул.

Мужчина несколько мгновений сверлил его взглядом, потом отвернулся.

— Я далек от того, чтобы вас торопить, — продолжал Оттуэлл, вновь сосредоточив взгляд на Лили, — и мы можем остаться здесь и немного поговорить, ежели желаете, но мой грум держит упряжку наготове. Вам надо только дать свое согласие, и мы поедем. — Он мельком взглянул на Итана, незаметно расправив плечи и выпятив свою тощую грудь. — Я везу миссис Смайт на урок езды.

Итан сжал руку в кулак.

— Ну что ж, дело хорошее, надеюсь, вы будете осторожны.

— Разумеется, я не позволю ей предпринимать ничего слишком рискованного.

— Я говорил не о ней.

Оттуэлл густо покраснел, уловив в словах маркиза намек на его слабые навыки управления лошадьми.

Лили повернулась к нему прежде, чем он успел что-то ответить.

— Дайте мне минутку, милорд, и мы отправимся. — Дойдя до двери, она остановилась, затем обернулась и сделала небольшой шаг в сторону. — Велю своей горничной поставить цветы в воду, — сказала она, наклоняясь, чтобы взять в руки букет роз.

Напряжение Итана спало, на губах заиграла улыбка, когда он увидел, как она, выходя из комнаты, поднесла цветы к лицу и вдохнула их аромат.

После ее ухода в гостиной повисло молчание. Оттуэлл сунул руки в карманы и сделал какое-то замечание о погоде. Итан ответил что-то такое же безобидное. И к его облегчению — и облегчению Оттуэлла тоже — Лили скоро вернулась, выглядя прелестно в соломенной шляпке с бело-зелеными лентами, завязанными под подбородком.

Когда они втроем покинули гостиную, Итан устроил так, что Оттуэлл был вынужден идти впереди. Чуть замедлив свои шаги, он наклонился к Лили.

— Вы поставили их на туалетный столик или на прикроватную тумбочку? — пробормотал он ей вопрос прямо в ухо. — Мне любопытно знать, чтобы я мог представлять в своем воображении, как вы любуетесь ими.

Она повернула голову.

— Что поставила?

Он встретился с ней взглядом, взяв за локоток, когда они стали спускаться по лестнице.

— Розы, которые я вам подарил, разумеется. Вы ведь отнесли букет к себе в спальню, не так ли?

Вспышка в ее глазах ответила на его вопрос, удовольствие растеклось в груди от осознания того, что он был прав. «Ах, Лили, ты отнесла мои розы к себе в комнату, — подумал он. — Это лишь вопрос времени, когда ты отведешь туда и меня».

— Я велела горничной поставить их в коридоре, — солгала она. — А откуда вы знаете, что у меня есть туалетный столик и прикроватная тумбочка?

— Просто угадал, поскольку это обычные вещи для женского будуара.

— Предмет, о котором вы много знаете, — колко заметила она полупшепотом.

Он наклонился еще ближе.

— Предмет, о котором в вашем случае я надеюсь очень скоро узнать гораздо больше.

Едва ощутимый трепет пробежал по ее телу, когда они уже выходили из дома. Легонько пошевелив рукой, она высвободила локоть из его пальцев.

— Увы, милорд, вам придется продолжать гадать. А сейчас у меня урок езды. — Шагнув вперед, она повысила голос: — Лорд Оттуэлл, мы едем?

Оттуэлл засуетился, сама заботливость, явно довольный, что увозит ее от Весси.

Итан спустился вслед за ними с крыльца на тротуар.

— Приятной прогулки! — крикнул он, когда Оттуэлл помогал Лили сесть на высокое сиденье двухколесного экипажа.

— Спасибо. — Она слегка помахала ему. — До свидания, милорд.

— Au revoir, [3]мадам. Я не прощаюсь, поскольку уверен, что мы довольно скоро вновь увидимся.

Глава 9

Час спустя Лили поймала себя на том, что жалеет, что не отнеслась повнимательнее к предупреждению маркиза относительно навыков езды лорда Оттуэлла.

Сидя на своем приподнятом сиденье экипажа, она оказалась в центре самого настоящего хаоса, где лаяли собаки и орали люди. Небольшая толпа зевак собралась поглазеть на то, как его светлость пытается успокоить двух разъяренных торговцев. Улица была усеяна обломками нескольких деревянных ящиков; яблоки, лук, капуста и груши разбросаны вперемежку с буханками хлеба, разломанными пирогами и раскрошившимися булками. Что же касается фэтона лорда Оттуэлла, то поврежденный экипаж стоял под неудобным углом, наполовину перегораживая улицу и вынуждая других возниц лавировать среди всей этой неразберихи, кто как сумеет.

Вдобавок ко всему этому откуда ни возьмись прибежала кучка уличных бродяг, которые набивали свои пустые карманы и хватали с земли столько еды, сколько могли унести в тощих

руках. Лили съежилась, когда один из торговцев разразился потоком брани, размахивая руками и ругаясь на убегающих воришек.

Лорд Оттуэлл заламывал руки.

— Мои извинения. Яне понимаю, как такое могло случиться.

— Очень просто, милорд. Вы не смогли завернуть за этот чертов угол! — возмущался торговец. — И наехали прямо на мою палатку.

— Лошади шарахнулись, как раз когда я делал поворот, — защищался его светлость, — и я не успел их направить в нужную сторону.

Торговец помолчал, его густые седые брови сошлись в одну линию, когда он поскреб лысеющую макушку.

Оттуэлл продолжил свои пылкие объяснения, а Лили подавила вздох. С того места, где она сидела, ей совсем не показалось, что лошади испугались, по крайней мере до тех пор, пока он не заставил их делать слишком крутой поворот, не оставив упряжке иного выбора, кроме как врезаться экипажем в продуктовые ларьки. Бедные дрожащие животные после этого и в самом деле шарахнулись. Грум Оттуэлла соскочил, чтобы успокоить лошадей, и сейчас упряжка стояла в тихой покорности, несмотря на царящий вокруг бедлам.

Торговец продуктами указал похожим на морковку пальцем на свой загубленный товар:

— Что я хотел бы знать, так это заплатят ли мне за этот убыток?

— Разумеется, я все компенсирую. Вам обоим надо только прислать мне счет...

— И надолго эта канитель? Я живу на доходы от этого ларька.

— Похоже, у Оттуэлла хлопот полон рот, — заметил глубокий бархатный мужской голос совсем рядом с ней. — Ну и неразбериха!

Лили резко повернула голову влево и обнаружила лорда Весси, стоящего рядом с экипажем. Высокий, одетый в элегантный шоколадно-коричневый сюртук, песочного цвета бриджи, он выглядел великолепно. В его глазах поблескивали искорки веселья.

— Милорд, что привело вас сюда? — спросила она.

— Я проезжал тут неподалеку и заметил происшествие. Представьте мое удивление, когда я обнаружил, что вы и Оттуэлл стали его участниками.

Она вглядывалась в него, пытаясь решить, было ли его появление простым случайным совпадением или он оказался поблизости, потому что ехал за ними. В любом случае она была рада его своевременному приезду.

— Должна признаться, что, когда выезжала из дома, не ожидала врезаться в уличные палатки.

— Вы невредимы, надеюсь?

— Да, абсолютно, даже ни одного синяка.

— Это хорошо, потому что я был бы крайне расстроен, услышав что-то иное. Поскольку вы

застряли, могу я предложить свою помощь и проводить вас домой? Мой экипаж стоит вон там. — Он указал на великолепный фаэтон с высоким сиденьем, ожидающий впереди. Его ливрейный грум удерживал упряжку серых породистых лошадей. Выкрашенный в блестящий синий цвет, гоночный экипаж щеголял гербом Весси, сверкающим золотом на дверце. В сущности, фаэтон был самым роскошным из всех, какие Лили когда-либо видела, не считая запряженной четверкой кареты маркиза, разумеется.

Взглянув на Оттуэлла, она увидела, что он все еще занят переговорами с владельцами ларьков.

— Кто может сказать, сколько это продлится, — заметил Весси, словно прочел ее мысли. — Даже когда он успокоит этих двоих, ему еще надо будет вызвать новый экипаж и договориться, чтобы увезли этот. Вы можете застрять тут на несколько часов.

Как бы ей в принципе ни было неловко вот так бросать лорда Оттуэлла, Лили вынуждена была признать, что кое-какие моменты подмечены лордом Весси абсолютно точно, и немаловажным из них является печальная перспектива провести остаток дня, сидя здесь, в поломанном экипаже. Кивнув, она согласилась:

— Да, спасибо, буду признательна, если вы отвезете меня домой.

— Оттуэлл! — крикнул маркиз голосом, который легко перекрыл шум толпы. — Миссис Смайт едет со мной.

Лорд Оттуэлл замолчал на середине предложения и оглянулся, его лоб прорезали морщины.

Не дав ей возможности поговорить с ним, маркиз протянул руки, обхватил ее за талию и снял на землю с уверенной силой, от которой у нее занялся дух. Как только ноги коснулись земли, он взял ее под локоть и повел вперед. Она успела бросить лишь один последний взгляд на лорда Оттуэлла, который выглядел крайне расстроенным, прежде чем маркиз остановился перед своим фаэтоном и повернулся, чтобы помочь ей подняться внутрь.

Пульс ее участился, когда лорд Весси обхватил за талию и приподнял над землей. На мгновение она оказалась в кольце его крепких объятий, глаза на уровне его глаз, рот в какой-то паре дюймов от его рта. На долю секунды он приостановился, словно подумывал привлечь ее ближе для поцелуя. Но потом все-таки поднял выше и усадил на сиденье.

Устроившись, Лили усилием воли поборолала легкое головокружение, сказав себе, что это реакция на значительную высоту фаэтона, а не на объятия маркиза. Улыбка заиграла у нее на губах, пульс заколотился от возбуждения, когда она увидела Лондон с высоты сиденья шикарного экипажа.

Лорд Весси ловко поднялся следом и устроился рядом с ней на сиденье, своими широкими плечами почти касаясь ее плеч. Взяв поводья, тихо свистнул лошадям и пустил их вперед, каждым своим движением говоря об умении править четверкой породистых рысаков.

«Вот мужчина, — подумала она, — знающий, как обращаться с поводьями».

— Надеюсь преподать вам несколько иной урок управления лошадьми, — скромно заметил он, как только они благополучно влились в общее движение.

Она расправила плечи.

— Если вы спрашиваете, не я ли правила лошадьми, когда это случилось, спешу вас

разуверить.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— У меня и в мыслях не было, что вы. Если помните, я предупреждал вас, что у Оттуэлла руки-крюки. — Он помолчал, делая быстрый поворот, от которого экипаж Оттуэлла непременно бы занесло. — Он хотя бы раз дал вам подержать поводья?

вернуться

3

До свидания (*фр.*).

Она сжала губы.

— Сказал, что подыскивает для первого урока подходящее место.

— Тогда позвольте мне обучить вас. Мое предложение остается в силе.

Волна желаний развернулась у нее в груди, но она отодвинула ее в сторону.

— Я не могу. И вы знаете причину.

Его губы изогнулись в медленной, чувственной улыбке.

— Благодарю за комплимент, сударыня, но даже я нахожу затруднительным заниматься с вами любовью в открытом фаэтоне на виду у всех. Общество целиком и полностью одобряет езду в открытых экипажах. Не находит в этом ничего предосудительного.

У нее приоткрылся рот от такого дерзкого утверждения, и все же она понимала, что он прав. Даже девушкам с чересчур бдительными мамами разрешено кататься с джентльменом без сопровождения, если они находятся в открытом экипаже. И все же... разве не решила она только вчера видаться с маркизом как можно реже? А проводить с ним долгие часы, сидя бок о бок в маленьком экипаже, — не совсем подходящий способ выполнить намеченное. И все-таки она не могла отрицать того факта, что позволить Итану Андертону обучать ее управлять экипажем было бы совсем неплохо. Если допустить, что она сможет сосредоточить свои мысли на уроках, а не на мужчине.

Сцепив затянутые в перчатки руки на коленях, она заставила себя сопротивляться.

— Пусть даже я согласна, что приличия будут соблюдены, но не думаю...

— А что же тут думать, дорогая леди, — пробормотал он с вкрадчивой убедительностью. — Просто скажите «да». — Он бросил на нее быстрый взгляд. — Вижу по вашему лицу, что вам до смерти хочется научиться управляться с поводьями. И хотя обычно не в моих привычках хвастаться собственными умениями, многие считают меня отличным возницей. Могу вас заверить, что я никогда не наеду на фруктовую палатку и не дам вам возможности сделать это, пока вы будете учиться.

Лили засмеялась:

— Нет, на этот счет я спокойна.

«И я на самом деле не боюсь», — осознала она, чувствуя себя с ним так же надежно и безопасно, как младенец в колыбели.

— Тогда доставьте мне удовольствие обучать вас, — уговаривал он. — Это будет просто чудесно, обещаю.

«Уверена, что именно так и будет, по этой причине я должна отказаться».

— Если это заглушит ваши опасения, обещаю сохранять атмосферу наших уроков строго платонической. Можете думать обо мне как о своем заслуживающем доверия родственнике.

Она усмехнулась:

— Дальнем родственнике, полагаю, который не прочь сбить свою ученицу с пути истинного. Ну, если б вы поклялись вести себя как мой брат...

— У вас нет брата, — ухмыльнулся он.

— Вот именно.

Он бросил на нее взгляд, который был в равной мере насмешливым и раздраженным.

— Просто скажите «да», Лили.

Как легко у него это выходит! Интересно, испытывала ли Ева те же чувства, раздумывая, взять или не взять яблоко? И все же она ведь соглашается не лечь с ним в постель... только сидеть в экипаже, где даже сейчас ей стоит лишь чуть-чуть наклонить голову, чтобы уловить его восхитительный мужской запах, или слегка наклониться вбок, чтобы слегка коснуться его сильного, атлетического тела.

Нервно покусывая нижнюю губу, она вела безмолвную битву, в которой сердце яростно сражалось с головой. «Скажи "нет"», — предостерегал разум. Но тут он улыбнулся ей так, что она буквально растаяла.

— Ну хорошо, — поспешно проговорила она. — Как скоро мы сможем начать? Сегодня?

Он рассмеялся:

— Нет, не так скоро. В такое время дня невозможно отыскать какую-нибудь немногочисленную улицу, хотя, полагаю, один из парков может быть самым подходящим местом, с которого следует начать. Если вы съедете там колесом с дорожки, то самое страшное, что вы сделаете, — это раздавите несколько полевых цветков да вырвете кусок травы.

Она вздернула подбородок:

— Кто сказал, что я буду съезжать с дороги? Вы меня недооцениваете.

Он широко улыбнулся, лучики крошечных морщинок разбежались из уголков глаз.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Приятное тепло омыло кожу; ощущение, которое, она знала, не имеет ничего общего с очень

теплым днем поздней весны.

— Что скажете насчет половины десятого завтра утром? — предложил он. — Или это слишком рано?

Она покачала головой:

— Я ранняя пташка, поэтому это отличное время.

— О, еще один интригующий кусочек информации о ваших личных привычках. Я стану думать о вас завтра утром, когда буду умываться и одеваться, гадая, проснулись ли вы и делаете ли то же самое.

Она отогнала прочь провокационные образы, вызванные его словами.

— Я думала, мы договорились, что вы будете вести себя прилично во время уроков?

— Но у нас сейчас не урок. Я ничего не говорил о времени до и после.

Ее сердце подпрыгнуло.

— Тогда я буду очень стараться избегать вашей компании — за исключением времени обучения.

Почти незаметным движением поводьев он замедлил движение фаэтона и плавно остановил экипаж. Сдвинувшись на сиденье, прижался коленом к ее бедру.

— Вы, конечно, можете попробовать, моя дорогая Лили, — прошептал он. — По сути дела, мне не терпится посмотреть на ваши попытки.

«Боже милостивый, во что я позволила себя втянуть?» — гадала она.

— Заеду за вами завтра утром, — пробормотал он. — Постарайтесь не опаздывать.

Только сейчас до нее дошло, что они приехали к ее дому и что дворецкий держит дверь открытой, чтобы впустить ее. Лакей вышел вперед и уже собрался помочь ей сойти на землю, но маркиз спрыгнул первым, чтобы самому исполнить эту почетную обязанность. Но вместо того, чтобы протянуть одну руку, он обхватил ее широкими ладонями за талию и снял с экипажа, задержав в своих объятиях на лишнюю долю секунды, прежде чем в целости и сохранности поставить на землю.

— До завтра, мадам.

С элегантным поклоном он приподнял цилиндр, затем снова запрыгнул в фаэтон и, взяв поводья, покатыл прочь.

Стараясь обрести устойчивость, Лили заставила себя повернуться и войти в дом.

На следующее утро Итан подъехал к дому Лили ровно в половине десятого и обнаружил ее уже внизу, готовую ехать. Сама деловитость, она вежливо улыбнулась ему, натягивая серые перчатки, гармонирующие по цвету с прогулочным платьем и изящными кожаными полуботинками.

— Доброе утро, милорд. Ну что, поехали?

Со снисходительной улыбкой он широким жестом указал в сторону двери.

Ее решимость устоять перед его обаянием дала маленькую трещинку, как только они вышли из дома, и на лице отразилось легкое замешательство.

— О, вы разве приехали не в фаэтоне?

Он покачал головой и протянул руку, чтобы помочь ей сесть в экипаж.

— Нет. Высокий фаэтон не тот вид транспорта, на котором новичок должен учиться. Этот экипаж достаточно рискованный.

— Он совсем не выглядит таковым, — пробормотала она с недоверием, оглядывая элегантную, но все же гораздо более низкую черную карету.

— Посмотрим, будете ли вы считать так же, когда возьмете в руки поводья. А теперь устраивайтесь поудобнее.

Не успела она сказать что-то еще, как он усадил ее рядом с собой и лошади тронулись. К тому времени как они доехали до Сент-Джеймс-сквер, ее настроение поднялось, она излучала радостное возбуждение, когда они въехали в центральные ворота. Он выбрал именно этот парк в надежде встретить меньше колясок и светских сплетников. Она мало чему научится, если они будут то и дело останавливаться, чтобы поболтать. Кроме того, он очень надеялся, что ему не придется ни с кем ее делить и они будут только вдвоем.

Выехав на отдаленный участок дороги в глубине парка, он остановил карету.

— Ну вот, — объявил он, — пора начать наш урок.

— Ох, чудесно! — Она выпрямилась с нескрываемым нетерпением. — Что я должна делать?

— Вначале вы должны послушать меня, — сказал он. — Вот этот красавец конь справа от вас... его зовут Гром, и вы будете передавать большинство своих сигналов через него. Молния, лошадка слева, хорошая девочка, всегда будет в точности повторять его движения.

— Гром и Молния? — улыбнулась она, воздавая должное чувству юмора их хозяина. — Они такие же грозные и неукротимые, как и их имена?

— Ни в коей мере. Смеею вас заверить, вам будет трудно найти более преданную и послушную упряжку. Ну уж когда возникает непредвиденная ситуация, в дело вступаю я. — Подмигнув, он придвинулся ближе, плечом легонько задев ее плечо.

Метнув в него суровый взгляд, она намеренно отодвинулась.

— А как же ваша природная склонность к дурному поведению? Знакомы ли они и с этой стороной вашей личности?

Он рассмеялся:

— Уверен, они по достоинству оценивают все мои склонности и вряд ли рассматривают мои действия как неподобающие. Лошади, правда, любят удовольствия. Многим людям следовало бы взять это на заметку и следовать их примеру.

Кашлянув, она продолжила:

— Кстати, о примерах. Вы не объясняли, как лучше взаимодействовать с упряжкой.

— Ах да, верно, — сказал он с усмешкой. — Давайте продолжим.

Бросив на него взгляд из-под ресниц, Лили задалась вопросом, не совершила ли она ошибку, согласившись на его уроки. Пока что его инструкции имели такое же отношение к соблазнению, как и к вождению. «Но я смогу с ним справиться, — сказала она себе, — по крайней мере надеюсь на это».

— Будьте помягче с поводьями и учитесь доверять своей интуиции. А теперь почему бы нам не попробовать? Вытяните руки.

— Зачем? — удивилась она.

— Как же еще вы собираетесь управляться с поводьями? Ваш голос и руки всегда будут двумя вашими лучшими союзниками, — пояснил он. — Это как занятия любовью. Нашептывая разные нежности на ухо, ласково обнимая любимую, и ты никогда не ошибешься.

Она осуждающе выгнула бровь.

Он расплылся в саркастической улыбке.

— Руки, пожалуйста.

Несмотря на свои сомнения, она вытянула руки.

Мгновением спустя он снова придвинулся ближе и расположился так, что его бедро касалось ее бедра. Не успела она возразить, как он протянул руку через ее плечи и накрыл обе ее ладони своими. Она почувствовала, как несдерживаемый трепет пробежал по ней, остро ощущая его прикосновение.

— Милорд, что это вы делаете?

Глаза его излучали полнейшую невинность.

— Просто инструктирую вас, ничего больше. Как иначе вы все почувствуете, если я не покажу вам? А теперь расслабьтесь, не то напугаете животных.

«Расслабьтесь! — фыркнула она. — Как я могу расслабиться, когда практически сижу у него на коленях?» Но тем не менее она попыталась оставаться неподвижной, когда он вложил поводья ей в руки.

— Держите свободно и легко, — проговорил он чересчур близко у ее уха. — Оставайтесь спокойной, однако никогда не теряйте контроля. Гром и Молния почувствуют малейшее ваше колебание или напряжение и отреагируют соответственно. Чтобы привести их в движение, щелкните поводьями вот так. — Не отпуская ее рук, он подкрепил слова действием, добавив тихий щелкающий звук языком. Лошади тут же тронулись тихим шагом. — Легкое нажатие — все, что нужно, чтобы указать им направление. Мягко, вот так... — сказал он, продемонстрировав движение. — И чуть сильнее для поворота, но это мы оставим на потом. Прямо вперед — понятнее всего для первого раза.

Держа ее ладони в своих, он вел экипаж вперед, снова легонько щелкнув поводьями, чтобы

увеличить скорость.

— А вот как их остановить, — сказал он еще через пару ярдов. Без усилий натянув поводья, он легко остановил упряжку. — Все ясно?

Приказав своему сердцу прекратить так колотиться, она кивнула, хотя его инструкции несколько смешались у нее в голове.

— Хорошо, — отозвался он. — Тогда почему бы вам не попробовать самой?

— Ладно. — Она выгнула спину и немного отодвинулась от него. — Полагаю, мне следует проделать все это одной. Одной.

Усмехнувшись, он отпустил ее ладони и убрал руку, затем откинулся на сиденье. Взгляд на его лице напомнил ей выражение, которое она когда-то видела на мордочке Мозера сразу после того, как он закончил играть с пойманной мышкой. В этот момент маркиз и впрямь поразительно походил на кота — большого, игривого кота, который получает огромное удовольствие, преследуя свою добычу.

Сделав глубокий вдох, она усилием воли отодвинула подобные мысли в сторону, затем в оцепенении уставилась на вожжи, силясь вспомнить, что он ей показывал. Гром выбрал этот момент, чтобы тряхнуть своей темной гривой и мягко фыркнуть через ноздри, почувствовав смену возницы. Молния последовала его примеру, повторяя движения коня; эти двое лошадиному обменивались между собой мнениями по этому поводу.

— Они просто проверяют вас, желая знать, кто вы, — пробормотал Итан. — Щелкните поводьями, как я вам показывал, и дайте им знать, что вы тут командуете.

Бросив на него взгляд искоса, она сделала, как он велел, чуть-чуть пошевелив поводьями вверх-вниз. Ни одна лошадь не шелохнулась.

— Чуть посильнее, — подбодрил ее он с едва скрываемым смешком.

Она сжала губы. Ах так? Лили напряглась и решительно дернула поводья. На этот раз упряжка ринулась вперед, резко дернув коляску, отчего они с маркизом едва не слетели с сиденья. Но когда он потянулся, чтобы помочь ей, она уклонилась от его рук, перехватив поводья покрепче. Напрягая мышцы рук, она пыталась удержать под контролем сильных и норовистых животных, делая все возможное, чтобы направлять лошадей и карету по прямой линии вдоль дорожки. Итан откинулся на сиденье, очевидно, не имея ничего против, чтобы она продолжала свои манипуляции.

Трава и деревья проносились мимо на, кажется, довольно высокой скорости, когда лошадиные копыта цокали по вымощенной дорожке. Дыхание вырывалось между ее приоткрытых губ, во рту пересохло, зато руки в перчатках вспотели. Она хотела, чтобы маркиз наконец ей помог, но тот предпочитал не вмешиваться.

И только тогда до нее внезапно дошло. В трудной ситуации легче приобрести необходимый опыт.

— Я делаю это! — выпалила она. — Я правлю!

— Да, — согласился он с явной улыбкой в голосе. — Не подлежит сомнению.

Впереди дорожка делала два плавных поворота. Держась твердо, она направила упряжку вокруг первого, затем следующего, делая каждый поворот так, словно она уже сто лет управляла лошадьми. Смех сорвался с ее губ. Скосив глаза на Итана, она встретилась с его взглядом и прочла в нем удовольствие, отражающее ее собственное. Пятна солнечного света играли на его лице и в волосах, пронизывая каждую прядь живым, мерцающим золотом.

Сердце ее забило сильнее. Она заверила себя, что это просто волнение от езды, не имеющее никакого отношения к мужчине с ней рядом.

Лгунья!..

Внезапно появилась еще одна карета, двигающаяся навстречу им на приличной скорости. Потянув поводья, она дернула слишком быстро и под слишком резким углом, пытаясь отъехать с дороги. Экипаж сильно трянуло, когда правое колесо соскочило с мощеной дороги на траву, и упряжка остановилась, когда другая карета промчалась мимо.

— Достаточно для одного дня? — спросил маркиз мягким голосом.

Собравшись с духом, она покачала головой:

— Нет.

Он улыбнулся, и, не в силах остановить себя, она улыбнулась в ответ.

Секунду спустя мышцы руки пронзила резкая боль, давая ей знать, что, возможно, она поспешила с ответом.

— Ну, пожалуй, можно сделать небольшой перерыв. — Она бросила взгляд вокруг. — Бог мой, да я, похоже, завезла нас в какие-то дебри!

— Не волнуйтесь. Мы выберемся отсюда в два счета. Вы великолепно правили — для первого выезда. Лучше многих.

— Многих женщин, вы имеете в виду?

— Нет, лучше большинства людей обоего пола. Тепло растеклось у нее в груди от этих его слов похвалы.

— Хотите вывезти нас отсюда? — предложил он. Она на секунду задумалась над его предложением, затем протянула ему поводья:

— Спасибо, милорд, но я бы предпочла довериться вашим умелым рукам.

Его взгляд обежал ее лицо.

— Ах, если б только я мог убедить вас оставить все в моих руках, как бы чудесно мы провели время.

— Ну хватит, милорд, — укорила она. — Мне хочется отдохнуть.

Он усмехнулся:

— Итак, когда наш следующий урок? То же самое время завтра утром подойдет?

Завтра!

И хотя она знала, что должна отказаться, но соблазн был слишком велик. В конце концов, как еще она может научиться править?

— Пожалуй, — согласилась она. — Значит, завтра утром.

Его глаза светились удовольствием, когда он тихо щелкнул языком, ловко выправил коляску и пустил упряжку по дорожке.

Глава 10

Прекрасным солнечным июньским утром примерно две недели спустя Итан стоял, голый по пояс, перед трюмо. Водя хорошо заточенным краем бритвы, он сбрил последний ряд покрытой мыльной пеной щетины с левой щеки, затем положил бритву и чисто вымыл лицо в тазике с теплой водой. Когда он выпрямился, свежее полотенце появилось в поле его зрения. Взяв его, он промокнул свои гладко выбритые щеки.

— Спасибо, Уэлк, — сказал он, отдавая полотенце камердинеру.

Пройдя к противоположной стороне своей обширной гардеробной, он надел белую рубашку, которую слуга подал ему. Застегнув пуговицы, заправил края в темно-коричневые брюки, затем натянул серовато-коричневый жилет, прежде чем расположиться перед высоким зеркалом, чтобы повязать шейный платок. Какой бы плебейской ни находили некоторые аристократы эту привычку, он предпочитал одеваться сам, чем стоять, как манекен, пока камердинер облачает его. С тех пор как вырос из коротких штанишек, он перестал нуждаться в помощи, всегда обихаживал себя сам.

Итан как раз закончил затягивать последний узел, когда Уэлк вновь появился в дверях.

— Прошу прощения, милорд, — сказал он, — но вас хочет видеть его светлость герцог Уайверн.

— Проводи его сюда.

— Я уже здесь! — крикнул Тони из смежной гостиной, явно слышавший их с Уэлком разговор.

У герцога слух как у кошки, как узнал Итан, когда они еще мальчиками познакомились в Хэрроу много лет назад. И очень мало что ускользает от его внимания, несмотря на ленивый взгляд из-под полуприкрытых век и напускную внешнюю расслабленность.

Голубые глаза Уайверна казались слишком пронизательными и блестящими этим утром, заметил Итан, когда вышел из гардеробной.

— Привет, Тони. Что привело тебя в такую рань?

Герцог уперся костяшками пальцев в бедро.

— Сегодня в «Таттерсоллз» будет выставлен на аукцион первоклассный жеребец. Я решил сделать заявку и подумал, не захочешь ли ты поехать со мной.

Вот еще одно, что Итан хорошо знает о Тони: он великолепный наездник, прекрасно разбирающийся в лошадях. Когда интересный экземпляр попадает в поле его зрения, он не

колеблясь приобретает его для своей конюшни, которая, кстати, считается одной из лучших в стране.

— Позавтракаешь? — спросил Итан, подходя к квадратному столу красного дерева, стоящему под одним из трех окон, заливающих комнату солнечным светом. Лакей занимался расстановкой блюд с едой на белоснежной скатерти; от соблазнительного запаха яиц, ветчины и тостов желудок Итана заурчал.

Сев, он налил себе чашку крепкого черного чая, затем вторую для друга.

— Лукуллов пир... Повар всегда готовит больше, чем я в состоянии съесть. Велеть принести еще одну тарелку?

— Нет, чая достаточно, спасибо. — Тони опустился на стул с противоположной стороны. — Ну, так как насчет торгов? Ты едешь или нет?

— Боюсь, что нет. — Итан отрезал кусочек ветчины и медленно прожевал, наслаждаясь приятным копченым вкусом. — У меня уже назначена другая встреча.

Уайверн вскинул черную бровь:

— Правда? Что-то в последнее время у тебя слишком часто возникают дела. Интересно, какого свойства? А может быть, под этим подразумеваются свидания с некоей рыжеволосой вдовой, а?

Итан подцепил на вилку и съел кусок яичницы-глазуньи, затем откусил хрустящую корочку намазанного маслом тоста.

— Наши встречи не свидания. Я учу ее управлять упряжкой.

— А, так вот, значит, как теперь это называется, — протянул герцог поддразнивающим тоном.

Итан нахмурился:

— Она не моя любовница, если ты на это намекаешь. — «По крайней мере пока», — подумал он. Разумеется, он планирует исправить эту ситуацию в ближайшем будущем — самом ближайшем.

И все же по причинам, которые даже сам не вполне понимал, он оставался верен своему слову насчет того, чтобы сохранять атмосферу их с Лили уроков исключительно платонической. Он мог флиртовать и поддразнивать ее, но дальше этого пока не предпринимал никаких шагов. Разумеется, он встречался с ней на нескольких балах, где они танцевали или в течение нескольких минут вели непринужденную беседу за бокалом вина или пунша. Но несмотря на свое неугасающее желание к ней, он не подбивал ее больше ни на какие встречи в полуночном саду и не предпринимал дальнейших серьезных попыток соблазнения.

Сказать по правде, он сам не мог понять свое поведение, заставляя гадать, уж не происходит ли его сдержанность из какого-то странного чувства чести, необходимости исполнить свое обещание относительно уроков, дожидаясь, когда совесть позволит ему возобновить попытки заманить ее в постель. Какова бы ни была причина, он хотел эту девчонку с отчаянием, граничащим с болью. Не раз он просыпался после ночи бурных, сладострастных снов о ней и обнаруживал, что вся постель скомкана и перекручена, кожа покрыта испариной, а плоть неистощимо твердая.

Но добровольно взятый на себя «обет воздержания» должен вот-вот закончиться, быть может, уже сегодня, поскольку этим утром он дает Лили Смайт последний урок.

Быстрая и смелая, она удивила его своей врожденной ловкостью и сообразительностью. В награду за ее успех она повезет их в Ричмонд-парк, где он планирует устроить пикник.

«А после этого, — размышлял он, — кто знает, что может случиться».

Тем не менее он не собирался делиться своими планами с Тони, каким бы близким и давним другом он ни был. Он съел еще кусочек ветчины.

— Ну так расскажи мне об этой лошади.

Лили твердо держала поводья и дала лошадям волю, позволив упряжке увеличить скорость до легкого галопа, когда они ехали по дороге к Ричмонду. Рядом с ней сидел маркиз, развалившись в ленивой, небрежно расслабленной позе.

Солнечный свет позднего утра лился на землю с почти безоблачного лазурного неба, смолистый воздух дразняще оведал кожу и заигрывал с тщательно заколотыми прядями волос, спрятанными под шляпку с узкими полями. Ее платье цвета лаванды гармонировало с настроением — бодрящее радостное возбуждение вкупе с чувством трепетного волнения.

Сегодня ее последний официальный урок по управлению экипажем. По крайней мере так лорд Весси заявил ей два дня назад, когда предложил эту прогулку в двойном качестве: заключительной проверки и празднования ее успеха. Он сообщил, что она освоила все, чему он мог ее научить, и больше в нем не нуждается. Ей нужна только внутренняя уверенность, которую даст продолжительная практика.

Он пообещал, что, когда они вернутся в Лондон, поможет ей приобрести собственный выезд, дабы она могла ездить по городу, куда и когда пожелает.

К своему ужасу, она поняла, что будет скучать по ежедневному обществу маркиза после того, как закончится их последний урок. За последние две недели она стала получать удовольствие от их разговоров и дружеского общения, предвкушала их утренние прогулки с нетерпением, которое могла бы счесть тревожащим. Она не должна была желать его компании, но в последние несколько дней сделала открытие: ей нравится Итан Андертон. И все же интуитивно Лили понимала, что он не из тех мужчин, с которым можно быть просто друзьями, во всяком случае, в строгом смысле этого слова. Он слишком дерзкий, слишком мужественный, слишком привлекательный.

«Но и в качестве любовника я его не хочу, — поспешила заверить она себя, — нет, не хочу». И все же, когда дело касается лорда Весси, женщина должна быть сотворена из камня, чтобы остаться невосприимчивой к его обаянию. Лили сомневалась, что любая женщина моложе восьмидесяти смогла бы устоять против его шарма. Да он же просто ходячий соблазн!

Размышляя над его поведением по отношению к ней в последнее время, она задавалась вопросом, не утратил ли он к ней интерес. После того самого первого урока, когда он держал ее в объятиях под предлогом обучения, не было больше никаких амурных поползновений с его стороны. Он даже не пытался поцеловать ее, а вел себя как безупречный джентльмен, как платонический поклонник — в точности как и обещал.

Может, его желание прошло, недоумевала она. Может, он хочет быть для нее просто другом, и

не более того? От этой мысли плечи ее опустились. Глупо, разумеется, поскольку она знает, что должна испытывать скорее облегчение от подобной вероятности, чем разочарование. Краем глаза она заметила улыбку, изогнувшую его красивые губы, и лукавый блеск в золотисто-карих глазах, таких неотразимых, что у нее по коже побежали покалывающие мурашки. Вновь переведя взгляд на дорогу, она продолжила править лошаадьми.

Встретившись с медленно двигающейся фермерской телегой, везущей копну золотистого сена, она дала сигнал упряжке объехать вокруг. Парочка соломин взлетела в воздух, коротко покружившись, прежде чем приземлиться — одна ей на юбку, а вторая на небольшой участок обнаженной кожи над лифом. Поскольку руки ее были заняты управлением лошаадьми, она не могла стряхнуть их. Лили слегка поерзала в надежде, что хотя бы одна из них свалится.

— Позвольте мне, — пробормотал Весси. Наклонившись вперед, он стряхнул соломинку небрежным движением руки, прежде чем потянуться за следующей. Дыхание ее сделалось прерывистым, сердце гулко заколотилось, когда его пальцы застыли прямо над ее грудью. Теплые костяшки пальцев легонько коснулись трепещущей кожи, когда он стряхивал тонкую сухую травинку. Дрожь пробежала по телу. О Боже, подумала она, молясь, чтобы он принял ее дрожь за результат покачивания коляски, а не за реакцию на него.

— Мы недалеко от Ричмонда, — проговорила она, стараясь отвлечься.

— Если допустить, что последний указатель, который мы проехали, был правильный, то нам осталось меньше двух миль. — Вертя сухую травинку между пальцами, он снова откинулся на сиденье. — Я подумал, мы могли бы остановиться в парке и устроить небольшой пикник. Я раньше не упоминал об этом, но повар упаковал нам корзину. Уверен, там найдется что-нибудь на ваш вкус.

Пикник? Она полагала, что они останутся на постоялом дворе в Ричмонде, где они с маркизом пообедают, а лошади тем временем будут напоены и отдохнут перед возвращением в Лондон. Но пикник — это звучит заманчиво, особенно в такой прекрасный, теплый день. И конечно же, там есть озеро, где Гром и Молния смогут вволю напиться.

— Звучит неплохо! — отозвалась она с искренним, нескрываемым воодушевлением. — Какой приятный сюрприз!

Его лицо расплылось в улыбке.

— Рад слышать, что вы одобряете. — Он снова повертел соломинку в пальцах. — Поскольку наш последний урок официально закончен, я подумал, что надо отпраздновать это как-то по-особенному.

— Совсем не обязательно их заканчивать — уроки, я имею в виду! — выпалила она, прежде чем успела остановить себя. — Я освоила коляску, но вы еще должны позволить мне попробовать управлять вашим фаэтоном. Или вы считаете, что делать этого не следует?

Взгляд его сделался напряженным.

— Ну что ж, я дам вам попробовать управляться с фаэтоном как-нибудь на днях. Вы уже всему научились. Пора переходить к чему-то новому.

Она долго и пристально вглядывалась в него, гадая, что конкретно он имел в виду. Пошевелившись, он дерзко придвинул свою ногу к ее ноге. Улыбнувшись ей лукавой улыбкой, снова повертел травинку в пальцах.

Он что, заигрывает с ней? Она бросила на него любопытный взгляд, но когда посмотрела еще раз, его лицо уже ничего не выражало, оставив у нее впечатление, что ей все это просто показалось.

Полтора часа спустя, когда Лили сидела на пледе, который лорд Весси галантно расстелил на траве под сенью нескольких раскидистых старых дубов, она решила, что вообще-то ничего ей не показалось.

Их пикник начался довольно безобидно. Конечно, задним умом она понимала, что маркиз предложил им проехать в красивое, но уединенное место в дальнем конце пруда.

Расстелив плед, Весси позаботился о том, чтобы напоить и накормить лошадей, а она тем временем вынимала еду и посуду из корзины. Через несколько минут он вернулся и плюхнулся на плед, раскинув свои длинные ноги совсем рядом с ней и протянув руку за бутылкой вина. Ловко вытащив пробку, маркиз взял два бокала и налил шампанского.

— Поздравляю с успешным завершением учебы, — произнес он тост. — За вас, Лили. Вы, лучшая ученица, которую я когда-либо встречал.

— Единственная ученица, которую вы когда-либо обучали править упряжкой, подозреваю, — сказала она со смехом. — Но за комплимент тем не менее спасибо.

Она выпила, от пузырьков стало щекотно в носу, а прохладный, бодрящий вкус вина напомнил ей ту ночь, когда она пила шампанское с Итаном Андертоном. Легкий трепет чувственного воспоминания пробежал по коже, какое-то особое ощущение дежа-вю, несмотря на то что это открытое, залитое солнцем место не имело ничего общего с темным ночным садом, где они смаковали мороженое и пили шампанское несколько недель назад.

Все эти размышления улетучились, однако, когда он передал ей фарфоровую тарелку с богатым выбором всяких вкусностей: жареная курица с хрустящей корочкой, молодой зеленый горошек и картофельный салат, маринованная свекла и хрустящие кусочки хлеба — наисвежайшего, по всей видимости, испеченного этим утром.

Один из многочисленных парковых оленей — рыжий самец — прошел мимо, задержавшись, чтобы оглядеть ее, Весси и лошадей, прежде чем с достоинством отправиться дальше, царственно неся свои великолепные рога и всем своим видом давая понять, что они находятся на его территории.

— Вы никогда не рассказывали мне, где росли, — пробормотал маркиз после того, как олень скрылся из виду.

— Разве? — отозвалась она, с удовольствием поглощая салат. — Что-то не припомню, чтобы и вы упоминали о своем отчем доме.

— Гм, пожалуй, вы правы. У большинства людей нет причин спрашивать, потому что они уже знакомы с моим фамильным именем. Андерли, мой дом, расположен в очень красивых местах в Суффолке. Большая часть — пахотные земельные угодья, но, кроме этого, есть леса, озера и речка, которая протекает недалеко от дома. Мы с моим управляющим пробуем в этом году два новых вида зерновых и возродили старый фруктовый сад, высадили две сотни яблонь, груш и вишен.

— Звучит просто прекрасно.

— Так оно и есть. — Он откусил кусочек хлеба, запил вином. — Теперь ваша очередь.

В самом деле? В этот момент, впрочем, свято хранить все свои тайны почему-то уже не казалось ей таким важным, как раньше. «Ну какой может быть вред оттого, что он узнает несколько подробностей, — размышляла она, — если их будет совсем немного?» В конце концов, постоянно оберегать свое прошлое становится временами весьма утомительным.

— Я из Корнуолла, — заговорила она, пока не передумала. — Выросла возле моря. Вы когда-нибудь были там?

Внезапно в груди ее пробежал холодок. «Боже правый, а вдруг он приезжал туда? Что, если он знает мой дом?» Но Корнуолл — большое графство, напомнила она себе, и ей необязательно рассказывать что-то слишком конкретное.

Мгновение спустя она обнаружила, что не стоило волноваться. Он покачал головой:

— Нет. Мне всегда хотелось съездить на запад, но возможности так и не представилось. Я слышал, что это живописный край, но довольно суровый. Правда?

— Да, запад именно такой, — согласилась она, — ибо, спору нет, это край суровый и дикий. Большинство тамошних жителей зарабатывают себе на хлеб добычей угля, рыболовством и разведением молочного скота. Но у тех мест есть особенная красота, не похожая ни на какую другую. — Расслабившись, она позволила мыслям течь дальше. — В ясный день, если стать на вершине утеса на берегу, можно видеть далеко-далеко. Ветер вспенивает океан, соленый воздух насыщен и благоухает свежестью. Но когда приходит буря, мир делается черным, вода бурлит, и кажется, будто сама преисподняя разверзлась. Мама, бывало, боялась грозы, но я — никогда. Думаю, в этом отношении я пошла в отца. «Чем неистовее, тем лучше», — говорил он. Я любила эти грозы, гром и молнию, звук дождя, оглушительно барабанящего по крыше. Гроза иногда может быть удачей. Гроза может освободить тебя.

Она смолкла, внезапно осознав, что говорит вслух, и заметив выражение неподдельного интереса на красивом лице лорда Весси. Повисла тишина, и щебет птицы на ближайшей ветке показался неожиданно громким.

— Боже милостивый, — вымолвила она, прикрывая свою неловкость смешком. — Не понимаю, с чего это меня потянуло на откровенность.

— Вы скучаете по дому? — спросил маркиз, и это было скорее утверждение, чем вопрос.

Она нахмурилась, сожалея, что ни с того ни с сего разоткровенничалась. «Я сказала гораздо больше, чем намеревалась. Мне вообще не следовало терять бдительность».

— Случается...

Взяв свой бокал, она допила шампанское.

Некоторое время спустя Лили отставила тарелку в сторону, затем вскинула глаза и натолкнулась на умный и понимающий взгляд лорда Весси.

— Лондон теперь мой дом, — твердо проговорила она. — И я не желаю жить больше нигде.

— Точно?

— Абсолютно. — Ее слова прозвучали категорично.

— Городская девушка, гм?

— Именно.

— Для городской девушки, — размышлял он вслух, — вы что-то уж чересчур уютно чувствуете себя здесь, в деревне.

— Я легко приспосабливаюсь, милорд.

Непринужденный смех сорвался с его губ.

— Это, случайно, не песочное печенье вон в той банке? — спросила она, отчаянно needing в смене темы.

Он вскинул одну золотистую бровь, затем поставил свой бокал и тарелку, чтобы посмотреть. Наклонившись вперед, взял банку, на которую она указала.

— Вот в этой? — Открыв крышку, он заглянул внутрь. — Да, вы правы. Хотите попробовать?

— Пожалуй.

Но вместо того чтобы подать ей банку, чтобы она могла взять сама, он выбрал для нее печенье. Выполненное в форме клубнички, оно было похоже на настоящую ягоду.

Маркиз протянул лакомство.

— Вот, — пробормотал он, — попробуйте.

Глаза ее потрясенно расширились. «Он что, хочет, чтобы я ела из его рук?» Посмотрев вверх, она встретила с его взглядом и увидела, что именно таково его намерение.

Вот тогда-то она и поняла, что не ошиблась, когда гадала, не флиртует ли он с ней. Он не просто флиртует, он соблазняет ее, и у него это прекрасно получается.

— Ну же, Лили, — уговаривал он глубоким, медоточивым голосом, — ты же хочешь попробовать.

Прежде чем успела остановить себя, она вонзилась зубами в печенье. Вкус миндаля восхитил ее, сладость буквально растаяла на языке.

Когда этот кусочек был съеден, он уговорил ее откусить еще. Словно во власти каких-то чар, она подчинилась.

— И последний. — пробормотал он после долгой паузы.

Глаза ее распахнулись, сердце заколотилось, предостерегая, что она в опасности. Если у нее и была какая-то надежда устоять перед маркизом, то она понимала, что должна сделать это сейчас. Надо положить конец его провокационным уловкам, пока у нее сохранился остаток воли.

Мысленно сосредоточившись на этой задаче, она отрицательно покачала головой.

«Какая же я наивная дурочка, если допустила хотя бы на секунду, что он отказался от своей охоты на меня! Выходит, эти последние две недели он просто выжидал? Ждал, когда наши уроки закончатся, чтобы продолжить кампанию по заманиванию меня к себе в постель?»

У нее было не более секунды, чтобы задуматься над этой мыслью, прежде чем он наклонился вперед.

— Если вы больше не хотите, — сказал он, — то, полагаю, я позволю себе попробовать.

Но вместо того, чтобы съесть последний кусочек печенья, он наклонил голову и завладел ее ртом. Дыхание резко вырвалось у нее из легких, чувства так и полыхнули, словно зажженную спичку поднесли к сухим щепкам. Губы помимо воли приоткрылись под настойчивостью этого прикосновения, и его язык проник внутрь.

— М-м, как вкусно, — пробормотал он, отстраняясь ровно настолько, чтобы можно было говорить. — Миндаль, сахар и Лили, разве может быть что-нибудь в мире лучше?

«Может», — подумала она, наслаждаясь его вкусом — восхитительным, как шоколад, вкуснее, чем самое лучшее, самое распрекрасное на свете печенье.

Он издал страстный стон и вновь прильнул к ее губам. В глубине сознания еще билась мысль, что она должна отстраниться — или оттолкнуть его, если потребуется. Но едва она поднесла руки к его плечам, он стал целовать ее крепче, и она напрочь позабыла о своей решимости.

Вместо того чтобы оттолкнуть его, она обнаружила, что притягивает Итана к себе, ногтями вонзаясь в ткань сюртука, словно хочет удержать его на месте. Но он мог не бояться, что их поцелуй прервется, ибо от дерзких поползновений его языка у нее голова пошла кругом. Судорожный трепет побежал по позвоночнику все ниже, ниже, телу сделалось жарко, потом холодно, потом опять жарко.

Ресницы ее, затрепетав, опустились, язык сплелся с его языком в ласке, которая была столь же смелой, сколь и необузданной. Пальцы ног судорожно поджались, голова закружилась. Отодвинувшись назад самую малость, чтобы взять в плен ее нижнюю губу, он легонько сжал зубы, терзая дразнящими покусываниями, которые он быстро смягчал соблазнительными ласками языка.

Дрожа, она встретила его следующий поцелуй с пылом, забыв в этот момент обо всем, кроме него. Рука его двинулась вверх и взялась за ленточку под подбородком, развязав бант, который удерживал шляпку. Он уже снимал шляпку, когда возле ее уха послышался какой-то жужжащий звук.

Вначале она не могла сообразить, что это. Потом звук сделался громче, ближе, пока до нее вдруг не дошло, что она слышит пчелу, которая кружит вокруг них с маркизом.

Весси приостановился и взглянул вверх, на секунду прервав их поцелуй, чтобы отмахнуться от насекомого. Повернувшись, он закончил развязывать ее шляпку, затем возобновил объятие прежде, чем она успела опомниться. Его руки обвили ее спину и привлекли к своей груди. Затем он снова завладел ее губами, подхватив и закружив в новом водовороте восторга.

Из ее горла вырвался вздох вместе с тихим стоном удовольствия. Она откликнулась на его ласки, которые становились все более изобретательными.

Внезапно он застыл, отпустил ее и резко выпрямился. Опершись рукой о плед, чтобы не

повалиться назад, она увидела, как он хлопнул себя по шее, затем стал срывать шейный платок. Не сумев освободиться от платка достаточно быстро, сунул пальцы между тканью и кожей.

Хлопнул еще раз, потом сжал пальцы, как будто что-то раздавливал. Вытащив руку, отшвырнул ярко-желтое тельце насекомого — теперь мертвого — в траву.

Она рывком села на колени, не обращая внимания на перекрутившиеся юбки.

— Итан, с тобой все в порядке? Тебе больно?

Он покрутил шеей.

— Ничего. Все нормально. — Он потер шею ладонью. — Проклятая пчела.

— Давай я посмотрю.

Он покачал головой:

— Благодарю, но незачем. В конце концов, это всего лишь маленькое пчелиное жало. Поверь, мне доводилось пережить и кое-что похуже.

— Может, и так, но все равно...

— Не беспокойся, Лили. Пять минут, и я забуду про все это. — Он взял ее за руку и снова мягко потянул на себя. — Ну, — сказал он, — на чем мы остановились? Иди сюда и освежи мою память.

На этот раз, однако, она сопротивлялась, отклонившись назад, когда он попытался снова обнять ее. Укус пчелы оказался отвлекающим фактором, чтобы стряхнуть с нее наваждение, вызванное его близостью. Поскольку они с маркизом находились на территории общественного парка, где кто угодно мог наткнуться на них, она не могла рисковать, позволив ему вновь целовать себя, какими бы пьянящими ни были его объятия. И все равно есть в лорде Весси нечто такое, какая-то соблазнительная магия. Единственного прикосновения этого мужчины более чем достаточно, чтобы пленить ее.

Но она уже не осмеливалась позволить ему прикоснуться к ней снова.

Отодвинувшись на коленях в сторону, она вытянула руку, останавливая его.

— Мы ничего не будем освежать. Больше никаких поцелуев, милорд. Надо прийти в себя.

— Так официально? В конце концов, всего минуту назад я был Итаном.

«Господи, неужели я действительно назвала его Итаном? А где же мои благие намерения?»

Преисполнившись еще большей решимости вновь одержать верх, она протянула руку за тарелкой и начала складывать все в корзину.

— Может, и так... Но все мои прежние доводы против нашего сближения остаются в силе.

— Мне кажется, наши отношения стали довольно теплыми, — проговорил он медленнее, чем обычно. — Если ты помнишь... я не твой... брат.

Она накрыла еще одно блюдо и уложила его вместе с другими, иронично усмехнувшись:

— Действительно, не брат. Тем не менее будет лучше, если мы останемся друзьями.

«Какая же я дура, — подумала она. — Говорю ему, что мы должны остаться только друзьями, хотя меньше всего этого желаю! Но что еще я могу сказать?»

Он не проронил ни слова, пока она укладывала посуду. Подняв взгляд, она вздрогнула, обнаружив, что он сидит с закрытыми глазами и странные красные пятна проступают на побледневших щеках.

— Милорд? Что случилось?

Он открыл глаза, взгляд какой-то напряженный и потемневший.

— Ничего, — пробормотал он. — Все в порядке... что ты сказала?

— Я спросила, что с вами. — Под ложечкой как-то встревоженно засосало. Подобрав юбки, она приблизилась к нему и приложила ладонь ко лбу, напрочь позабыв про свое обещание больше не дотрагиваться до него. — У вас кожа, кажется, теплая.

— На дворе июнь, и солнце светит, — фыркнул он. — Что же тут удивительного?

— Это не имеет никакого отношения к температуре воздуха. Шея болит?

— Не больше чем раньше.

— Снимите шейный платок.

Он выдавил улыбку:

— Бог мой, какая вольность, миссис Смайт.

Когда он попытался не подчиниться, она цыкнула и наклонилась ближе, чтобы рывком развязать узел его шейного платка. Быстрая и умелая, она размотала полоску ткани. Тихий испуганный возглас сорвался с ее губ, когда она увидела ярко-красное пятно на шее.

— О Боже, ваша бедная шея!

— Может, вам стоит поцеловать ее, — проговорил он несколько невнятно. — Это... может помочь.

— Удаление жала поможет больше, если оно все еще там, как я подозреваю. Сидите тихо.

Стараясь действовать как можно мягче, Лили провела кончиками пальцев по покрасневшей коже, ища крошечный, иголочный выступ. Она обнаружила его почти сразу, ногтями ухватила за жало и попыталась вытащить его.

— Наверное, вам следует обратиться к доктору, — предложила она.

Выражение его лица сделалось упрямым.

— Не нужен мне никакой доктор. Один раз со мной такое уже было в детстве. Скоро все пройдет. Всего-навсего дурацкий пчелиный укус, подумаешь...

Лили волновало состояние Итана. Все оказалось серьезнее, чем она предполагала вначале. А как насчет сердца? Не давая себе времени на раздумья, она расстегнула несколько верхних пуговиц его жилета и просунула ладонь под рубашку.

— Что ты делаешь? — вяло проговорил он.

— Проверяю. — Медленно водя ладонью по крепким мышцам его груди, она нашла то, что искала: сердце билось в сильном и успокаивающе ровном ритме.

— Жить буду? — усмехнулся он.

— Думаю, да. И все равно вы неважно выглядите.

— Мне просто надо... немножко отдохнуть, — сказал он все более заплетающимся языком. — После этого... я буду... как огурчик.

Прямо у нее на глазах веки его начали медленно опускаться, лоб пересекли морщины, словно он силился оставаться в сознании.

«Я не могу позволить ему отключиться, — осознала она. — Во всяком случае, не здесь, в парке. Если он потеряет сознание, мне нипочем не сдвинуть его с места».

Понимая, что нельзя больше терять ни минуты, она обхватила его руками за широкие плечи и начала уговаривать подняться:

— Ну же, милорд, вставайте. Давайте сядем в коляску, чтобы я отвезла вас домой.

Он застонал.

— Домой? Это хорошо. А может, я лучше... посплю здесь?

— Нет-нет, спать здесь — плохая идея. — Она потянула его. — Тут могут быть еще пчелы. Идемте же.

— Лили, — проговорил он твердым голосом, повернул голову и встретился с ее взглядом.

— Что?

— Я не инвалид, знаешь ли.

— Разумеется, нет.

— Тогда отпусти меня. Я могу подняться на ноги и сесть в коляску без твоей помощи.

Она заколебалась, затем убрала руки.

— Весьма признателен, — кивнул он.

Напустив на себя полный достоинства вид, он рывком встал, но лишь усилием воли прошел через луг к экипажу и забрался в него. Выдохнув, он откинул голову на спинку сиденья.

— Лили, — тихо позвал он.

Она тут же подошла, поскольку была рядом, ибо весь короткий путь до коляски не отставала от

него ни на шаг.

— Да, что такое?

Его глаза оставались закрытыми.

— Я просто хотел сказать, что в будущем ты можешь обнимать меня, когда пожелаешь.

Она закашлялась и покачала головой на это его возмутительное замечание.

— Что ж, буду иметь это в виду. А пока почему бы вам не расслабиться, пока я буду везти вас домой?

Он кивнул:

— Хорошо, что вы уже умеете управлять упряжкой.

— Вот уж действительно.

Она споро погрузила корзинку для пикника и плед в отделение для багажа, затем запрыгнула в коляску и взяла в руки вожжи.

Хорошо отдохнувшим Грому и Молнии не терпелось снова тронуться в путь, поэтому они припустили быстрым, но легким аллюром, как только выехали за пределы парка.

Маркиз сидел тихо. Слишком тихо, подумала она. Без шейного платка ей хорошо были видны красные пятна у него на шее и нездоровая бледность лица.

Она снова задалась вопросом, не следует ли ему посетить доктора.

До Лондона около часа езды. А вдруг они оба ошиблись насчет его реакции на пчелиный укус? Что, если она оставит без внимания его симптомы, а ему станет намного хуже к тому времени, когда они доберутся до города? Живот сжался, тревога скрутилась тугим узлом и засела где-то под ложечкой.

Уже оставив Ричмонд позади, она раздумывала, не благоразумнее ли будет развернуться и поехать назад, когда увидела впереди двухэтажный, увитый плющом постоялый двор. Он был чистым и приятным на вид, с парой деловитых конюхов во дворе, и она без колебаний решила остановиться здесь. Ведь Итану требуется помощь.

Швейцар вышел из гостиницы через каких-то несколько секунд после того, как она остановила коляску, и бодро приветствовал ее.

— Приехали? — пробормотал Весси, приоткрывая веки, затем снова опуская их. — Уже добрались до Лондона?

— Нет, — ответила Лили. — Мы на постоялом дворе. Я подумала, что вы, возможно, предпочтете ненадолго остановиться и отдохнуть с удобствами.

Он что-то тихо проворчал, но не возражал. В этот момент она поняла, что поступила правильно.

Не дожидаясь помощи швейцара, она выпрыгнула из коляски и быстро обошла ее. Какой-то седовласый мужчина, явно хозяин гостиницы, поспешил ей навстречу.

— Добрый день и добро пожаловать. Что я могу для вас сделать?

— Его светлость нездоров, и ему нужна комната, самая лучшая. Нам также требуются услуги доктора.

— Я же вам говорил... не нужен мне эскулап, — пожаловался Итан, который был, очевидно, не настолько плох, чтобы не следить за разговором.

— Гм, я помню. Но давайте сначала отведем вас в комнату, а потом уже обсудим этот вопрос.

Ее слова, казалось, успокоили его. Слегка пошатываясь, он встал и спустился из экипажа на землю, споткнувшись только один раз. Она боялась, что он станет настаивать, что и по лестнице поднимется тоже сам, но, к ее облегчению, он позволил хозяину гостиницы предложить свое крепкое плечо, чтобы опереться. Еще один признак того, как на самом деле неважно себя чувствует Весси.

Как только они пришли в номер, он сразу прошел к кровати и повалился во весь рост поперек матраса. Закрыв глаза, устало выдохнул.

Она повернулась к хозяину постоянного двора, старательно понизив голос:

— Позовите доктора, пожалуйста.

— Хорошо, миледи.

Лили хотела было поправить его, поскольку мужчина, конечно, предположил, что она жена Итана, но в следующую секунду передумала. На объяснения сейчас просто нет времени, рассудила она.

Как только хозяин гостиницы ушел, Лили поспешила к Итану. Наклонившись над ним, протянула руку и мягко отвела со лба растрепанные ветром волосы. Положив ладонь на лоб, проверила, нет ли температуры, но обнаружила, что кожа прохладная, хотя и немножко липкая. Стремясь успокоить не только его, но и себя, снова погладила по волосам.

— Все будет хорошо, Итан, — прошептала она. — Все будет хорошо.

Немного погодя пришел доктор с тяжелым кожаным саквояжем и очками на носу, делающими его глаза круглыми, как у совы. После короткого приветствия он приступил к осмотру маркиза, который пришел в себя достаточно, чтобы пробормотать доктору несколько слов. Лили боялась, что Итан начнет отказываться от лечения, но он не возражал, даже расстегнул несколько пуговиц на жилете, потом на рубашке.

Пока доктор слушал его сердце и легкие, Лили старалась не смотреть, старательно отводя глаза от голой груди Итана и поросли золотистых завитков, покрывающих ее.

Продолжая свой осмотр, доктор проверил уши и глаза маркиза, потом заглянул в рот. Наконец, как раз когда она уже начала потихоньку терять терпение, перевел внимание на место укуса на шее. Несколько раз поцокав языком, он отошел от кровати и стал рыться в своем саквояже.

Она сделала несколько шагов вперед, сцепив руки перед собой.

— Ну, доктор, как он?

— О, с ним все в порядке, миледи. По крайней мере будет после того, как он немного поспит.

— А я что говорил? — пробормотал Итан, не открывая глаз.

Она оставила это замечание без внимания.

— Но его шея...

— Да, сейчас она выглядит неважно, но скоро все пройдет. Пчелиный яд может вызвать сильную боль и слабость, и иногда последствия бывают серьезными. Вы правильно сделали, что позвали меня.

— Спасибо, доктор, — отозвалась Лили, получившая подтверждение того, что ее тревоги все же были не беспочвенны.

Итан ничего не сказал; судя по всему, он задремал.

— Да-да, — продолжал доктор, доставая всевозможные пузырьки и пакетики вместе со ступкой и пестиком, которые поставил на ближайший стол, — я видел, как одна женщина умерла от пчелиных укусов...

Лили тихо вскрикнула.

— Но она была маленькой и слабой женщиной, — торопливо заверил ее доктор, — а ваш муж крепкий и сильный.

Доктор измельчал наперсток каких-то семян пестиком, сосредоточившись на своих аптекарских обязанностях. Высыпав измельченные семена в стакан с водой, он добавил несколько капель прозрачной жидкости, которая, как она подозревала, была опиум, затем извлек ложку с длинной ручкой, чтобы размешать смесь.

— Вот, милорд, выпейте это, — мягко приказал он.

Отказавшись от предложения доктора помочь, Итан приподнялся на локте. Рука его слегка тряслась, когда он брал стакан.

— Что это? — спросил он, подозрительно глядя на содержимое.

— Лекарство. Пейте, пейте.

Поколебавшись еще мгновение, он одним махом опрокинул в себя содержимое стакана. Поморщился, сунул стакан доктору в руки и бесцеремонно плюхнулся обратно на кровать.

— Это должно помочь ему уснуть, что для него сейчас самое лучшее, — сказал доктор, снова поворачиваясь к Лили. — Я приложу припарку к месту укуса, чтобы снять воспаление. Через час снимите ее.

— Конечно.

Лили прошла к единственному в комнате стулу и опустилась на него, пока доктор выполнял свои манипуляции. К тому времени, когда он приготовился уходить, Итан погрузился в тяжелый сон. Доктор задержался, чтобы помочь ей стащить с маркиза сапоги и повернуть его крупное тело так, чтобы он лежал удобно, после чего ушел.

Придвинув стул поближе, Лили села у постели Итана. Стиснув руку в кулак, она сопротивлялась острому желанию дотронуться до него, запустить пальцы в шелковистые

волосы и погладить его щеку.

Когда прошел час, она сняла припарку, с радостью увидев, что лекарство сняло большую часть красноты и уменьшило размер припухлости, так что теперь она была едва заметной.

Когда стало темнеть, а Итан все спал, Лили осознала, что в Лондон этим вечером они не вернуться.

Даже учитывая ее статус «вдовы», приличия требовали, чтобы она сняла для себя отдельный номер, но Лили не собиралась оставлять Итана одного. Ночью она может понадобится ему. Кроме того, персонал, вне всякого сомнения, начнет задаваться вопросами о характере их с Итаном отношений, если она попросит для себя отдельный номер.

Вскоре раздался легкий стук в дверь, и служанка пришла зажечь в комнате свечи и справиться, не желает ли миледи поужинать. До этого момента Лили и не сознавала, что проголодалась, но при упоминании о еде ее желудок решительно напомнил о себе.

Итан, конечно же, не присоединится к ней, но он может проснуться и захотеть чем-нибудь подкрепиться. Она выбрала тарелку наваристого супа с говядиной и овощами для себя, хлеба, сыр и фрукты. Постаралась, чтобы хватило на двоих в случае, если Итан позже захочет поесть.

Как только принесли еду, она поужинала. Потом, воспользовавшись умывальником, который обнаружила за ширмой, умылась, почистила зубы щеткой и зубным порошком, принесенными для нее горничной. Покончив с туалетом, вернулась к постели Итана. Приложила ладонь ко лбу, улыбнулась, обнаружила, что кожа на ощупь нормальная, не горячая.

С ним и в самом деле все будет хорошо, приободрилась она, чувствуя, как напряжение, сковавшее плечи и спину, понемногу отпускает. Лили заверила себя, что чувствовала бы то же самое по отношению к любому пострадавшему. Но в глубине души понимала, что это не совсем так.

Минуты текли одна за другой, и когда стрелки на маленьких каминных часах приблизились к полуночи, она почувствовала усталость. Стул, на котором девушка просидела несколько часов, больше не казался удобным.

Она воззрилась на пустую половину кровати.

Почему бы не прилечь?

«Нет, — возразила она себе, — я не могу делить с ним постель!»

И все же, по мере того как минуты шли, а веки начали опускаться, решимость ее пошатнулась «Ну какой будет вред от того, если я лягу поверх одеяла? Он болен и спит. И вполне вероятно, проспит всю ночь»

В час ночи, уставшая сверх меры, Лили отказалась от борьбы и подошла к пустой стороне кровати. Сняв туфли, забралась на кровать и легла спиной к нему. И в тот же миг провалилась в сон.

Глава 11

Итан открыл глаза. В комнате было темно.

Слабая полоска лунного света просачивалась сквозь окна, которые находились с противоположной стороны.

«Это не моя спальня, — понял он, — и не моя кровать, матрас под спиной слегка комковатый». Застонав, он потер руками лицо и попытался сориентироваться. Воспоминания медленно подкрадывались к нему, недостающие эпизоды вставляли на место один за другим.

«Придорожная гостиница. Я в гостинице где-то по пути между Ричмондом и Лондоном».

Он чувствовал, что время уже далеко за полночь, и гадал, сколько проспал. Последнее, что он смутно помнил, — это то, что по настоянию доктора выпил какую-то отвратительную на вкус бурду. В тот момент он надеялся, что лекарство состоит лишь из трав и воды, но чертов эскулап подлил в смесь опия. Теперь он был уверен в этом, поскольку язык стал липким от сладкого осадка наркотика, а голова одурманенной, словно мозги были окутаны ватой.

По крайней мере боль на шее прошла, как и опухоль, обнаружил он, проведя ладонью по коже. Он пошевелился, но вдруг замер, когда его бедро ударило обо что-то мягкое, примостившееся с ним рядом.

Лили...

Несмотря на темноту и свою физическую слабость, он без труда определил, кто спал у него под боком. На самом деле он подозревал, что узнал бы Лили, даже если бы был слеп и глух.

Повернув голову, он уловил сладкий ванильный запах ее кожи, остро ощущая ее присутствие и восхитительные женственные изгибы, которые находятся в такой мучительно соблазнительной близости. Если бы не было одеяла, разделяющего их, он бы придвинулся ближе, чтобы они могли соприкоснуться. Но Лили предпочла лечь поверх одеяла, тогда как он был надежно и целомудренно укрыт.

«Какая ирония, — размышлял он, — наконец оказаться с ней в одной постели и быть слишком слабым, чтобы что-то предпринять!»

Итан неслышно вздохнул и долго лежал не шевелясь, осознавая три детали: он хочет есть, пить, и ему срочно требуется опорожнить мочевой пузырь.

Решив вначале позаботиться о самой срочной из нужд, он осторожно выбрался из постели. Как только телесная потребность была удовлетворена, он потихоньку вышел из-за ширмы, стараясь не разбудить Лили.

Обнаружив на столе еду, вознес безмолвную благодарственную молитву Лили за ее предусмотрительность и заботу. Отломив хлеба, он присовокупил к нему кусок сыра и неплохо подкрепился. Потом съел горсть свежей клубники, после чего утолил жажду стаканом лимонада. Дополнительная польза от еды заключалась в том, что она почти полностью расчистила туман у него в мозгах.

«Теперь только бы удалось избавиться от этого ужасного послевкусия от опия».

Итан не был уверен, но подумал, что, кажется, видел зубную щетку на маленьком туалетном столике. Вернувшись туда, он нашел искомое вместе с коробочкой зубного порошка, которым, он надеялся, Лили не возражала бы поделиться.

Чувствуя себя заметно посвежевшим после того, как почистил зубы и умылся, Итан вернулся к

кровати. На мгновение он заколебался, прежде чем снять с себя жилет и рубашку, решив, что снимать брюки воздержится, коль скоро сей поступок мог шокировать Лили с приходом утра.

Повернувшись, он поставил колено на матрас с полным намерением лечь на кровать и снова уснуть. Вот тогда-то он и заметил, что Лили лежит на боку, свернувшись в клубочек и обнимая себя руками, словно ей холодно.

«Я не могу оставить ее так. Кроме того, это не по-джентльменски, если я буду укрыт, а она нет».

Забываясь лишь о ее удобстве, он начал медленно и осторожно вытаскивать одеяло из-под спящей, будучи уверен, что она вот-вот проснется, но Лили продолжала спать, вздохнув от удовольствия, когда он накрыл ее одеялом.

Только Итан вытянулся на своей стороне кровати, как другая мысль пришла ему в голову: «Интересно, она спит в корсете?» На ней платье, поэтому вполне вероятно, что она оставила и корсет, особенно в отсутствие горничной, которая обычно помогает ей. Он знал по замечаниям некоторых своих бывших партнерш по постели, что женщины находят этот предмет одежды очень неудобным и всегда с облегчением избавляются в конце дня от жесткой штуковины из ткани и китового уса.

Поскольку она лежала спиной к нему, найти пуговицы платья оказалось делом простым, даже в темноте. Он расстегнул их в два счета. С непринужденной ловкостью начал развязывать шнуровку корсета. Как только та поддалась, протянул руку вперед, чтобы потянуть и снять его. При этом рука его легонько коснулась мягкой, податливой груди, прикрытой всего лишь тонкой батистовой рубашкой. Сосок мгновенно затвердел, тугая вершинка заострилась и натянула ткань, словно умоляя о мужском прикосновении.

Его естество воспряло духом с быстротой рядового, отдающего честь генералу, прижимаясь нетерпеливой головкой к грациозному изгибу внизу спины. «Вот тебе и недомогание, подавляющее мои сексуальные аппетиты», — подумал он. Голова у него, может, еще и не кристально ясная, тело по-прежнему нуждается в сне, но нижняя половина определенно в состоянии боевой готовности и знает, чего он хочет, — того же, чего хотел все эти долгие дни и недели.

Итан тихонько застонал, приказав себе отодвинуться. Она спит и не в состоянии сделать осознанный выбор. А против ее воли он ничего не предпримет.

Но даже когда он пытался успокоиться, рука непроизвольно обхватила другую грудь, нежно баюкая податливую округлость, в то время как большой палец начал инстинктивно гладить ее.

Сосок затвердел еще сильнее, превратившись в тугую торчащую бусинку, а его естество у ее спины запульсировало почти нестерпимой болью.

«О, проклятие, — чертыхнулся он, — как же быть? Смогу ли я теперь остановиться?»

Пойманный в тиски сильнейшего желания, он продолжал ласкать ее, развязав ленточку рубашки, чтобы можно было почувствовать теплую шелковистую плоть под своей ладонью.

Прикосновение к обнаженной груди лишь осложнило ситуацию. Его пальцы несколько долгих мгновений легонько пощипывали сосок, прежде чем он как-то нашел в себе силы оторваться от нее.

Руки его дрожали, когда он откатился в сторону и плюхнулся на спину. Закрыв лицо рукой, он лежал, мучимый телесной жаждой, все его тело горело огнем от неукротимого желания преодолеть эти несколько дюймов и овладеть ею. Но это было бы некрасиво и непорядочно, какие бы сильные страдания он сейчас ни претерпевал.

«Спи!» — приказал он себе. Но с другой стороны, как он сможет уснуть, когда Лили лежит с ним рядом?

Через минуту она зашевелилась, перевернулась на спину, потом еще раз — и оказалась лицом к нему. Очевидно, это показалось ей недостаточно, и девушка вся прижалась к нему, положив руку на его голую грудь.

Его тело напряглось, он задрожал.

Должно быть, у него при этом вырвался какой-то звук, потому что она на этот раз зашевелилась и слегка приподняла голову.

— Итан? — пробормотала она.

Его естество дернулось и запульсировало от низкого, сонного тембра ее голоса.

— Как ты себя чувствуешь?

Боже, что за вопрос?! Ему хотелось сказать, что он чувствовал бы себя превосходно, если б она перебросила ногу через его бедра.

— Отлично, — ответил он сквозь стиснутые зубы.

Она приподнялась чуть больше.

— Судя по голосу, этого не скажешь. Тебе все еще больно. Ну-ка, дай я посмотрю. — Она протянула руку и провела ладонью по щеке.

Он задрожал, готовый взорваться.

— По-моему, температура нормальная.

«Нет-нет. Я горячий. Очень, очень горячий».

— Голова не болит?

«Нет, болит мой инструмент», — подумал он, грубой частью своей натуры жалея, что не может попросить ее опустить руку и обхватить ту часть мужской плоти, которая действительно нуждается в ее прикосновении.

— Нет, — проскрипел он.

— Гм, это хорошо, — пробормотала она. — Я волновалась за тебя. Ужасно волновалась.

— Правда?

— Да. — Она опустила голову ему на плечо и затихла, предоставив вскоре гадать, не уснула ли она вновь. Потом она снова заговорила, легко играя пальцами у него на ключице. — Я сплю?

Итан прилагал все силы, чтобы восстановить дыхание, кровь вскипела под ее прикосновением.

— Нет.

— Гм, потому что это похоже на один из моих снов. Он замер, заинтригованный.

— В самом деле?

— Конечно, — пробормотала она. — Только не хватает твоих поцелуев.

Он улыбнулся:

— Даже так?

— Мне снилось, что ты прикасаешься ко мне... как в ту ночь в саду. — Она помолчала. — Это было незабываемо.

— Рад это слышать, — выдавил он через силу. — Мне та ночь тоже понравилась. А как насчет этой? Эта ночь тебе нравится?

Обнимая девушку, он скользнул рукой под расстегнутое платье, провел по коже вдоль позвоночника.

Она выгнулась, что-то похожее на мурлыканье сорвалось с ее губ. Придвинув ее ближе, он наклонил голову и захватил ее губы в пылком, но в то же время неторопливом поцелуе. Ее рот на вкус был слаще, чем малина в саду, и изысканнее, чем бренди со взбитыми сливками.

Решив сделать еще одну попытку стащить с нее корсет, он чуть-чуть приподнял ее и, не прерывая поцелуя, медленно освободил от мешающей части туалета. Торжествуя, отбросил корсет, как он надеялся, в изножье кровати. Вещица ударилась о спинку и с приглушенным стуком свалилась на пол, тут же позабытая.

Сунув пальцы ей в волосы, он начал вытаскивать шпильки, и пряди рассыпались шелковистым каскадом, который обрамлял их лица, словно полог; их медный оттенок был настолько ярким, что ему показалось, он различает даже оттенки цвета в лунном свете. Закрыв глаза, он целовал ее все крепче, сплетя их языки в необузданном слиянии, от которого каждый из них задыхался и хватал ртом воздух.

Она застонала, когда он стал гладить спину под рубашкой, другой рукой пробираясь дальше в поисках обнаженной кожи. Ухватившись пальцами за край платья, он медленно тянул ткань вверх, пока не нашел то, что искал. Ладонь его покалывало, когда он обхватил теплую атласную кожу под коленкой, прямо над подвязкой. Скользнув выше, он провел рукой по девичьему бедру, стал ласкать восхитительные маленькие ягодицы.

Не в силах удержаться, он легонько сжал одну нагую половинку.

Тихий взглас сорвался с ее губ.

— О! В моих снах ты никогда еще этого не делал.

— Разве? — простонал он, поглаживая аппетитную часть девичьего тела медленными движениями. — Какое упущение с моей стороны. Наверстаем?

Его ладонь двинулась вниз, медленно скользя по бедру и колену, прежде чем возвратиться по

первоначальному пути. Трепет пробежал по ее телу, достаточно сильный, чтобы он почувствовал это.

— Итан! — выдохнула она чуть ли не со всхлипом. — Что мы делаем?

— То, что должны были делать уже давно. То, что нам предназначено самой судьбой. — Завладев ртом, он поцеловал ее с каким-то безмолвным отчаянием. — Только не говори мне, что ты этого не хочешь.

— Я... да... хочу. Но я не должна.

— Почему? Разве это не прекрасно? Я не знаю занятия лучше...

Водя ладонью по внутренней части бедра, он пальцами как бы очертил вход в ее заветное местечко. Не углубляясь дальше, Итан понял, что она влажная от желания.

Лили задрожала. Тело ее было охвачено острой, непреодолимой жаждой отдать ему всю себя, ее страсть молила быть утоленной только одним способом.

«Он прав, — призналась она. — Его прикосновения возносят меня к небесам». В конце концов Лили отказалась от иллюзии, что все это происходит с ней в каком-то чудесном полусне. «Я ведь вовсе не сплю. Итан на самом деле прикасается ко мне, и, силы небесные, мне это нравится. Безумно нравится, если уж говорить начистоту».

Тем не менее она чувствовала, что он остановится, если она будет настаивать. Но вопрос в том, хочет ли она, чтобы он остановился? И как вынесет такое «послушание» с его стороны?

Возвав к голосу разума и естественным девичьим страхам, она ждала, когда они вырвут ее из этого чувственного тумана, заставят подчиниться нормам приличия. Но сознание в этот раз безмолвствовало, отказываясь пошевелить хотя бы пальцем в ее защиту.

А потом Итан стал снова гладить ее, лаская трепещущую плоть, к которой еще не прикасался никакой другой мужчина.

Разум ее затуманился.

— Да, — пробормотала она, не в состоянии произнести никакое другое членораздельное слово. — Да уж. — Потянувшись вверх, она нашла его губы.

Словно ее пылкий отклик выпустил на волю какого-то зверя, сидящего в нем, он глухо застонал и начал яростно терзать ее губы. Она сдается, и это позволяет ему забыть о своей сдержанности. Скользя пальцами в волосы, он обхватил ее всю и стал целовать так, что голова у нее пошла кругом, а тело зазвенело, как натянутая струна.

Какая-то крупная выпуклость натянула ткань брюк, словно пытаясь вырваться на свободу, его плоть неудержимо рвалась к заветной цели. Краем сознания она догадывалась, что это восстал его мужской орган и сейчас ее девичеству скорее всего придет конец.

А секунду спустя у нее уже не было времени думать, когда его палец проскользнул к ней внутрь. Шокирующие ощущения прокатились по телу как озноб, и весь ее мир резко сузился до его руки и того, как он ласкал ее с такой невыносимой интимностью.

Скользкое и горячее, ее тело приветствовало это вторжение, страсть, которую она ощущала

ранее, усилилась втрое. Ее желание испытать новые, не изведанные ранее ласки становилось нестерпимым.

Она тихо застонала и спрятала лицо у него на шее, лихорадочно лоя ртом воздух. Но он не удовлетворился таким положением. Он приподнял ее тело и тянул вверх до тех пор, пока ее грудь не оказалась возле его лица. Воспользовавшись свободной рукой, он отдернул в сторону уже расстегнутый лиф платья и рубашку и взял в рот один сосок.

Его пальцы задвигались внутри ее снова в тот же миг, как губы начали посасывать — горячие, влажные потягивания, которые, казалось, напрямик соединяются с плотью, пульсирующей между ног.

Словно издали услышала она собственный стон, ладони скользнули вверх и обхватили его лицо, пальцы зарылись в волосы, пока он властвовал над ней — как внутри, так и снаружи.

Он легонько сжал зубами сосок, отчего все ее тело сотрясла дрожь. Целиком и полностью покорившаяся, она была способна только чувствовать, и ничего больше, когда он пошевелил рукой и сделал что-то совершенно удивительное кончиками пальцев.

Наслаждение едва не лишило ее чувств, когда она вскрикнула от наплыва новых ощущений, и каждое нервное окончание заискрилось восторгом, пропиталось блаженством.

На какое-то мгновение сознание даже покинуло ее.

— Бьюсь об заклад, ты никогда не испытывала этого со своим мужем, — сказал он, выпустив изо рта ее сосок.

— С кем?

Здоровый, удовлетворенный смешок вырвался у него из горла. Обхватив руками, он перевернул ее на спину.

— Ты никогда не забудешь меня, Лили. Когда мы займемся любовью, мое имя навечно сохранится в твоей душе.

Наверное, так оно и будет, подумала девушка. Но сейчас все, что она могла делать, — это безвольно лежать, пока он стаскивал с нее платье и рубашку, оставляя ее нагой, за исключением чулок и подвязок. Вместо того чтобы снять и их тоже, он сел и стал расстегивать пуговицы своих брюк.

В темноте она не могла разглядеть все детально, но видела достаточно, чтобы прийти в замешательство. Если только ее не обманывает игра лунного света и тени, Итан обнажил свой мужской орган, и тот торчит между мускулистых бедер как длинный, толстый и твердый жезл.

«Как, — недоумевала она, — ему удастся прятать всю эту плоть в брюках? И почему раньше у меня не возникало желания поглазеть на это чудо?» Ее щеки вспыхнули, и на этот раз не от страсти. Затем новая мысль пришла ей в голову. «Он ведь не собирается ввести это в меня, нет? Он же разорвет меня пополам!»

Но Итан, казалось, несколько не тревожился, когда отшвырнул брюки в сторону и снова оказался рядом. Вытянувшись осторожно, чтобы как можно меньше давить ее своим весом, он горячо впился ей в губы.

Лили пыталась расслабиться, старалась сосредоточиться на завораживающей красоте его поцелуя, но эта твердая, горячая часть его тела прижималась к ее животу, слегка подергивалась, словно жила своей собственной жизнью.

Его губы прошлись по щеке, опустились ниже. Его широкие ладони скользили по коже, остановившись, чтобы поиграть с грудями, прежде чем плавно двинуться через таз и бедра, чтобы погладить обтянутую шелком ногу.

Желание ее все нарастало, жажда познать новые ощущения становилась нестерпимой. Его могучее древо уже терлось о девичьи бедра.

Она напряглась.

— Что случилось? — пробормотал он, поймав мочку ее уха зубами. — Что-то не так?

Теплым, влажным кончиком языка он прошелся по краю уха, затем за ухом, осыпая поцелуями чувствительное местечко, отчего у нее подогнулись пальцы ног, а сердце неистово забилося.

— Ничего, — отозвалась она.

— Гм, ты уверена? — Его теплое дыхание растеклось по щеке. — Любовники могут говорить друг другу все, ты же знаешь.

«Все? Какая соблазнительно опасная мысль! Что он подумает, если я скажу ему, что девственница?» На короткий миг она задумалась над этой идеей, но решила, что лучше сохранить секрет, поскольку такое откровение может привести к объяснениям, которых она предпочла бы не давать. «Но что, если он все узнает и без моего признания? Могут ли мужчины это определить?» Надеясь, что не могут, она решила сохранить свою тайну при себе. Мысли ее поплыли, когда он обхватил одну грудь ладонью и стал медленно водить большим пальцем вокруг соска.

— Прошу тебя, — уговаривал он, — скажи мне.

Что сказать? Ах... это. Этим, пожалуй, она может поделиться.

— Ты очень большой, — прошептала она.

Он на секунду замер.

— Ты хочешь сказать — тяжелый?

— Нет, — отозвалась она и потянулась, чтобы удержать его. — С этим все в порядке. Просто твой... ну, ты знаешь... твой... — Ох, как же это назвать? — Твоя... штука такая большая. Огромная!

— Штука? О!.. — пробормотал он, когда до него дошло. «Штука» отреагировала, невероятным образом затвердев еще больше. Он улыбнулся. — Полагаю, я щедро наделен в этой области. Однако у дам обычно такая перспектива вызывает восторг. — Его рука, ласкающая ее, остановилась.

Лили сглотнула и заставила себя произнести свои опасения вслух:

— Если хочешь знать, я не понимаю, как у нас все получится.

Итан чуть не рассмеялся, но подавил смешок, прежде чем тот успел вырваться. Секунду спустя он порадовался этому, осознав, что она не шутит, а говорит вполне серьезно и немножко боится, несмотря на страстную от природы натуру. За последние несколько минут, с тех пор как обнаружил, какая она внутри маленькая и тугая, он намеренно сдерживал себя, отмеряя свои движения так, чтобы она была полностью готова, когда он войдет в нее. По реакции на его наготу он мог сказать, что ее муж был скорее всего не только неопытным, неумелым любовником, но и обладал к тому же совсем маленьким пенисом. Неудивительно, что она никогда не получала удовлетворения.

— Не волнуйся, — пообещал он низким голосом. — Все будет хорошо. Ты обтянешь меня как перчатка. В конце концов, это такая же часть моего тела, как любая другая.

Ну, не совсем как любая другая, признался он, поскольку эта самая «штука», как она окрестила ее, в настоящий момент побуждала его прекратить всякие разговоры и погрузиться во влажный, податливый жар, ожидающий их обоих под покровом мягких пушистых завитков. Но он в состоянии контролировать свои порывы и потребности, во всяком случае, еще некоторое время.

Когда он уже подумал, что она будет настаивать на отказе, ее рука поднялась и легонько дотронулась до него. Он закусил губу и сдержал стон. Кончики пальцев вспорхнули по нему, отчего сердце его гулко застучало, а дыхание сделалось поверхностным и частым.

Заставляя себя не шевелиться, он позволил ей исследовать себя. Когда же ее робкие, неуверенные прикосновения чуть не свели его с ума, он поймал ее руку и обернул мягкие пальчики вокруг своего древка.

Низкий стон вырвался из глубин его горла.

Лили замерла и начала отстраняться. Стараясь не слишком сжимать руку, он удержал ее на месте.

— Не останавливайся.

— Ты уверен?

— Да, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Я дам тебе знать, когда лучше остановиться.

Осмелев, она погладила его, пробежав кончиками пальцев вверх-вниз в бархатной, скользящей ласке.

— Ох, — выдохнула она, — ты горячий и твердый.

— А ты горячая, мягкая и гладкая. Давай посмотрим, влажная ли ты вдобавок.

Не дожидаясь ее согласия, он раздвинул ей ноги и снова скользнул внутрь двумя пальцами, проверяя готовность девичьей плоти.

Она застонала, рука конвульсивно сжала его плоть.

Мягко высвободившись из ее хватки, он погладил ее внутри пальцами, действуя в ритме, предназначенном доставить ей максимальное удовольствие.

Ее голова запрокинулась на подушку, дыхание стало вырываться короткими всхлипами.

Стремясь сделать ее как можно более податливой, поскольку проникновение могло оказаться не таким легким, как он предполагал, Итан сомкнул рот на одной груди и начал посасывать, используя язык и зубы, чтобы подвести ее поближе к краю.

Когда она уже буквально извивалась под ним, стискивая руками простыни и крепко зажмурившись от мучительного желания, он убрал руку и рот и встал на колени.

Разведя ее ноги в стороны, Итан расположился в манящей гавани меж раздвинутых бедер. Еще больше расширив их коленями, он полностью раскрыл женские врата, чтобы овладеть ею в несколько глубоких, проникающих погружений.

Приготовившись, сделал толчок.

И нахмурился, встретившись с сопротивлением. Сделав толчок, продвинулся на дюйм, потом еще на один. Она вскрикнула, осязаемое напряжение вернулось в ее тело. На лбу у него выступила испарина, но тело было охвачено таким сильнейшим, неукротимым желанием, что он уже не мог остановиться. Итан сделал еще два толчка, пройдя лишь половину пути. Вот тогда-то он осознал проблему.

Глаза его широко распахнулись и нашли в темноте ее глаза, вопрос завертелся на языке. Но в этот момент она вновь пошевелилась под ним, и он позабыл обо всем на свете, кроме всепоглощающей потребности немедленно овладеть ею.

Она заерзала, слегка выгнувшись, словно пыталась вытолкнуть его, однако своими действиями бессознательно помогла ему проникнуть глубже. С горловым стоном он обхватил ее ладонями за ягодицы и приподнял кверху, побуждая обвить его ногами за талию. Перемена положения и один последний хороший толчок позволили ему войти до конца, на всю длину. Девушка вскрикнула. Одинокая слезинка скатилась у нее по щеке.

Он мягким поцелуем стер ее, затем начал двигаться в ней.

Лили стиснула зубы и боролась с болью и резкостью его вторжения. Закусив губу, она молилась, чтобы это овладение поскорее закончилось. Почти целую минуту он еле-еле двигался в ней, погружаясь неглубоко, словно позволяя ей привыкнуть к новому ощущению внутри себя. Пока он так делал, что-то начало меняться; ее внутренние мышцы, которые лишь мгновением ранее жаловались на жестокое нападение, смягчились и расслабились, туго обволакивая его, словно она и в самом деле была перчаткой.

Какая-то почти смущающая влажность образовалась между ног, и эта дополнительная смазка позволила ему еще легче скользить взад-вперед. Желание, подобно цветку, распустилось где-то внизу живота, постепенно распространяясь выше, пока все ее тело не оказалось охвачено огнем.

Застонав, он усилил и ускорил толчки, и эти движения позволяли ему погружаться в девичье лоно уже на значительную глубину. Стойко держась, она отдалась на волю этих раскачивающих волн, и наслаждение бурлило в крови, затуманивая мысли.

Она повторяла имя Итана в мыслях и на губах, рот ее приоткрылся, когда она силилась вдохнуть воздух. Обхватив руками его скользкую от пота спину, она капитулировала перед ним и теперь вбирала в себя сладостные ощущения глубоко и жадно.

Как и прежде, блаженство растеклось по жилам. Однако в этот раз, когда оно достигло пика, восторг едва не расколол ее на части, вопль счастья, словно песня, буквально звенел у нее на

губах, а тело утонуло в экстазе.

Мир закружился, когда дрожь неизведанного доселе наслаждения прокатилась по ней. Толчки Итана стали мощными и быстрыми, почти жесткими, когда он резко застыл над ней. Хриплый крик вырвался из его горла, когда что-то как будто взорвалось внутри ее.

Они оба затихли, силясь восстановить дыхание и рассудок, удовлетворенные и выдохшиеся, пока мир вокруг медленно вставал на свое место. Прижавшись лицом к его шее, она позволила себе полностью насладиться моментом.

Укротив неодолимую, сжигавшую его страсть, он лег рядом. Она ничего не сказала, довольная и умиротворенная, веки ее начали сонно опускаться. Но очевидно, Итан спать не собирался, потому что сел на кровати, и матрас закачался от его движений. Протянув руку, он пошарил в поисках спички на прикроватной тумбочке и зажег свечу. Потом повернулся к ней лицом, и взгляд его был, к ее удивлению, холоден.

— Итак, миссис Смайт, — потребовал он непререкаемым тоном, — не соблаговолите ли объяснить, как это вы после замужества оказались девственницей?

Глава 12

Лили ухватилась за простыню и потянула ее вверх, чтобы прикрыть наготу, как будто тонкий слой материи являлся надежной защитой.

«Проклятие! — чертыхнулась она. — Очевидно, мужчины все-таки могут определять такие детали, по крайней мере Итан может». Откинувшись на подушку, она заставила себя не паниковать.

— Ну, так что, тебе нечего сказать?

Она разгладила пальцами верхний край простыни.

— А что ты хочешь услышать?

Его взгляд сверлил ее.

— Можешь начать с упоминания очевидного. Как случилось, что ты была замужем и осталась нетронутой?

Итан не из тех, кто будет ходить вокруг да около, подумала Лили. Он всегда переходит прямо к сути дела.

«Так что же сказать? Я, разумеется, не могу открыть ему правду. Во всяком случае, тот факт, что никогда не была замужем».

Хотя ей нравится Итан, она даже отдала ему свою девственность — но не может вот так сразу взять и признаться во всем. Она ведь не знает, как он отреагирует на то, что все ее существование основано на обмане. В его власти разрушить ее жизнь, которой она с таким трудом добивалась. А этого она допустить не может. Нет, она должна держаться своей истории, даже если это означает придумать новую ложь, способную рассеять его подозрения.

«Так что же сказать? Думай побыстрее, он ждет!»

— Не было времени, — ответила она. — Сразу после свадебной церемонии муж был призван в свой полк и немедленно отплыл на корабле в Испанию.

«Ну вот, кажется, это звучит правдоподобно, не так ли?» Золотистые брови Итана сошлись над переносицей.

— Вы поженились так быстро, что у вас даже не было брачной ночи?

Она покачала головой.

— Он... э... сделал мне предложение во время своего отпуска, и в тот день, который был назначен для оглашения в церкви, получил приказ отбыть в полк. Мы поженились в последний день перед его отъездом, и не было времени ни на что, кроме нескольких поцелуев.

Стиснув край простыни пальцами, она прикрыла глаза, желая поскорее закончить этот обман, и тугой ком вины повис у нее в душе.

— Яполагала, что он вернется через несколько месяцев и мы будем счастливы, но он не приехал. Его убили.

Секунду спустя большая ладонь Итана накрыла ее руку и легонько сжала.

— Мне очень жаль.

Давление в груди усилилось. Она лгала ему и прежде. Так почему же это так беспокоит ее сейчас? Конечно, до сегодняшней ночи она не спала с ним. До этого дня не познала всей радости занятий любовью.

«Любовники могут говорить друг другу все».

— Почему ты не призналась? — спросил он.

Она открыла глаза.

— В чем?

— Что ты девственница. Ты не думала, что для меня это важно? Что мне, возможно, надо это знать?

Она пожала плечами, давая себе лишнюю секунду, чтобы подумать.

— Это... казалось... слишком интимной темой, не из тех, что обычно обсуждают.

Протянув руку, он нежным жестом погладил ее по щеке.

— Этой ночью мы, похоже, обсуждали немало подобных тем. Тебе следовало довериться мне. — Суровое выражение промелькнуло на его лице. — Господи, Лили, я же мог причинить тебе боль.

Она повернула руку и переплела их пальцы.

— Но не причинил — по крайней мере не больше, чем это было неизбежно, учитывая мою невинность. Я знала, что нахожусь в надежных руках.

Последние остатки холода пропали из его глаз, искра желания зажглась в глубине янтарного взгляда. Несколько секунд спустя, однако, она исчезла, он выглядел озабоченным.

Сев, он пригладил пальцами свои растрепанные волосы, затем потер большим пальцем лоб.

— Что, голова болит? — спросила она. — Кажется, я напрочь позабыла о том, что с тобой произошло. — Она осеклась, стесняясь спросить. — Так как твоя шея? Укус еще болит?

— Нет, я его почти не чувствую. Лекарство оказалось удивительно эффективным. И я доказал, что вполне здоров, если занимался с тобой любовью. — Он устремил на нее взгляд из-под нахмуренных бровей. — Лили, тебе в самом деле следовало открыться мне.

— Да, я была девственница. Но теперь это уже не важно. Дело сделано, и ничего не изменить.

Нет, он хотел бы это изменить и уже сейчас сожалеет о своей поспешности. Все-таки одно дело, когда перед тобой вдова, имеющая опыт супружеских отношений, и совсем другое — нетронутая девушка.

Сердце ее забилося.

— Не волнуйся, все в порядке.

Лицо Итана вновь сделалось суровым.

— Ой ли? Я взял у тебя то, чего не имел права брать. Ее плечи напряглись.

— У тебя было право, которое я дала тебе, когда согласилась прийти в твои объятия. Ты не взял ничего, что я не отдала бы тебе по собственной воле.

— Возможно, сейчас ты веришь в это, но я соблазнил тебя.

— Насколько я успела заметить, ты соблазнял меня последние несколько недель. Но никогда раньше не обнаруживал ни малейших угрызений совести из-за своих домогательств. Или ты только дразнил меня?

— Разве из сегодняшней ночи следует, что я только дразнил? — задал он скорее риторический вопрос.

— Ну, значит, ты добился своей цели. На мой взгляд, ты должен быть доволен. — Она замолчала, когда новая мысль пришла ей в голову, мысль, которую она заставила себя произнести вслух: — Или в этом и состоит сложность? В том, что мне не удалось доставить тебе удовольствие и ты теперь ищешь вежливый способ сообщить мне об этом?

Остро сознавая свою наготу и уязвимость, которую внезапно ощутила, Лили села и потянулась за рубашкой. Старательно отводя от него глаза, она надела ее через голову так быстро, как только сумела.

— Что за нелепость? — пробормотал он. Обхватив ладонью ее руку, он легонько потянул девушку лицом к себе. Когда она отказалась поднять глаза, положил согнутый палец под подбородок и вынудил ее приподнять голову. — Ты доставила мне огромное, потрясающее наслаждение. Никогда ни на секунду не сомневайся в этом.

— Тогда...

— Я обесчестил тебя, Лили, но делать этого не собирался.

Итан надолго замолчал, взвешивая свои следующие слова. Сделав глубокий вдох, словно решившись на что-то, он вновь встретился с ней взглядом.

— Выходи за меня замуж. Позволь мне вернуть тебе твою честь.

Ее губы приоткрылись в потрясенном вздохе. Выйти за него! Силы небесные, она ожидала какой угодно реакции, но только не этой. Какое-то теплое чувство растеклось у нее в груди, приятное волнение, вызванное его галантностью. Но так же быстро эти эмоции остыли, и логика напомнила ей, что его предложение пришло не от нежных чувств с его стороны, а скорее из чувства долга и — какой бы унижительной ни была эта мысль — вины. Но этого ей не надо. Кроме того, она ведь не собирается выходить замуж. Ни за Итана, ни за кого-то другого.

— Значит, ты веришь, что брак может восстановить мою честь? — спросила она. — Так кто же из нас говорит нелепости?

Он насупил брови.

— Я пытаюсь поступить правильно.

«Знаю», — подумала она, подавив внезапный усталый вздох.

— А я считаю, что в этом нет нужды. Моя честь не погублена, по крайней мере в моем понимании.

Он сжал челюсти.

— Я взял твою девственность.

— Против этого не поспоришь, — колко ответила она, поерзав от легкой саднящей боли между ног, которая уже давала о себе знать. — Но это не означает, что нам надо приковывать себя друг к другу.

— Ты не понимаешь...

Она вырвала у него свою руку, затем вскинула ее.

— Нет, это ты не желаешь понять. Тебе никогда не приходило в голову, что я могу не хотеть выходить замуж?

— У тебя теперь нет выбора.

— Почему же? Никто не знает, что мы были здесь вместе...

Он засмеялся с явной издевкой:

— Ну да, за исключением твоих слуг, которые видели, как мы вместе уезжали вчера утром. Моей челяди, которой известно, куда я направился, и любых друзей или знакомых, с которыми мы могли поделиться своими планами на день. А больше никто.

Она чуть заметно надула губы.

— Совсем не обязательно так раздражаться.

— Да я лишь напоминаю факты.

Протянув руку к своей подушке, он кулаком ударил в середину и, улегшись поудобнее, пристроил голову во вмятине. Внезапное выражение усталости промелькнуло у него на лице.

— Я достану специальное разрешение, когда мы вернемся в город. Мы поженимся в конце недели.

В конце недели! Она ощутила легкую панику.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

— Ложись, Лили, и поспи немного.

Он закрыл глаза, словно вопрос был решен.

— Я не выйду за тебя, Итан.

— К утру ты передумаешь.

— Может, мне следует выразиться по-другому. Я не хочу выходить за тебя замуж.

Его глаза распахнулись, какая-то вспышка, которая, как ей подумалось, могла быть болью, промелькнула во взгляде и исчезла.

— Я как-то не предполагал, что брак со мной может представлять такое тяжелое бремя. Как только ты станешь маркизой, уверен, твои сомнения исчезнут.

— Бога ради, не нужно драматизировать. Я не имела в виду, что не хочу выходить замуж за тебя лично. Просто я вообще не желаю выходить замуж. Ни за кого!

Он вскинул бровь:

— Почему? Вдовы обычно не прочь обзавестись новым супругом.

— Я не из их числа. Брак не для меня.

— Судя по твоему рассказу о первом браке, ты, собственно, и не была замужем. Можно так считать.

— Я была замужем достаточно, чтобы понять, что больше этого не хочу, — отрезала она. — И если ты хорошенько подумаешь, то поймешь, что нет причин соединять наши судьбы. К тому же ты хочешь этого не больше, чем я.

Последовала долгая пауза.

— Почему ты так считаешь?

— Согласись, что вряд ли можно расценивать твое предложение как выражение вечной любви и верности.

— Так ты хочешь любви? Если в этом причина твоего отказа...

— Нет, Итан, я просто хочу оставаться такой, как есть, — незамужней и независимой. И это не

так уж плохо. Я... вдова, и до сегодняшней ночи ты считал, что я женщина, которая спала по крайней мере с одним мужчиной. В свете полагают то же самое, и если ты не собираешься вывести леди и джентльменов из этого заблуждения, они будут продолжать считать меня женщиной, имеющей сексуальный опыт.

— Да, но...

— Никаких «но». До тех пор пока ты не обнаружил, что я девственница, ты не видел проблемы в том, чтобы добиваться меня. Или ты с самого начала планировал предложить мне брак, как только заманишь меня к себе в постель?

Явно пойманный, он бросил на нее покаянный взгляд и отвел глаза.

— Как я и подозревала, — сказала Лили. — Мне это кажется даже в чем-то лицемерным, что ты чувствуешь себя обязанным жениться на мне потому, что я оказалась девственницей. Но был бы счастлив пользоваться моей благосклонностью, окажись я на самом деле такой опытной, как ты полагал.

— Я никогда не считал тебя опытной. И мне нравилось руководить тобой, когда появлялась такая возможность.

Она решила оставить без внимания эти его слова.

— Вдовы все время заводят интрижки, Итан. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Даже если поползут слухи, никто не придаст этому большого значения, особенно если нет прямых доказательств.

— Ты имеешь в виду, если нас застигнут в недвусмысленной позе на этом диване? — Его губы скривились в ухмылке.

— Именно. И я не желаю знать, привел ли ты этот пример из своего личного опыта.

Он усмехнулся:

— Не собственного. С моим приятелем случилось нечто подобное.

Она не была уверена, что поверила ему, но это не имело значения.

— В любом случае ты понял, что я хотела сказать. Каким бы великодушным и благородным ни было твое предложение и как бы высоко я ни ценила его, никто из нас не желает вступить в брак.

Какая-то отстраненность засветилась в его взгляде, которую она не могла постичь.

— Да, — пробормотал он, — пожалуй, ты права.

— Вот и хорошо. Позволь мне сказать «спасибо, милорд, но нет», и оставим это.

Он довольно долго не отвечал.

— Ну что ж, если ты уверена...

— Абсолютно.

Но едва лишь напряжение оставило ее тело, как нахлынула какая-то совершенно необъяснимая грусть, заполняя пустоту. Она безжалостно отбросила ее прочь.

— Итак, что дальше? — Он погладил ладонью ее обнаженную руку.

Да, что дальше?

Она знает, чего хочет, и это он. Но продолжать их любовные отношения наверняка было бы ошибкой. Разве нет?

— Дальше нам надо немного поспать, а утром мы вернемся в Лондон.

— А потом?

— Я не думаю, что должно произойти что-то после этого, — улыбнулась она. — Сегодняшняя ночь была чудесной, даже более того — восхитительной, но она должна остаться здесь, в этой гостинице.

Его рука замерла и сжалась на ее коже.

— А если я не согласен?

— Тогда я попросила бы тебя передумать.

Он долго и пристально смотрел на нее. Вдруг, словно приняв решение, приподнялся и потянул ее под себя.

— Что ж, если сегодняшняя ночь — все, что у меня есть, значит, я хочу воспользоваться ею сполна. Протянув руку, стащил с нее рубашку и обхватил ладонями груди. — Ибо пока ты все еще моя.

Он поцеловал Лили со страстью, которая требовала от нее полной капитуляции. Запустив пальцы ему в волосы, она с готовностью покорилась.

На следующий день, во время ленча, Лили наколола на вилку кусочек жареного лосося и поднесла его ко рту.

— Я заезжала к тебе вчера, — заметила Давина с другого конца стола в малой столовой Коутсов. Подруги были одни в семейном крыле дома, поскольку лорд Коутс отбыл несколько часов назад в парламент. — Твой дворецкий сказал мне, что ты уехала на прогулку в экипаже. Снова с маркизом, полагаю?

Лили была рада, что уже проглотила еду, иначе, пожалуй, могла подавиться. Взяв бокал с вином, она сделала медленный успокаивающий глоток. Не спеша поставила бокал на длинной ножке на покрытый скатертью стол.

— Да, очередной урок. Мне кажется, я говорила, что меня не будет.

Давина попробовала обжаренный в тесте картофель и тщательно прожевала, прежде чем заговорить:

— Я просто полагала, что к четырем часам ты уже вернешься. Я нашла прелестные пуговицы в одном из магазинов на Бонд-стрит и хотела спросить твоего мнения.

Лили про себя поморщилась.

— Жаль, что я тогда еще не приехала домой. Мне бы хотелось взглянуть на них. Почему бы тебе не показать мне их сейчас?

— Я схожу за ними, как только мы закончим трапезу. Лили ткнула вилкой в ломтик хрусткого огурца, надеясь, что Давина поймет намек и сменит тему.

— Так куда ты ездила?

Лили взялась за огурец, уже не зная, к какой еще уловке прибегнуть, чтобы увести разговор от опасной темы.

— Когда?

— С маркизом, разумеется. Наверняка же вы не все время колесили по городу.

На этот раз она решила попробовать желтого помидора.

— Мы ездили в Ричмонд.

Давина застыла, не донеся вилку до рта, глаза вспыхнули интересом.

— Правда? И как прошла поездка?

— Неплохо. Я сама правила.

— Всю дорогу?

Она кивнула.

— Мой заключительный урок по управлению экипажем.

— А что было потом, когда вы приехали?

«Потом мы провели ночь в гостинице, где я получила свой первый настоящий урок плотской любви».

подавив невидимый трепет, Лили постаралась отодвинуть воспоминания в сторону, что оказалось трудной задачей, поскольку еще утром она проснулась в объятиях Итана. Эти мгновения уже казались такими далекими, словно прошла целая жизнь.

— Мы поехали в Ричмонд-парк.

— И?

— И у нас был чудесный пикник, по крайней мере до пчелы.

— Что за пчела?

«Черт бы побрал мой язык», — чертыхнулась про себя Лили, испугавшись, что сказала слишком много.

— Да, была, — кивнула она. — Противное создание заползло маркизу под шейный платок и ужалило его. У него поднялась температура, и ему стало плохо.

Глаза Давины расширились.

— Какой кошмар! А как он сейчас? Лучше?

— Сейчас с ним уже все в порядке, хотя, уверена, он был бы тебе благодарен, если б ты никому не рассказывала об этом происшествии.

— Не волнуйся, мои уста запечатаны. Значит, ты привезла его назад, в город?

Лили разрешила помидор на две части, затем положила вилку на тарелку.

— Нет, мы остановились в гостинице, пригласили доктора.

— Бог ты мой. Что ж, это объясняет, почему ты так поздно вернулась, — заключила Давина.

— Совершенно верно. — Лили скрестила пальцы на коленях, молясь, чтобы подруга не спросила, во сколько именно она приехала домой, поскольку Итан привез ее только сегодня утром в начале девятого.

— Вот это приключение, скажу я тебе! — прокомментировала Давина, съев еще кусочек рыбы. — Полагаю, по этой же причине я не видела тебя на суаре у Ислингов вчера вечером.

Лили опустила взгляд в бокал и полюбовалась золотистым оттенком, снова подумав о своем вчерашнем спутнике.

— Да, день был длинный, и я решила остаться дома.

Точнее, в гостинице, про себя поправила она, внутренне съежившись от того, что приходится обманывать подругу.

— Я не удивлена. Ты, должно быть, устала.

— Немного, — призналась Лили.

В сущности, она чуть не отменила полдник с Давиной, но решила, что лучше оставить все как есть, чем выдумывать предлоги для отказа. Однако сейчас Лили склонялась к мысли, что лучше было бы уклониться от встречи.

Она вспомнила сегодняшнее утро, когда первые лучи солнца только-только прорезались на небе. Лили открыла глаза и обнаружила, что Итан наблюдает за ней; его ястребиный взгляд был почти непроницаем, за исключением желания, горящего в нем, подобно чуть пригашенному костру.

— Полагаю, у тебя там все болит, — сказал он сочувственно.

Она осторожно подвигала ногами и, почувствовав болезненные ощущения глубоко внутри, кивнула. Румянец смущения залил щеки, когда она вспомнила причину.

После того первого раза он любил ее еще дважды, подводя к желанной и ослепляющей вершине столько раз, что и не сосчитать. Он был все еще внутри нее, когда она в конце концов провалилась в сон.

Поняв, что продолжения событий не будет, он сел и откинул одеяло.

— Тогда одевайся. Мы уезжаем.

Так они и сделали. В этот раз лошадьми правил Итан, направляя упряжку в сторону Лондона. На обратном пути он не сказал и пары слов, она тоже. Да и что говорить после того, что было сказано и обсуждено ночью?

Когда они приехали, не было даже поцелуя на прощание, поскольку Ходжес и один из лакеев наблюдали за ними с плохо скрываемым интересом. Итан спустился, чтобы проводить ее до двери, склонившись над ее рукой, давая понять, что они вернулись с обычной прогулки. А потом уехал, громко щелкнув поводьями, и копыта Грома и Молнии застучали по булыжной мостовой.

Слуги, благослови их Бог, говорили мало, выразив удовольствие ее возвращением и спросив, чем они могут ей услужить.

Сначала она попросила ванну — горячую мыльную ванну, которая во многом восстановила ее силы, во всяком случае, физические. За ванной последовал завтрак, потом пара часов сна до полудня, когда она проснулась, чтобы одеваться к полднику с Давиной, назначенному на два часа.

«Неужели он уже забыл меня? — гадала она. — Я дала ему свободу. Испытывает ли он облегчение, что удалось легко отделаться?»

Наверняка да.

«Не сглупила ли я, что отказала ему?»

Конечно, она защищала себя. И все же не слишком ли поздно для таких предосторожностей? И если б она могла повернуть время вспять, повела бы себя иначе?

Не в отношении брака, решила Лили. В этом вопросе ее мнение неизменно. Слишком большой риск, слишком велика вероятность разочарования и сердечной боли. Ведь Итан предложил брак только из чувства вины и непоколебимого чувства долга.

«Мы бы сделали друг друга несчастными, разве нет?»

И все же прошедшей ночью она была далеко не несчастна. Итан открыл для нее мир наслаждений, которых она никогда не испытывала. Она могла бы остаться в этом восхитительном мире, если б согласилась на предложение сделаться его любовницей.

Но лучше все-таки быть свободными, сказала она себе. Ей не нужно, чтобы Итан Андертон смешал ее тщательно выстроенные планы и мучил ее томлениями и желаниями, пробуждаемыми изысканной роскошью его ласк.

Легче расстаться с ним сейчас, чем потом.

Вздыхнув, она зачем-то разрежала маленькую булочку у себя на тарелке на три кусочка, не сделав попытки съесть хотя бы один.

— Что-то случилось? — спросила Давина мягким голосом.

Лили взглянула на подругу, с досадой осознав, что слишком глубоко ушла в свои мысли. Она попыталась сдержать обвиняющий румянец.

— Нет-нет, ничего. Просто задумалась.

Давина помолчала.

— Он очень красив, не правда ли?

— Кто?

— Твой маркиз.

— Он не мой маркиз. Что навело тебя на эту мысль? — Снова взяв вилку, она подцепила кусочек лосося. — Нет, наша вчерашняя прогулка была скорее всего последней. Я сильно сомневаюсь, что буду теперь часто видеть лорда Весси.

Подруга устремила на нее взгляд, в котором читалось сомнение.

— Тебе виднее.

— Да, именно так. А теперь, может, покажешь мне свои пуговицы?

— Что-нибудь еще, милорд?

Итан поднял взгляд от книги.

— Нет, Уэлк, спасибо. На сегодня можешь быть свободен.

Слуга поклонился.

— Спокойной ночи, милорд.

— Спокойной ночи.

Когда камердинер удалился, Итан вернулся к чтению, но прочел не больше трех строк и отложил книгу. Взглянув на мейсенские часы на каминной полке спальни, понял, что уже второй час ночи.

Он зевнул, тело тоже напомнило ему о позднем часе и том факте, что он мало спал прошлой ночью, не говоря уж об укусе пчелы и последующем приеме опия. Из какого-то мятежного духа противоречия, однако, он провел на ногах весь день.

Вернувшись домой утром, Итан принял ванну, переоделся и сытно позавтракал. Потом, игнорируя требование тела поспать, провел несколько часов за просмотром корреспонденции и решением деловых вопросов с секретарем.

Передевшись в вечернее платье, он вновь покинул дом, отправившись в клуб «Брукс» выпить и сыграть партию-другую в карты с Тони, лордом Ховардом и еще парочкой своих приятелей. Всей компанией они удостоили своим посещением еще одно заведение Сент-Джеймс-сквер, где с удовольствием пообедали бифштексами и пирогом с жареной куропаткой. Вскоре после этого Тони отбыл на свидание со своей очередной любовницей, а Итан и остальные решили показаться на балу, славящемся свободными нравами и преобладанием женщин сомнительного поведения.

Он вывел в танцевальный круг нескольких женщин, чьи платья имели до неприличия низкие

вырезы, а лица были размалеваны сурьмой и румянами, и неумеренный запах их духов ударял ему в ноздри, словно сомнительный аромат увядающих цветов.

Воспоминания о пахнущей свежестью и ванилью коже, о розовых щеках переплелись в его сознании, а тело жаждало робких и неумелых объятий девушки, которая ничего не ведает ни о грехе, ни о падении и у которой нет ничего общего с женщинами в этом зале, кроме их пола.

Внезапно почувствовав отвращение и к этим развратницам, и к себе самому, он уехал, вернувшись домой намного раньше того времени, когда светскому щеголю полагается ложиться спать.

У себя в спальне он снова вымылся с головы до ног, избавляясь от тошнотворного запаха жриц любви, после чего облачился в чистый халат, туго затянув пояс на талии. Взяв книгу с полки, Итан налил стакан портвейна и сел почитать в кресло у камина.

Но далеко не продвинулся, поскольку буквы и слова сливались в невразумительные линии, бессмысленные символы черных чернил, которые ничего не значили.

Лишь одно слово, одно имя было ясным и четким у него в голове.

Лили.

От одной лишь мысли о ней он вновь загорелся от желания, тело охватила горячка страсти. Если б он был уверен, что она будет ему рада, то оделся бы и поехал к ее дому, постучал бы в дверь и потребовал впустить его к ней в постель и в тело.

Но она отвергла его и как будущего мужа, и как любовника. Пусть это тщеславие, но правда заключалась в том, что еще никогда ни одна женщина не отказывала ему — только Лили. Он уже давно потерял счет женщинам, которые за все эти годы старались заманить его в свои сети, некоторые в погоне за богатством, другие — за титулом и статусом замужней дамы.

Прошлой ночью он хотел отдать все это Лили, готовый нарушить свой обет — составить лишь такую партию, которая удовлетворит его семью и подарит наследника. Амелия — прекрасный выбор для него по всем статьям; в ней есть все, что должно быть в благоверной супруге. Так почему же он даже не может вспомнить ее лицо? И почему, когда думает о ней, ему кажется, будто он предает Лили?

Глупо, поскольку Лили решила закончить их отношения еще даже до того, как они по-настоящему начались. Даже сейчас он не вполне понимает почему — ведь знает, что она желает его. Ни одна женщина не может изображать такую необузданную страсть и горячий отклик, которые она подарила ему в его объятиях, особенно женщина, которая была девственницей, пока он не забрал ее невинность. Если б у него и были какие-то сомнения на этот счет — а их не было, — пятна крови на простыне, которые он увидел утром, достаточное тому доказательство.

Так почему она отвергает его сейчас, когда целомудрия уже нет? Так сильно любила своего мужа? Неужели тот брак ей так дорог, что она хочет сохранить воспоминания о нем даже ценой собственного счастья и положения?

Что касается его, то ему следовало бы изгнать Лили из своих мыслей еще сегодня к середине дня. Одной ночи должно было хватить, чтобы умерить его аппетит, по крайней мере настолько, чтобы идти дальше, забыть ее и искать другую.

Но нет, их ночь любви лишь усилила его неукротимое желание, сделав его жажду еще острее и сильнее прежнего. Едва не застонав от досады, он захлопнул книжку и отшвырнул ее в сторону.

«Что мне нужно, так это поспать».

Подойдя к кровати, он сел на постель, которая уже была приготовлена и ждала его. Он наклонился вперед, чтобы задуть свечу, когда заметил сухую травинку, лежащую на прикроватной тумбочке, — ту самую унесенную ветром травинку, которую он снял с груди Лили, когда они ехали в Ричмонд. Найдя ее у себя в кармане нынче утром, он положил ее рядом с кроватью.

В нерешительности Итан взял травинку и долго вертел тонкий стебелек между пальцами. Поднеся к носу, вдохнул ее земной запах, вспоминая вчерашние приключения.

Обругав себя дважды дураком, он чуть не отшвырнул сухую травинку прочь. Но потом все же положил стебелек в ящик тумбочки и погасил свечу.

Вытянувшись под одеялом, он был уверен, что уснет мгновенно. Однако, несмотря на крайнюю усталость, прошел почти час, прежде чем сон наконец завладел им.

Глава 13

Три дня спустя, утром, Лили вышла из дома, чтобы прогуляться по площади и прилегающим к ней соседним улицам. Из соображений приличий и безопасности служанка семенила в нескольких шагах позади нее.

Хотя такое времяпрепровождение считалось в высшем свете не слишком модным, Лили все равно любила прогулки и совершала их всякий раз, когда выдавалось свободное время.

Конечно, здесь нет суровых, продуваемых всеми ветрами скал, холмистых, поросших травой просторов или пустошей с разбросанными по ним камнями, но в Лондоне тем не менее тоже есть немало интересного. По утрам молочницы и продавщицы свежей рыбы громко расхваливают свой товар. А позже, днем, всевозможные торговцы делают свои обходы, предлагая все что угодно — от превосходных чернил и чая до свежих цветов и певчих птиц.

Лили часто покупала цветы, а однажды приобрела пару красивых желтых канареек. В конечном счете она решила не приносить птичек домой из опасения, что Мозеру взбредет в голову устроить на них охоту.

Наверное, можно было бы пойти в один из парков и совершить променад вместе с другими дамами и джентльменами. Но она предпочитала одиночество. Что толку останавливаться каждые две минуты, чтобы принять участие в бессмысленной светской болтовне?..

Этим утром она обнаружила, что ей нужно не только отвлечься, но и размяться. Она неважно спала, мозг и тело терзали сны об Итане, после которых голова, казалось, была набита ватой, а плоть томилась от желания.

Вчера вечером на светском рауте она видела его.

Лили прихлебывала из бокала шерри. Она повернула голову и обнаружила Итана, стоящего на

другой стороне комнаты. Тот разговаривал с красивой блондинкой и улыбался ее словам.

Подняв глаза, он встретился с ней взглядом, и улыбка на его лице угасла. Несколько долгих, мучительно долгих мгновений он смотрел на нее, опустив голову в безмолвном приветствии. Потом вернулся к своему разговору и больше ни разу не взглянул на нее.

Лили провела вечер в томительном ожидании, гадая, как поведет он себя дальше. Пригласит ли на танец? Попытается ли заманить в уединенный альков или темный сад, чтобы сорвать несколько поцелуев?

Но время шло, вечер близился к концу, а он так и не сделал ни того, ни другого, даже не попытался подойти к ней. Его поведение стало ответом на вопрос, не забыл ли он ее. Очевидно, маркиз утолил свою неистовую страсть той их единственной ночью в гостинице, и больше она ему не нужна. Разумеется, она сама виновата, ибо отказалась от заманчивого предложения стать его женой.

И все же...

Уходя, она поклялась себе, что покончила с их отношениями раз и навсегда. Но едва только легла в постель и веки сонно опустились, пришли предательские сны.

Терзая мозг. Терзая тело.

Она решила встать и выйти из дома как можно раньше.

Подставив лицо солнечным лучам, Лили неторопливо шла, надеясь, что прогулка прояснит ей голову и развеет тоску. Она уже обошла половину площади, приближаясь к особняку Пендрагонов, когда парадная дверь дома распахнулась.

Появилась баронесса Джулианна со своим маленьким сынишкой на руках и идущей следом няней. Позади них вышагивал высокий лысый человек-гора, держа в своих здоровенных ручищах изящно сделанную деревянную прогулочную коляску. Он нес ее так, словно эта штука весила не больше спички. Легко спустившись по ступенькам, он поставил свою ношу на тротуар, затем отступил в сторону, и женщина удобно усадила ребенка в коляску. Черноволосый малыш захихикал, захлопал в ладоши и засучил своими маленькими ножками, выражая восторг от предстоящей прогулки.

Почувствовав себя так, словно вторглась на чужую территорию, Лили решила, что ей надо пообщаться с этой дамой.

— Доброе утро, миледи, — сказала она, подходя поближе. — Вижу, вы везете мальчика на прогулку. Его зовут Кемпбелл, не так ли?

Джулианна обернулась. Ее неброскую красоту выгодно оттенял темно-синий цвет дневного муслинового платья, развевающаяся юбка которого не скрывала округлившейся формы живота, в котором рос новый младенец.

Приветливая улыбка расцвела на губах баронессы, когда она выпрямилась во весь рост.

— Да, верно. Как поживаете, миссис Смайт? Простите, но я вас только что увидела. Надеюсь, вы появились недавно?

Лили улыбнулась в ответ:

— Но успела заметить, что вы целиком поглощены предстоящей прогулкой.

Леди Пендрагон рассмеялась с добродушной веселостью:

— Выбраться с Кэмом из дома в последние дни стало целым событием.

— Кэм! — объявил мальчик, помахав своими маленькими кулачками в воздухе, потом заразительно рассмеялся. Его ярко-зеленые глаза были точной копией отцовских.

Губы Джулианны изогнулись в снисходительной улыбке.

— Ему ужасно нравится собственное имя, и он повторяет его при каждой возможности. Другие его любимые слова — «мама», «папа» и «Бен-Бен», игрушечный заяц.

— Бен-Бен! — повторил Кэм, но улыбка на его прелестном личике сникла, когда он огляделся вокруг и не увидел игрушку. — Бен-Бен. Бен-Бен.

— Порой я даже не могу сказать с уверенностью, кого он любит больше — маму, папу или Бен-Бена, — развела руками Джулианна.

Наклонившись, она протянула руку к кармашку на коляске позади ребенка и вытащила мягкого зайца из коричневого бархата с вышитыми голубыми глазками, розовым носиком и усиками.

— Вот он, солнышко, — проворковала Джулианна, вручая потрепанную игрушку сыну.

Мальчик крепко прижал к себе зайца.

— Мама.

Лили засмеялась и наклонилась ближе, чтобы сделать малышу козу.

Внезапно застеснявшись, он спрятал личико и соорудил смешную рожицу из-под длинных заячьих ушей. Секунду спустя его головка снова вынырнула наружу.

— Кэм! — воскликнул он.

«Он прелесть, — подумала Лили. — Интересно, каково это — иметь своего собственного малыша? По-видимому, я никогда этого не узнаю, потому что не собираюсь выходить замуж».

У нее в голове промелькнул образ ребенка — крошечного белокурого малыша с рыжинкой в волосах и ангельским личиком — маленькой копии Итана.

Господи, помоги!

Ее сердце екнуло, и она поспешила прогнать эту фантазию.

— Ну что ж, — проговорила она несколько натянуто, — не буду вам мешать. Приятной прогулки.

— Но вы нисколько не мешаете. Мы просто пройдемся по улице. Вы шли в каком-то определенном направлении?

Лили покачала головой.

— Тогда почему бы нам не прогуляться вместе, если вы не против? Мы собираемся в кондитерскую. Ее владелец продает лучшую карамель в городе, и в последнее время я неплохо поддерживаю его бизнес, — усмехнулась Джулианна и положила ладонь на свой выступающий живот. — Ужасные пристрастия, надо признать. Рейф советует мне отправлять в магазин лакея, но я боюсь, что стану походить на арбуз, если не буду хоть немного двигаться. А так я даже не чувствую себя виноватой, когда съем целый кулек конфет. — Она засмеялась.

Лили не могла не рассмеяться с ней вместе, обнаружив, что эта женщина ей очень нравится. Кроме того, ее общество поможет отвлечься от мыслей об Итане. Сколько можно себя терзать? Поэтому она охотно согласилась сопровождать баронессу.

Джулианна встала позади коляски и взялась за ручку, чтобы толкать ее вперед, а Лили подстроилась под ее шаг и пошла рядом. Служанки шли сзади, тихонько разговаривая, а лысый здоровяк занял позицию в арьергарде. Тайком бросив на него взгляд, Лили подавила дрожь. Таких грозных и даже свирепых черных глаз она еще никогда не видела.

Джулианна, очевидно, заметила ее взгляд.

— Не обращайтесь внимания на Ганнибала. Он выглядит устрашающе, но на самом деле безобиден. В основном...

Услышав ее слова, Ганнибал насупился, его черные брови сошлись на лбу, как боксеры на ринге.

— Рейфу спокойнее, когда он знает, что я под присмотром, — продолжала леди Пендрагон, — особенно с тех пор, как я обнаружила, что снова беременна. Легче уступить ему, чем ссориться. На самом деле, когда Рейф не может сопровождать меня, присутствие Ганнибала рядом очень кстати. Было время... впрочем, теперь это уже не важно.

Толкая коляску, две женщины продолжали неспешно идти по улице.

— Ну, как там ваши уроки? Я слышала, лорд Весси учит вас править лошадьми?

«Вот тебе и забыла про Итана», — подумала Лили.

— Уроки закончены, миледи. Лорд Весси считает, что я уже вполне в состоянии править самостоятельно.

— Что ж, поздравляю! Так быстро освоили это дело! В ближайшее время вы должны прокатить меня. Мы можем проехаться по магазинам.

— Это было бы чудесно, хотя сначала мне еще надо купить собственный выезд.

— О, уверена, Итан будет рад помочь вам. Он хорошо разбирается в лошадях.

Лили кивнула и поспешила перевести разговор на нейтральные темы.

Кондитерская оказалась очень уютной и довольно многолюдной, учитывая ранний час. Купив карамели, Лили, баронесса и их сопровождающие отправились в обратный путь.

Когда они дошли до особняка Пендрагонов, Джулианна пригласила ее в дом:

— Идемте к нам. Мне потребуется всего несколько минут, чтобы отвести Кэма к нему в комнату. А потом мы попьем чаю и полакомимся сладостями.

Лили заколебалась, подумав о хозяйственных счетах, которые ей надо просмотреть. Мысленно пожав плечами, она решила, что это можно сделать и позже.

— Спасибо, с удовольствием.

— Еще чаю?

— Если можно, — согласилась Лили, протягивая чашку леди Пендрагон, точнее, Джулианне, как она теперь называла ее.

Последние две недели, с тех пор как они с Джулианной совершили ту первую совместную прогулку, они взяли за правило вместе гулять по утрам так часто, как позволяло их расписание. По большей части с ними был маленький Кэм и остальные сопровождающие. После прогулки Джулианна всегда приглашала ее к чаю, и Лили с готовностью соглашалась.

Лорд Пендрагон иногда откладывал свои дела, чтобы составить им компанию, занимая Лили интересными разговорами и тонкими наблюдениями. То, как он обращался со своей женой, очаровало ее еще больше. Невозможно было ошибиться в том, что он любит Джулианну, и каждый взгляд и жест выражали глубину его чувств. Было ясно, что Джулианна испытывает к нему то же самое, ибо глаза ее зажигались счастливым внутренним светом всякий раз, когда она даже просто упоминала его имя.

Но Лили восхищалась не только их взаимная любовь. Она видела, какая привязанность, какие прочные узы преданности, доверия и дружбы существуют между ними. Их счастье заставляло ее все чаще задаваться вопросом, не была ли она чересчур резка в своей прежней оценке супружества? Быть может, не все браки такие кошмарные и несчастные, как были у ее матери?

И все же Рейф с Джулианной были скорее исключением из правила. То, что им посчастливилось обрести большую любовь, еще не означает, что такие чудеса происходят и с другими. И все же, каким бы неординарным ни был их случай, всякий раз, когда она видела счастливых супругов рядом, ее мысли неизбежно устремлялась к Итану, всевозможные «а что, если бы...» приходили в голову.

Сегодня они с Джулианной были одни. Лорд Пендрагон, очевидно, работал у себя в кабинете. Ничто не мешало Лили вновь вспомнить лорда Весси. Что ж, с ним все ясно. Она для него осталась в прошлом, и для нее было бы разумно поступить точно так же. Возможно, он принадлежит к тем мужчинам, которые охотно пользуются благосклонностью женщины, а потом бросают ее, чтобы увлечься другой. Порхающие с цветка на цветок, эти покорители сердец никогда не возвращаются к одному и тому же объекту дважды.

Грудь ее больно сдавило, когда она представила его занимающегося любовью с какой-нибудь красоткой, и на мгновение ей стало нечем дышать.

«Прекрати! — отругала себя она. — Он не мой — и никогда не будет моим. Да я этого и не хочу».

— Лили? — Голос Джулианны прорезался сквозь ее размышления.

Она вскинула глаза и обнаружила, что подруга протягивает ей чашку, которую только что наполнила чаем.

— Спасибо, — поблагодарила она. Осторожно, чтобы не обжечься, сделала неторопливый

глоток.

— О чем ты сейчас думала? — поинтересовалась Джулианна.

— Да так, ни о чем. — Она сверкнула улыбкой. — Итак, ты рассказывала мне о своем доме в Уэст-Рединге.

— Ах да, — вспомнила баронесса. С гордой улыбкой она пустилась в описание их с Рейфом имения.

Некоторое время спустя они уже делились последними сплетнями об очередной выходке Каролины Лэм, которая буквально преследовала лорда Байрона. Внезапно послышался стук в дверь. Сидя в кресле, высокая спинка которого была повернута к двери, Лили не могла видеть, кто пришел.

А секунду спустя она была уже в другом мире.

— Доброе утро, Джулианна. Рейф сказал, что ты здесь, — произнес глубокий, бархатный голос, который невозможно было не узнать. Шаги Итана заглушал ковер, когда он прошел дальше в комнату. — Я подумал, что загляну и поздороваюсь, прежде чем... О, я не знал, что ты не одна.

Плечи ее напряглись, ведь он был так близко. Слишком близко.

— Прошу прощения за вторжение, мэм, — сказал он, шагнув вперед и поворачиваясь к ней лицом. — Лили?

Подняв голову, она встретилась с его взглядом, сию секунду уняв внезапно заколотившееся сердце.

— Милорд.

Маркиз учтиво поклонился. И глаза его, и волосы казались ярко-золотыми на фоне темно-коричневого сюртука.

— Миссис Смайт, как поживаете?

Она слегка наклонила голову набок.

— Хорошо, спасибо.

Лили не стала спрашивать, как у него дела. Она все видела и так. Он стал еще красивее, чем прежде. Когда она его видела в последний раз? Кажется, неделю назад — издалека, на очередном балу. Глупо отрицать: он настолько восхитителен, что рядом с ним растает даже Снежная королева. Держась твердо, она делала все возможное, чтобы сохранить достоинство.

Джулианна переводила взгляд с одного на другого.

— Проходи, проходи, — пригласила она. — Садись и поболтай с нами.

Он нахмурился, потом лицо его снова разгладилось, хотя и с некоторым усилием.

— Я только что был у Рейфа. Не могу задерживаться надолго.

— Ну уж на чашку чая ты, конечно же, можешь остаться. — Джулианна налила чаю, добавив ложку сахара, прежде чем протянуть ему.

Вежливость требовала, чтобы он согласился. После недолгого колебания он взял чашку с блюдцем, затем уселся на диван, оказавшись прямо перед глазами у Лили.

Она опустила взгляд.

Джулианна кашлянула.

— Итак, о чем вы, мужчины, разговаривали?

Итан положил серебряную ложечку на блюдце, и она тихо звякнула.

— Как обычно. Бизнес, политика, очередной миллион, который Рейф только что сделал на бирже.

— А-а! — воскликнула Джулианна с улыбкой. — Действительно, как обычно. У Рейфа уникальный талант множить богатство.

— В этом отношении он всегда был удачлив. А ведь ему еще и в любви везет.

Лили вскинула глаза, но обнаружила, что его взгляд устремлен не на Джулианну, а сосредоточен на ней. Легкий трепет пробежал внутри. Стиснув пальцы, она спрятала их под складками своего муслинового дневного платья в бело-зеленую полоску.

— Как самочувствие, Джулианна? — поинтересовался он, снова переводя взгляд на хозяйку дома. — Ты прямо цветешь.

Та усмехнулась и положила ладонь на свой выступающий живот.

— Можно, конечно, утверждать, что я набрала несколько лишних фунтов, но Рейф заверяет меня, что это все ребенок. Однако сладости, которыми я балую себя, убеждают меня в обратном.

— Чепуха. Ты выглядишь великолепно. И имеешь право на сладости и другие вкусные вещи. В конце концов, ты же вынуждена сейчас питаться за двоих.

Джулианна улыбнулась, успокоенная его словами. Он повернул голову.

— А как дела у вас, миссис Смайт? Вы, похоже, довольны сезоном?

— В основном...

— Что ж, на балах у вас определенно нет недостатка в партнерах по танцам. — Он смягчил свое утверждение улыбкой, которая не затронула его глаз.

— То же самое можно сказать и о вас, милорд, — ответила Лили, — хотя я даже не предполагала, что вы даете себе труд замечать, что я делаю.

— Эти ваши тициановские волосы трудно не заметить. Полагаю, вы и мисс Мокингхэм — единственные рыжеволосые женщины в свете в этом сезоне.

— Тогда, быть может, это вы за мисс Мокингхэм наблюдали?

Он медленно покачал головой.

— Нет, она на целую голову ниже, и ее не видно в толпе. — Он сделал глоток чая. — Я слышал, вы катались в Гайд-парке в прошлую среду.

Она вскинула бровь:

— У вас прекрасные источники, милорд, поскольку вы совершенно правы. Лорд Педлам был так добр, что прокатил меня в своем высоком фаэтоне. Он даже разрешил мне взять в руки поводья, чтобы я могла решить, что мне нравится больше: фаэтон или коляска. Я только что говорила Джулианне, что все никак не могу выбрать, не правда ли, дорогая?

Джулианна посмотрела на нее, потом взглянула на Итана с выражением нескрываемого интереса на лице. Когда ее глаза вновь обратились на Лили, крошечная морщинка залегла между бровями.

— Гм, в самом деле, ты упоминала нечто подобное.

— Коляска вам больше подойдет, — авторитетно заявил Итан. — Фаэтон же с высоким сиденьем — это легкомысленный вид транспорта, предназначенный разве что для спорта.

Выпрямив спину, она стояла на своем, слегка приподняв голову в бессознательном заигрывании.

— А что заставляет вас полагать, что я имею что-то против спорта, милорд?

«Боже милостивый, неужели это прозвучало двусмысленно?» — потрясенно гадала она.

Он вперил в нее напряженный взгляд потемневших глаз.

— Ну, — медленно проговорил он, — не так давно мне был дан повод считать иначе. Возможно, с тех пор вы передумали.

У нее пересохло во рту, а сердце колотилось в груди как безумное.

— Может, да. А может, и нет, — уклончиво отозвалась она, подумав, что лучше вернуть беседу на нейтральную почву. — В любом случае я еще не решила, какой экипаж и какая упряжка мне больше подходят.

— Я уже говорил вам раньше, что буду рад помочь в таком вопросе.

— Да, но в последнее время вы так заняты.

— Вам стоит сказать лишь слово, и я пересмотрю свое расписание.

— Я бы не хотела доставлять вам столько беспокойства, — улыбнулась она. — Уверена, лорд Педлам будет счастлив помочь мне.

В его глазах появился грозный блеск.

— Ничуть не сомневаюсь в этом, но должен предупредить, что этот джентльмен вряд ли оправдает ваши ожидания. Для вас было бы гораздо лучше, если б вы позволили кому-то с должным опытом направлять вас в таких вопросах.

Ей с большим трудом удалось взять себя в руки и сдержать прилив крови, которая готова была прихлынуть к щекам. Она не решалась взглянуть на Джулианну, чтобы посмотреть, понимает

ли подруга их косвенные намеки, которые уподобились электрическим искрам.

Внезапно, в отчаянной потребности отступить, Лили взглянула на противоположную стену комнаты и напольные часы с циферблатом, выполненным в виде луны.

— Ох, я совсем забыла о времени! Неужели уже половина двенадцатого? Простите меня, Джулианна, милорд, но мне пора домой.

Она поднялась.

Итан встал вместе с ней.

— Мне тоже пора. Как я уже говорил, дела ждут.

Спокойный и невозмутимый, он повернулся к Джулианне и поклонился.

— В этом доме отдыхаешь душой.

— Конечно, Итан.

Он взглянул на Лили:

— Я провожу вас.

— О, это не обязательно. Я пришла пешком, и, как вы знаете, мой дом совсем рядом.

— Тем не менее леди должна чувствовать себя под защитой. Я пройду с вами.

«Почему я не взяла с собой служанку?» Но брат Сьюзен показалось ей в тот момент излишним, поскольку Лили намеревалась находиться с Джулианной и слугами, включая устрашающего Ганнибала.

Впрочем, увидев упрямо сжатый рот маркиза, она поняла, что нет смысла продолжать спорить.

— Ну хорошо...

Он направился к двери, чтобы там подождать ее.

Лили подошла к Джулианне, которая поднялась ее проводить, и обняла ее. Когда она наклонилась, Джулианна притянула ее ближе.

— Он хороший человек, но будь осторожна, — прошептала баронесса. — Не хочу видеть, как ты страдаешь.

— Не волнуйся. Этого не случится. — «Если б я только была в этом уверена», — подумала она. — Мы просто дойдем до моего дома.

— Ну разумеется. К сожалению, завтра утром мы не сможем встретиться, потому что я должна идти на утренний прием. Хочешь пойти со мной? Добыть для тебя приглашение — пара пустяков.

— Ты очень добра, но у меня, правда, дела. До встречи. Еще раз попрощавшись, она прошла к двери, где Итан взял ее под руку.

Как только они вышли из особняка, она повернулась к нему.

— Вам нет нужды провожать меня до дома, милорд. Я прекрасно дойду сама. Если вы так беспокоитесь, то можете просто постоять здесь и посмотреть, пока я не дойду до своего крыльца.

Он положил ее ладонь к себе на рукав.

— Но в этом случае я буду слишком далеко, чтобы помочь, если с вами вдруг что-нибудь приключится. А так я буду знать, что вы в целости и сохранности.

— А что же тут может со мной случиться?

— Существуют опасности помимо воров и злодеев. Скажем, вы упадете и что-то повредите себе.

Она рассмеялась:

— Это маловероятно. Я обещаю старательно смотреть себе под ноги.

— Но вы можете ушибиться, а я не могу этого допустить.

Полминуты они шли молча.

— Как поживаете, Лили?

— Неплохо, милорд.

— Итан. Я был Итаном в тот последний раз, когда мы были вместе.

— С тех пор прошла целая вечность, — тихо проговорила она.

Он сжал ее руку.

— Вы скучали по мне?

— Вовсе нет.

— А мне кажется, что да.

Она подняла на него глаза.

— В самом деле? Должно быть, вам показалось.

— Не думаю, — пробормотал он, опустив взгляд на ее губы.

Внезапно ее легким стало не хватать воздуха. В присутствии маркиза такое случалось с ней частенько. Она испытала облегчение, лишь когда они подошли к ее входной двери.

— Вот и все, — проговорила Лили наигранно бодрым тоном. — Счастливого вам дня, лорд Весси. Я понимаю, вы не можете зайти, поскольку заняты и вам надо спешить.

Она ожидала, что он согласится, но он поставил ногу на первую ступеньку крыльца дома.

— У меня есть в запасе еще несколько минут. Мы могли бы обсудить день и время, когда

встретимся, чтобы приобрести для вас экипаж и упряжку.

— Фаэтон, — парировала она. — И я не думаю, что мне удастся выделить для этого время в ближайшем будущем.

— Почему бы нам не войти в дом, чтобы вы могли свериться со своим расписанием деловых встреч? Ведь это недолго.

Зная, что дворецкий и лакей стоят у открытой двери и, без сомнения, слушают каждое слово, она кивнула. Кроме того, не может же она продолжать спорить с Итаном здесь, на крыльце.

— Ну хорошо, только на несколько минут.

Он наклонил голову.

— Этого будет вполне достаточно.

Вручив шляпу и перчатки ожидающему слуге, он пошел за ней наверх, в кабинет. Там она сразу же прошла к письменному столу орехового дерева. Конечно же, ей не было нужды заглядывать в какое-то расписание деловых встреч. Ее прежнее утверждение было не более чем уловкой, хитростью, о которой Итан уже наверняка догадался.

Дверь за его спиной закрылась с громким щелчком.

Вздрагнув, она вскинула глаза.

— Что вы делаете, милорд?

Он прошел дальше в комнату.

— Я подумал, нам может понадобиться уединение, чтобы мы могли поговорить без помех.

— У меня мало времени. — Она шагнула вперед, чтобы поскорее уйти. — Я бы предпочла, чтобы кто-то другой помог мне с покупкой выезда.

Он покачал головой:

— Нет, это должен быть я. Я единственный, кто знает, чего вы хотите, что удовлетворит вас и доставит вам удовольствие. Никто другой тут не подойдет.

Она поняла, что речь идет уже не об экипаже.

Сердце ее оборвалось и ухнуло куда-то вниз, как птица, пикирующая с ветки.

— Уходи, Итан. У нас нет будущего.

Он сократил расстояние между ними.

— Уверена в этом?

— Да, — заявила она.

Их глаза встретились и сомкнулись. Янтарный взгляд Итана был горячим и сверкающим, до краев наполненным нескрываемым желанием. Дыхание ее сделалось учащенным, вырываясь

из легких так, словно в комнате не хватало кислорода. Кровь пульсировала в висках, пульс бился резко и быстро где-то у основания горла.

Она не могла оторвать от него глаз.

Прошла секунда, другая.

Наконец она бросилась вперед, и он сделал то же самое, поймав ее в крепком, жарком объятии.

Прильнув к нему всем телом, она неистово, как в горячечном бреду, целовала его. С ненасытностью, которая когда-то шокировала бы ее, она обвила его за шею руками и дала волю своей страсти, отвечая на каждое глубокое бархатное скольжение его языка — безумным погружением своего.

Исторгнув из горла стон, он поймал ее нижнюю губу зубами и поиграл с мягкой плотью, игриво покусывая и дразняще полизывая, прежде чем прижаться к ее рту для обжигающего поцелуя.

Она с готовностью откликнулась на прикосновение, зарывшись пальцами в густой шелк его волос.

Она со стоном вновь погладила его ладонями.

Глядя ее спине, он целовал ее все крепче, задрожав всем телом, когда соски ее затвердели и заострились. С неистово погоняющей ее страстью, она жаждала безумной, необузданной, ничем не сдерживаемой скачки. Его вкус, запах и ощущение, подобно какому-то эротическому эликсиру, смели и разметали все мысли и чувства, кроме этой неистовой, примитивной жажды. В отчаянии она подняла ноги и обвила его за талию, не заботясь о том, что ее юбки упали беспорядочной путаницей между ними.

Подхватив руками под ягодицы, он приподнял ее выше. Его естество тем временем буквально рвалось из брюк. Сплетя их губы в лихорадочном танце, он понес ее вперед и усадил на стол. Гроссбухи, бумаги и ручки полетели на ковер, когда он очистил рукой поверхность.

Раньше она, возможно, ужаснулась бы содеянному, но единственное, о чем она могла сейчас думать, — это он и жажда почувствовать его в себе. Не прерывая поцелуя, он раздвинул ей ноги.

Соски ее снова запульсировали, умоляя о его прикосновении. Словно почувствовав ее желание, он стал расстегивать пуговицы платья на спине, распустив корсаж и корсет достаточно, чтобы освободить груди. Скользя руками вниз, он взял их в ладони, удерживая и одновременно неистово лаская пальцами.

Ее веки, дрогнув, закрылись, стон слетел с губ, когда он сомкнул рот вокруг одной груди. От этого посасывания, сладостного и влажного тепла, она буквально сотряслась в его руках. Как следует ублажив первую, он перешел к другой груди, лаская ее с жадным нетерпением.

Немного погодя она хотела было потянуть его кверху, но он опустился на колени, задрал ее юбки до талии, затем широко раздвинул ноги.

Она представления не имела, что он собирается делать, и тело ее непроизвольно дернулось при первом прикосновении его губ к ее уж возбужденной плоти. Она инстинктивно попыталась

сомкнуть бедра, но он ей не позволил, подтянув ближе к краю стола, где она балансировала, дрожа на грани безумия.

Выгнувшись, она распластала ладони по столу, чтобы не дать себе упасть, громко хватая ртом воздух в произвольных всхлипах, когда он целовал ее там, где она и представить не могла, что можно целовать женщину. Удовольствие едва не разрывало ее, сильнейшая дрожь сотрясла тело, когда его язык скользнул внутрь.

Волна взрывного наслаждения потрясла ее тело, блаженство было таким сильным, словно она попала в ослепляющий шторм. Но он не закончил эту сладкую пытку, ведя ее все дальше и выше до тех пор, пока одинокая слезинка не соскользнула по щеке, а волны экстаза не обрушились на нее лавиной. Протяжный стон вырвался у нее из горла.

Потом он поднялся, рывком расстегивая ширинку, чтобы освободить свое давно восставшее естество. Мягко уложив ее спиной на стол, Итан вошел в нее без ненужной теперь подготовки. Ее тело легко приняло его, словно было создано лишь для этой цели.

В отличие от первого раза теперь уже не было ни боли, ни трудности с вхождением, хотя его большое древко заполнило ее целиком.

Установив ритм, от которого у нее занялся дух, Итан совершал резкие и быстрые толчки, опершись руками по обе стороны ее головы. Он унес ее с собой в мир, где не существует ничего, кроме ошеломляющего любовного экстаза. Она гадала, не разорвется ли сердце, настолько глубоким было желание, настолько совершенным наслаждение.

А потом она вновь достигла вершины, в ушах зашумело, словно она тонула, а взрыв радости подбросил в небеса.

Он поймал ее крик освобождения нежным поцелуем, заглушив свой собственный возглас счастья.

Тяжело дыша, он коротко повалился на нее, спрятав лицо в изгибе шеи. Потом медленно приподнялся.

Она лежала с закрытыми глазами, слишком выдохшаяся и пресыщенная, боясь посмотреть на него из страха, что может увидеть. Но несколько мгновений спустя обнаружила, что ей не стоило волноваться.

— Лили, — пробормотал он, — я больше не отпущу тебя, поэтому даже не думай пытаться ускользнуть. Ты не хочешь замуж, и прекрасно, но я больше не позволю тебе не пускать меня в свою постель.

Она взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы.

— Ты не в моей постели.

— Нет, мы использовали твой стол, и это должно сказать тебе о многом. Давай я помогу тебе подняться, пока твои мышцы окончательно не одеревенели.

Она взглянула вниз, и глаза ее расширились.

— Похоже, это у тебя такая проблема. Как это возможно так скоро?

Он бросил на нее тлеющий взгляд.

— Я был без тебя недели. Долгие, невыносимые дни, за которые во мне накопилось сильнейшее желание.

— И у тебя не было других женщин?

— Нет. И не будет, по крайней мере пока эта страсть между нами не утихнет.

«А если она никогда не утихнет?» — забеспокоилась она, но секунду спустя решила отбросить в сторону все вопросы и опасения.

«Живи одним днем, — сказала она себе, — наслаждайся моментом и не думай о будущем. У тебя еще будет достаточно времени, чтобы посмотреть в лицо реальности и всем ее отрезвляющим подробностям».

С нежностью заглянув в его прекрасные глаза, она улыбнулась и приняла его руку.

Глава 14

Прислонившись спиной к удобно расположенной колонне, Итан наблюдал, как Лили скользит по бальному залу в объятиях другого мужчины. Конечно, он ревновал, но держал себя в руках, уверенный, что это он будет провожать ее домой и он проведет ночь в ее постели.

Три дня миновало с тех пор, как они с Лили бурно и неистово занимались любовью на столе в ее кабинете — действие, которое навсегда изменило его взгляд на этот конкретный предмет мебели и на столы вообще.

В тот первый день, после того как она наконец согласилась стать его любовницей, она повела его к себе в спальню, признавшись по дороге, что соврала насчет дневной встречи. Приперев ее к стене, он обрушился на ее губы в таком горячем, неистовом поцелуе, что они оба едва не задохнулись. Одарив ее своей самой лукавой улыбкой, он пообещал, что следующие несколько часов она будет здорова занята.

И не разочаровал.

Закрывшись в комнате, они сняли с себя одежду и провели остаток дня, утоляя свою воистину неутолимую страсть друг к другу. Не единожды, когда он думал, что наконец она выжала его досуха, чувственный голод вновь пробуждался, словно ненасытный тигр, требующий, чтобы его накормили. С обоюдным наслаждением они сделали все возможное, чтобы угодить зверя.

Около шести часов того вечера он неохотно оторвался от Лили. Хорошенько укрыв ее, оделся и оставил спящей в изнеможении, с легкой улыбкой на нежно-розовых губах.

На его лице тоже блуждала улыбка, которую сдержать не было никакой возможности, даже когда он пришел на конюшню к Пендрагонам, чтобы забрать свой экипаж. К его облегчению, слуги Рейфа и Джулианны были тактичны, никоим образом не выказывая, что находят что-нибудь странное в его более чем шестичасовом отсутствии.

Несмотря на наивность представления, что они с Лили смогут скрывать свою связь, он решил, что будет лучше по крайней мере сделать попытку, — отсюда и его решение поехать домой,

вместо того чтобы провести ночь в ее постели, что он бы предпочел.

Впрочем, его благие намерения не продлились дольше двадцати четырех часов. Ноющая от желаний плоть пробудила его от неглубокого сна той же ночью. Лежа в темноте, он боролся с желанием, заставляя себя уснуть. Но тщетно. Несмотря на безумие поступка, он оделся, вышел из Андертон-Хауса, нанял кеб и поехал к дому Лили.

Ночной сторож прокричал три часа как раз перед тем, когда он поднялся на крыльцо ее дома. Чтобы не будить слуг, Итан обошел дом вокруг и перелез через кирпичную стену, окружающую маленький садик. Используя довольно удобный набор инструментов, который как-то приобрел у Рейфа, он отпер замок двери, ведущей в задний коридор. Тихо прокравшись вверх по лестнице, Итан сделал мысленную пометку распорядиться сменить замки в доме и получить ключ. А когда он оказался в ее комнате, все мысли, кроме непреодолимого желания быть с Лили, вылетели у него из головы.

Сняв с себя одежду, он скользнул под одеяло с ней рядом. Почувствовав, что она просыпается, прижал ладонь ей ко рту, чтобы заглушить крик, приблизив губы к уху.

— Это я, — прошептал он, — не бойся. — Почувствовав, что она расслабилась секунду спустя, он убрал руку.

— Господи помилуй, Итан, — выдохнула она, — ты напугал меня чуть не до смерти.

— Извини.

— Что ты здесь делаешь? Который час?

— Еще рано. И я здесь, потому что не мог уснуть. Я опять хочу тебя.

Она издала какой-то тихий звук, который напомнил ему мурлыканье.

— Бог мой. А как ты вообще попал в дом?

— Потом расскажу.

Устав от разговоров, он просунул руки под одеяло и обнаружил, что она в ночной рубашке. Он нетерпеливо потянул ее.

— В ближайшее время можешь не утруждать себя надеванием рубашек. Я все равно буду их снимать.

С удовлетворенным вздохом она запустила пальцы ему в волосы.

А спустя несколько секунд уже ничто не имело значения, кроме чувственных прикосновений Лили и блаженства ее поцелуев.

Даже сейчас, наблюдая, как она танцует, он помнил ощущение ее маленьких ладошек у него на коже, растущее искусство ее все еще неумелых ласк. Она оказалась способной ученицей, а он так многому хотел ее научить. Но сначала надо пережить следующие три часа, а потом к чертям осмотрительность — он повезет ее домой.

Кроме того, завтра им надо рано встать, потому что они едут на торги, где он планирует приобрести для нее отличную упряжку. А потом они купят и экипаж.

Он улыбнулся, с удовольствием предвкушая поездку.

Улыбка задержалась у него на губах при воспоминании об их вчерашнем разговоре, когда она заявила ему, что хочет, чтобы фаэтон был выкрашен в лазурный цвет июньского неба.

— Коляска, ты имеешь в виду, — сказал он.

— Нет, фаэтон. Красивый, небесно-голубой фаэтон.

Он засмеялся, решив немножко поддразнить ее, что выбрала такой чисто женский цвет.

— Это будет уникально. Я не уверен, что существует каретная краска такого оттенка. Возможно, тебе придется удовлетвориться оттенком потемнее, например синим.

Она сморщила носик:

— Я не хочу синий, во всяком случае, не для себя.

— Или черным. Вот уж этот цвет ты найдешь без труда.

— Фу, только не черный. Я хочу лазурный. Наверняка каретник сможет получить такой оттенок, смешав нужные цвета?

— Что ж, посмотрим. Не уверен, что у нас с этим что-нибудь получится.

Обхватив лицо ладонями, она поцеловала его долгим, нежным поцелуем.

— Получится, — прошептала она. — Мы найдем способ.

В этот момент, глядя в ее милое лицо, он поклялся, что она получит свою небесно-голубую карету, даже если для покраски ему придется нанять художника-пейзажиста.

Сейчас в бальном зале танец окончился, музыка смолкла, и пары стали покидать танцевальный круг. Идя об руку со своим партнером, Лили отыскала глазами Итана, и ее взгляд скользнул по нему в застенчивой, но легко читаемой ласке.

Взрыв жара мгновенно обжег чресла, желание ударило резко и быстро. Он смотрел не отрываясь еще долгое мгновение, потом оторвал взгляд, стиснув руки в кулаки в попытке успокоиться.

«Проклятие, — чертыхнулся он, — это будет очень длинный вечер».

Он вновь устремил взгляд туда, где она теперь стояла, разговаривая со своей подругой Давиной Коутс.

С другой стороны, их встречу можно ускорить.

Выйдя из бального зала, он отыскал ручку и бумагу и написал записку. Найдя лакея, передал ему сложенное послание вместе с монетой, чтобы обеспечить быструю доставку. Он подождал еще всего секунду, затем повернулся и зашагал к выходу.

Через полчаса Лили спустилась по ступенькам особняка и подошла к закрытой карете, ждущей неподалеку. Лакей открыл дверцу и помог ей забраться внутрь.

Из ожидающей темноты появилась рука и схватила ее за руку. Дверца захлопнулась как раз в тот момент, когда ее потянули вперед, карета тронулась, и она приземлилась на крепкие, мускулистые бедра.

Знакомые запахи и руки мужчины, на коленях которого она сидела, успокоили ее, хотя от того, что она оказалась в его объятиях, сердце заколотилось в удвоенном ритме.

— Итан, — пробормотала она, — что ты делаешь?

Он без предисловий собрал руками сиреневые шелковые юбки ее вечернего платья. Подняв их кверху, погладил обнаженную кожу ног в мучительно-соблазнительной ласке.

— А на что это похоже? — Наклонившись вперед, он прижался губами к шее, стал ласкать ее так страстно, что она выгнулась в инстинктивном наслаждении. — Я занимаюсь с тобой любовью.

— Поэтому ты послал ту записку? Я подумала, может, что случилось.

Он откинулся на спинку и встретился с ее взглядом.

— Кое-что действительно случилось. Ты нужна мне.

— В плотском смысле, ты имеешь в виду? Но ты же мог подождать. Вечер бы скоро закончился.

— Не так скоро. Я хочу тебя сейчас! — чуть не прорычал он.

— Ты собираешься быть со мной деспотом?

— В этом смысле — да. Ты моя любовница, и ты будешь принадлежать мне. Где и когда мы оба пожелаем.

Завладев ее губами, он увлек ее в царство страсти. Его поцелуй требовал от нее капитуляции, равно как и пылко отклика. Ни секунды не думала она о сопротивлении, ибо каждое его прикосновение было блаженством, каждое объятие обжигало испепеляющей страстью, от которой она таяла и стонала. Только когда она лежала на нем, дрожащая, часто и судорожно втягивая ртом воздух, он отпустил ее.

Но ненадолго. Его широкие ладони скользнули выше по коже, скомкав платье на талии. Приподняв, он усадил ее на себя верхом так, что ноги ее оказались по обе стороны его бедер, а затянутые в шелковые чулки колени вжимались в мягкое бархатное сиденье.

Протянув руку между ними, он расстегнул ширинку своих черных шелковых бриджей. Его плоть выпрыгнула наружу, налитая и более чем готовая.

— Но мы же в твоей карете, — прошептала она, шокированная и возбужденная.

— Мы были в ней и раньше, если ты помнишь, но в тот раз нам помешали. С тех пор я ждал второго шанса.

— Но мы ведь не можем...

Его зубы сверкнули в темноте.

— Почему? Мой кучер будет кружить по парку до тех пор, пока я не дам ему другого указания.

Любимая, обещаю, тебе понравится эта поездка.

Раздвинув свои бедра, он развел ей ноги так широко, что она оказалась полностью открыта ему. Влажный жар кольцами свернулся внизу живота, покалывающий трепет побежал по конечностям. У нее едва было время прочувствовать эти ощущения, как он ухватил ее за бедра, приподнял кверху и опустил на свою напряженную плоть.

Она вскрикнула, потому что он, казалось, заполнил ее всю больше обычного, если такое возможно. Крепко держась, она встречала его сильные толчки своими, а покачивание и подпрыгивание кареты усиливало каждое скользящее погружение.

Нуждаясь в его поцелуе, она запустила пальцы ему в волосы и захватила губы в бурном, неистовом слиянии. Он застонал и вонзился сильнее и мощнее, погружившись в нее еще глубже, усиливая темп своих толчков.

Лили чувствовала, что достаточно лишь малейшего толчка, чтобы она опрокинулась в забытьи. Секунду спустя карета попала в выбоину, их обоих подбросило вначале вверх, затем швырнуло вниз, вжав в сиденье.

От этого толчка он погружился в нее еще глубже, от восхитительного трения кульминация взорвалась в ней и рассыпалась снопом искр, буквально перехватив дыхание. Спрятав лицо у него на шее, она сотрясалась от дрожи, радость бурлила в жилах, как наркотик, а экстаз вознес в небеса, словно она парила на облаке.

Обхватив ее спину своими сильными руками, Итан слегка отстранил ее и ускорил темп, погружаясь сильнее, глубже, быстрее. Потом и он тоже задрожал, и его освобождение было длительным и радостным для них обоих.

Повалившись на сиденье, он держал ее в своих объятиях, глядя спину и скользя губами по горячей, пылающей коже щеки. Прошло довольно много времени, прежде чем он поднял ее со своих колен и усадил рядом с собой на сиденье, нежно прижимая к своему боку.

— Если хочешь, — пробормотал он, — до конца вечера, вероятно, еще целый час. Я могу отвезти тебя назад.

— В таком помятом платье? Если я вернусь, боюсь, все сразу поймут, чем мы только что занимались. — Подняв голову, она поцеловала его. — Поедем домой, в постель, Итан. Это единственное место, где я хочу быть.

— Ах, какой красавчик! — воскликнула Лили на следующее утро, когда они с Итаном неторопливо шли по конюшенному двору одного имения недалеко от Лондона. Прежний владелец недавно скончался, а его сын — некий лорд, больше известный своей любовью к азартным играм, чем к лошадям, — устраивал торги, чтобы продать животных тем, кто даст наивысшую цену.

Итан устремил на нее снисходительный взгляд:

— Этот мерин, может, и красавчик, но, подозреваю, в качестве упряжной лошади не годится. Мне дали понять, что здесь имеется несколько достойных упряжек, включая пару серых.

— Звучит многообещающе, и должна признать, что серые лошади будут прекрасно сочетаться с небесно-голубым фаэтоном, который я собираюсь купить, — заметила она, сверкнув широкой

улыбкой.

С его губ сорвался смех.

— Будут, конечно, но позволю заметить, что окрас лошади еще не самое главное. Вначале мы оценим экстерьер и темперамент имеющихся в наличии животных, а уж потом подумаем, как их цвет будет гармонировать с вашей новой черной коляской.

Она шлепнула его по плечу в наказание за нескончаемое поддразнивание — легонько, поженски, что вызвало лишь еще один смешок ее кавалера. Продолжая посмеиваться, Итан завладел ее рукой, положил затянутую в перчатку ладонь на изгиб своего локтя и повел ее вперед.

Через полчаса они остановили свой выбор на двух упряжках: пары гнедых иноходцев с прекрасной статью и пары серых, чьи пятнистые шкуры были такими же мягкими, как и их нрав. Не желая показывать свой интерес к той и другой упряжкам и тем самым поднять цену, они с Итаном были осмотрительны в своих комментариях, перешептываясь друг с другом, чтобы открыто не высказывать своих предпочтений.

Они прошли дальше и стояли недалеко от пары вороных меринов, чья царственная осанка их особенно привлекла, когда к ним подошел высокий джентльмен.

— Эй, привет, как идет лошадиная охота? — Герцог Уайверн остановился и отвесил элегантный поклон. — Весси. Миссис Смайт, какое удовольствие видеть вас.

Лили подняла глаза на герцога, пораженная, как всегда, мрачной красотой его лица и сексуальной привлекательностью, которую этот мужчина источал. Разумеется, она предпочитает белокурые волосы Итана и его желтовато-карие глаза, один взгляд которых способен пустить ее сердце в безумный галоп. Тем не менее это не значит, что она не в состоянии увидеть и оценить поразительную красоту другого мужчины, даже если ее интерес чисто дружеского характера.

Они с герцогом были, в сущности, незнакомы, несмотря на то, что их представили друг другу во время сезона. Тем не менее она знала, что они с Итаном — близкие друзья. До сегодняшнего дня она как-то особенно не задумывалась о знакомых Итана. Теперь же, оказавшись под заинтересованным, испытующим взглядом герцога, Лили задалась вопросом, что мог Итан рассказать о ней другу и рассказывал ли вообще. Поделится ли с герцогом, что теперь она его любовница? От этой мысли ей стало немного не по себе.

Очевидно, почувствовав ее замешательство, Итан накрыл ладонь, лежащую у него на руке, своей. Секунду спустя, впрочем, она расслабилась, когда, встретив взгляд Уайверна, не увидела ничего, кроме теплой сердечности в улыбке.

— Полагаю, вы сузили выбор до гнедых и серой в яблоках пары в дальнем конце стойл, — заметил герцог, осмотрительно понизив голос.

— Что заставляет вас так думать, ваша светлость? — спросила она, гадая, не выдали ли они с Итаном ненароком своих предпочтений.

Он вскинул бровь цвета воронова крыла:

— Они тут лучшие, а Итан всегда в состоянии разглядеть породистую кобылку. Ни одну из других упряжек не стоит покупать, а составлять пару из отдельных лошадей — дело

рискованное. Иногда такое совмещение оказывается удачным, иногда нет.

Она заморгала, ей такое даже в голову не приходило.

— Лично я на вашем месте взял бы серых, мэ. Они от Пегаса, коня с исключительной родословной, — высказал свое мнение Уайверн. — Впрочем, любая пара подойдет.

Губы Итана тронула улыбка.

— Лили уже отдала предпочтение серым. Она говорит, их цвет прекрасно подойдет к ее новому экипажу.

Герцог усмехнулся.

— Они все кажутся славными лошадами, каков бы ни был их цвет, — возразила Лили. — Я еще не решила.

Но все поняли, что она хочет серых.

Заметил ли герцог, что Итан назвал ее по имени? — гадала она. Если и заметил, то никак этого не показал. Впрочем, по тому, как Итан держит ее руку в своих, все, кто видит их, неминуемо заподозрят близкие отношения.

А если люди обо всем догадываются?

Что ж, решила Лили, значит, она просто не будет переживать из-за этого. У нее нет желания таиться, пытаюсь скрыть их с Итаном любовную связь. Она хочет быть с ним и будет. Общество считает ее вдовой и посему будет смотреть сквозь пальцы на их отношения, даже если время от времени сплетники станут перешептываться у нее за спиной.

Слухи, должно быть, уже распространились, ведь он снова провел ночь у нее в доме и остался, чтобы позавтракать, прежде чем они отправились на торги.

— А какая лошадь привлекла ваше внимание, милорд? — поинтересовалась она.

— О, одна или две. — Он больше ничего не сказал, явно предпочитая не открывать своих карт. — Не подойти ли нам к аукционной платформе? Полагаю, торги вот-вот начнутся.

Сопровождаемая двумя самыми красивыми мужчинами на аукционе — а возможно, и во всей Англии, — Лили не спеша последовала за ними.

Два часа спустя Лили широко улыбалась: упряжка серых в яблоках теперь принадлежала ей — купленная по цене, которую и Итан, и Уайверн сочли справедливой. Герцог тоже принял участие в торгах и приобрел трех лошадей, включая одного из вороных, которыми она так восхищалась, а также пару племенных кобыл, которые, как он полагал, внесут свой неоценимый вклад в племенную программу его лучшего скакуна.

Что касается Итана, то он удивил ее, вступив в торг за упряжку гнедых, подключившись в самом конце и приобретя их всего за часть истинной стоимости. Когда аукционист объявил Итана победителем, она бросила на него вопросительный взгляд, на что он пожал плечами.

— Было бы жаль, если б такие хорошие лошади ушли к кому-то еще, — заметил он. — Если ты решила предпочесть их серым, тебе стоит только сказать.

Их глаза встретились, и уголки его чувственного рта приподнялись в легкой интимной улыбке.

Тепло зародилось у нее где-то в области сердца и распространилось по всей груди, подобно солнечным лучам, руки и ноги охватила слабость. Наклонившись чуть заметно ближе, она наблюдала, как в глубине его янтарных глаз появляется выражение, которое она уже научилась узнавать и, несмотря на людей вокруг, знала, что не отвергла бы его поцелуй. Но, будучи настоящим джентльменом, он довольствовался всего лишь легким пожатием ее руки.

Вскоре после этого Уайверн извинился и ушел, сославшись на дела. А они с Итаном не спеша направились через двор.

— Если ты еще не слишком устала, — заметил он, — мы можем заехать к каретнику и выбрать для тебя коляску.

Она прищурилась, наслаждаясь их давней игрой вокруг предстоящей покупки.

— Да, в самом деле. Давай поедem и выберем мне фаэтон.

— Хорошо. А потом ты меня прокатаешь.

— Но ведь экипаж не будет готов так быстро.

— Я говорил о скачке иного рода.

Ее глаза расширились.

— Итан!

Он от души расхохотался:

— Кто-нибудь говорил тебе, Лили, что ты сокровище?

Приятное тепло вновь растеклось у нее в груди, пульс застучал подобно сотне крошечных молоточков. Внезапно у нее возникло предчувствие, переросшее в уверенность, что предстоящие дни с Итаном будут не менее восхитительными.

С озорной улыбкой на губах она позволила ему вести себя дальше.

Глава 15

Три месяца спустя Итан сидел за своим столом в Андертон-Хаусе, быстро водя поскрипывающим пером по бумаге. Закончив одно письмо, он присыпал послание песком и вручил молодому человеку, который служил у него секретарем. Расторопный и хорошо образованный помощник запечатал бумагу воском, затем подписал адрес, предоставляя Итану возможность перейти к следующему предмету деловой корреспонденции.

Стремясь поскорее справиться, Итан спешил покончить со всеми обязанностями, требуемыми от него общественным положением, чтобы вернуться к своей несравненной Лили.

Не вполне сознавая когда и как, они вдвоем как-то незаметно пришли к удобному распорядку с тех пор, как стали любовниками. Вначале он пытался ограничивать себя несколькими часами в ее обществе по вечерам, выступая в роли ее сопровождающего на бал или обед, где они обычно

на время расставались, чтобы не вызывать слишком много кривотолков. Потом он вез ее домой, часто входил вместе с ней в дом и поднимался по лестнице к ней в спальню. Заставлял себя уезжать, возвращаясь к себе домой лишь глубокой ночью или в предрассветные часы, когда на улицах не было никого, кроме усталых фонарщиков или какой-нибудь ранней пташки.

Но когда июль подошел к концу, а вместе с ним и светский сезон, большинство представителей света покинуло город, чтобы удалиться на отдых в свои загородные имения. А как только парламент в начале августа ушел на каникулы, лондонское аристократическое общество еще больше поредело.

Даже Рейф и Джулианна, которые проводили большую часть времени в городе, убрали молоток со своей двери, забрали слуг и маленького Кэма и отправились в Уэст-Рединг, где должны были пробыть до конца осени. Рейф сказал ему, что они, возможно, останутся на севере до весны, поскольку роды Джулианны приближаются, ребенок должен родиться примерно через месяц.

Что касается Тони, то он часто ездил в Роузмид, поскольку оттуда до Лондона всего три часа пути. Но хотя Тони время от времени и появлялся в Лондоне, Итан не рассчитывал видаться с ним часто, ибо герцог уже принял два приглашения погостить в имениях у друзей.

Итан тоже был приглашен, но отказался, предпочитая оставаться в городе, чтобы видаться с Лили. У нее тоже была возможность уехать, так как Давина Коутс приглашала ее погостить до конца лета в Миддлсексе. Однако Лили под благовидным предлогом отклонила приглашение.

По мере того как светская жизнь в городе затухала, они с Лили стали проводить все больше времени вместе, а в некоторые дни он уже не покидал ее. Сегодня, в сущности, впервые за неделю вернулся к себе домой, чтобы взять запас одежды и туалетных принадлежностей и разобраться с кое-какими из неотложных дел, ответить на письмо.

Его управляющий, с которым он должен был встретиться еще несколько недель назад, ожидал его распоряжений относительно всего — от покупки нового постельного белья для слуг до его согласия на посев нового сорта озимой пшеницы на северо-западных полях. Дав нужные указания по всем вопросам, Итан закончил письмо, присыпал бумагу песком и вручил ее секретарю для подготовки к отправке.

Вскоре после этого молодой человек поднялся и начал краткое изложение содержания каждого из оставшихся писем, вкратце записывая комментарии Итана, чтобы потом дать нужные ответы. Итан вздохнул, зная, что скоро ему вновь придется вернуться, чтобы подписать все письма, составленные секретарем.

Он никогда в жизни не собирался проводить так много времени с женщиной. И уж конечно, никогда раньше не оставался в городе на все лето ради одной из своих любовниц. Хотя Лили больше чем любовница — она еще и друг.

Говоря по правде, он ожидал, что огонь между ними к этому времени уже давно погаснет, вспыхнув жарко и быстро, прежде чем умереть естественной смертью. Но недели шли, а его страсть к Лили только усиливалась.

Каким бы удивительным это ни казалось, но сейчас он желал ее еще больше, чем когда только начал добиваться, занимаясь с ней любовью с такой силой страсти, о которой даже не подозревал. И, насколько он мог судить, она чувствовала то же самое, дрожа от восторга в его объятиях и мечтательно улыбаясь после любовных ласк. Впрочем, помимо физического удовольствия, была еще простая радость находиться с ней рядом — факт, который, вероятно, должен был бы встревожить его, но, как ни странно, не тревожил. И в постели, и вне ее она

никогда не переставала очаровывать его, и одной ее улыбки было достаточно, чтобы сделать ярче самый пасмурный из дней.

Он все еще помнил тот день, когда был доставлен ее небесно-голубой фаэтон. Бурно радуясь, как ребенок в рождественское утро, она пригласила его разделить с ней ее первый выезд, совершенно не обращая внимания на то, какое удивительное зрелище они, должно быть, представляли: она, сидящая высоко на сиденье возницы и правящая упряжкой, и он с ней рядом — неизвестно в каком качестве.

Тот выезд наделал немало шума и вызвал пересуды: многие изумлялись и восхищались. Далеко не все мужчины способны управлять таким ненадежным экипажем, а уж женщина, делающая это... ну, это что-то поистине уникальное. На свидетелей ее триумфа производило впечатление то, как она держала себя, ее манера демонстрировать непринужденную грацию и стиль, выгодно выделяющие ее среди других. Он гордился ею тогда и гордится сейчас, радуясь тому, как она блистает, и довольствуясь тем, что сам лишь купается в лучах ее успеха. За всю свою жизнь он не знал другой такой женщины, как Лили. Вновь думая о ней сейчас, Итан понял, что скорее всего и не узнает.

Вернувшись из своих мысленных блужданий, он заметил, что секретарь ждет, держа ручку наготове на случай каких-нибудь дальнейших распоряжений.

— Полагаю, на сегодня с делами покончено, Кукси, — сказал он, — если нет чего-то еще срочного.

Молодой человек положил перо.

— Нет, милорд. Дневная почта только что доставлена. — Он встал и протянул Итану письмо. — Я позволил себе просмотреть остальное — в основном деловая корреспонденция и счета, но вот это, если не ошибаюсь, послание от вдовствующей маркизы.

Переместив взгляд, Итан воззрился на кремовый веленевый конверт с гербом Весси и его адресом, четко надписанным витиеватым материнским почерком. Он нехотя протянул руку, чтобы взять письмо.

Кукси вернулся за свой стол.

«Итак, мама волнуется, — размышлял Итан. — Без сомнения, недоумевает, почему я не в Андерли или по крайней мере не гощу у кого-нибудь в имении».

Он уже получал от нее подобное письмо. В тот раз он нацарапал коротенькую записку, сообщая ей, что решил остаться в городе еще на несколько недель.

Они уже прошли.

По-видимому, надо написать ей снова и оповестить, что он останется в городе до конца осени. Что касается зимы... что ж, вероятно, придется все же поехать домой на Рождество. Ожидается, что, как глава семьи, он будет присутствовать на празднике.

Его лоб пересекла морщина. От мысли оставить Лондон, оставить Лили на сердце ложилась какая-то тревожная тяжесть. «Возможно, я мог бы пригласить ее? И представить? Но как?» Только члены семьи по традиции приезжают в Андерли на Рождество, а Лили не член семьи.

«Была бы, если бы стала моей женой».

Он задержался на этой мысли, затем так же быстро отбросил ее в сторону. Лили ясно выразила свое мнение на эту тему и с тех пор не проявляла никаких признаков того, что могла передумать. Кроме того, они ведь просто весело проводят время, получают удовольствие до тех пор, пока чары страсти, под которые они подпали, в конце концов не рассеются.

К следующему месяцу они могут и надоесть друг другу. К ноябрю, возможно, их отношения станут им настолько в тягость, что оба будут рады поскорее расстаться, тогда он со спокойной душой отправится домой на Рождество, и их любовная связь останется не более чем приятным эпизодом, воспоминания о котором будут меркнуть с каждым днем.

Он нахмурился еще сильнее, рука, лежащая на столе, сжалась в кулак. Заставив себя успокоиться, Итан подавил эмоции. Его предположения — это всего лишь домыслы. Осуществятся они или нет — Бог знает. Пока что Лили принадлежит ему, и так будет оставаться до того дня, когда он больше не захочет ее.

А вот что сообщить матери? Он напишет, что планирует остаться в Лондоне еще ненадолго. В конце концов, сын не обязан обсуждать с матерью подробности своей личной жизни.

Мысль о личной жизни напомнила ему о Лили и том факте, что он находится в Андертон-Хаусе с раннего утра. Желая поскорее вернуться к ней, он отложил материнское письмо в сторону. Прочтет его позже.

Отодвинув стул, Итан поднялся.

— Что ж, если мы закончили, я уезжаю. Увидимся через пару дней.

Если у секретаря и было какое-то мнение относительно постоянного отсутствия его работодателя в последнее время или где Итан проводит ночи, он ничем этого не показал.

— Доброго дня, милорд. К вашему возвращению я подготовлю сегодняшнюю корреспонденцию для вашего просмотра.

Кивнув, Итан направился к двери.

Два дня спустя в театре давали «Сон в летнюю ночь». Звучные голоса актеров разносились по всему залу, достигая даже отдельных лож, расположенных на самом верху.

Пока Пан увлекался своими проделками и насмешничал, Лили перевела взгляд с действия, разворачивающегося на сцене, на мужчину, сидящего с ней рядом. Итан держался с изысканным апломбом. Его золотые волосы поблескивали в приглушенном свете затемненного зала, а точеные черты лица была настолько красивы, что у нее буквально дух захватывало.

Словно почувствовав ее пристальное внимание, он чуть повернул голову и встретился с ней взглядом. Глаза его замерцали, а уголки губ приподнялись в медленной, приятной улыбке — интимной, особенной улыбке, которой он улыбался только ей. Кровь быстрее побежала по жилам, тело охватил знакомый покалывающий трепет, который растекался до самых кончиков пальцев рук и ног. Не будь они с Итаном в общественном месте на виду у всех, он, конечно же, поцеловал бы ее. Или она его.

С того времени как они стали близки, она расцвела под его умелыми ласками, больше не сдерживаясь в выражении своих физических желаний, какими бы неожиданными эти желания ни были. Он как-то сказал ей, что между любовниками не должно быть секретов, и когда она

находилась в его объятиях, их не существовало. Каждое прикосновение приносило ей радость. Он научил ее, что в том, что касается любовных утех, не должно быть ничего запретного, если действие доставляет удовольствие обоим. В последнее время ему даже не нужно было дотрагиваться до нее, чтобы пробудить отклик; достаточно было всего лишь взгляда, и она уже томилась по его ласкам.

Он творил свое волшебство и сейчас, обводя ее губы таким взглядом, что покалывающее ощущение пронзило тело насквозь, словно он и в самом деле поцеловал ее.

Потом он вновь устремил взор на сцену, слушая и глядя на актеров, которые плясали и прыгали, забавно дурачились. Зрители хохотали. Итан усмехнулся какой-то шутке, которая только что прозвучала.

Понимая, что тоже должна смотреть спектакль, Лили задержала взгляд на актерам. Однако не прошло и минуты, как ее интерес вновь вернулся к Итану. Нуждаясь в его прикосновении, даже мимолетном, она накрыла рукой его ладонь, лежащую на бедре.

Не отводя глаз от сцены, он перевернул ее руку и сплел их пальцы, крепко и вместе с тем нежно сжав ее ладонь в своей.

Она расслабилась, успокоенная этой непритязательной лаской.

«Я не должна заходить в своих чувствах так далеко, — подумала она. — Мне не следует проводить с ним так много времени. Но он мне нравится, и я не знаю, что с этим поделать. За всю свою жизнь я еще никогда не была такой довольной... и, да, я могу это признать — такой счастливой».

Когда их отношения только начинались, она не ожидала, что эта связь продлится дольше чем несколько недель в лучшем случае. Он мужчина опытный, и она, разумеется, не первая женщина,делящая с ним постель. Она полагала, что он устанет от нее, а она от него.

Но этого не случилось. Совсем наоборот. Вместо того чтобы породить в конечном счете скуку, апатию, усталость, время, проводимое вместе, лишь делало их ближе; чем больше они узнавали друг о друге, тем глубже становилась взаимная симпатия, тем крепче привязанность. По крайней мере она чувствовала именно это.

Ее любимым временем дня было утро, когда она просыпалась и обнаруживала, что его руки обнимают ее и им обоим тепло и уютно под одеялом. Потом она лежала на животе в постели и наблюдала, как он бреется, в восторге от этого мужского ритуала, когда он сбрасывал отросшую за ночь щетину со щек уверенными движениями, которые она находила восхитительным.

В последние две недели они стали завтракать вместе, беседуя над тарелками с яичницей и гренками, как супружеская пара. Только они не муж и жена и вряд ли когда будут ими.

«Долго ли это продлится? — задавалась она вопросом. — И как долго я сама хочу, чтобы это длилось?»

Внутренний голос прошептал «всегда», но она безжалостно заглушила его.

«Я в него не влюблюсь. Не позволю себе».

Мать любила отца, и куда привело ее это чувство? Не то чтобы Итан хоть в чем-то походил на ее отца. Вообще-то она не замечала в его поведении ни малейшей склонности к странствиям по

свету. Итан скорее домосед, и это неплохо. Но он мужчина, а мужчины имеют обыкновение разочаровывать женщин. Лили не хотела быть разочарованной, как и не имела желаний остаться с разбитым сердцем.

Если б она была умнее, то скорее всего уже давно разорвала бы их отношения. Она и так уже переходила границы благоразумия, постоянно рискуя обнаружить, что беременна. Сразу после потери девственности она забеспокоилась о возможных последствиях, но когда месячные пришли вовремя, поняла, что ей повезло. Конечно, это не остановило ее, и она позволила Итану соблазнить ее снова, как и не удержало от согласия стать его любовницей. Вскоре, однако, она поняла, что должна принять меры предосторожности.

Она собиралась было пойти к Давине за советом, но не могла представить, как будет обсуждать такой интимный вопрос даже с подругой. Потом она подумала о Джулианне, но быстро отогнала эту идею, почувствовав неловкость от одной лишь мысли обсуждать противозачаточные средства с беременной женщиной, тем более что Итан — друг семьи Пендрагонов.

В конце концов она решила обратиться к первоисточнику и обговорить этот вопрос с Итаном. Именно от него она может забеременеть, посему казалось вполне разумным, чтобы он и позаботился о мерах предосторожности. Ее расспросы, сопровождаемые густой краской неловкости, он воспринял со спокойной сдержанностью, извинившись, что сам не поднял этот вопрос. «Французские письма», сказал он, самые ненадежные, поскольку, как говорится, они не более чем преграда для удовольствия и паутина против беременности. Что касается заблаговременного выхода, то двое его приятелей уверяли, что добросовестно применяют этот метод, но в результате произвели на свет не одного незапланированного ребенка. Травяной настой, предотвращающий беременность, будет лучше всего, решил он, и, конечно, нужна осмотрительность с их стороны в определенные дни месяца.

Через два дня он прибыл с обещанным средством — горькой настойкой, которую следовало обязательно принимать каждое утро. Приготовившая ее старая знахарка уверяла, что это самое надежное средство предохранения от беременности.

Пока что это подтверждалось.

Тем не менее любовная связь Лили с Итаном была делом рискованным, и не только из-за беременности. Хоть они и продолжали делать вид, что у каждого своя жизнь, Итан практически не покидал ее. Он заезжал в Андертон-Хаус только по делам и почти не бывал в клубах, предпочитая проводить вечера с ней. Он утверждал, что в «Бруксе» или «Уайтсе» в эти дни почти никого нет, но она знала, что дело отнюдь не в этом.

Правда, на этой неделе они посетили оперу и побывали на лекции по орнитологии, которая, по его мнению, должна была ей понравиться, а сегодня вот восторгаются Шекспиром.

Ей все это нравилось, но еще больше она обожала предвкушать, как потом они с Итаном поедут домой, где проведут ночь в объятиях друг друга, даже если решат не заниматься любовью.

Сидя сейчас с ним рядом, когда рука ее уютно покоилась в его руке, Лили вновь задалась вопросом, что же все-таки она делает.

Влюбляется?

Эта вполне реальная вероятность того, что она может отдать ему свое сердце, пугала ее

больше всего. А ведь если говорить правду, то она уже на полпути к этому.

«Но почему надо обязательно влюбляться? — спрашивала она себя. — Мы с Итаном всего лишь приятно проводим время друг с другом. Еще несколько недель удовольствия, и наши отношения сойдут на нет».

А когда их связь закончится?

Она резко вздохнула, словно ее ударили в грудь, тихий, произвольный возглас сорвался с губ.

Итан повернулся к ней и вопросительно вскинул бровь.

— Все в порядке? — прошептал он.

Встретившись с ним взглядом, она заставила себя улыбнуться:

— Все чудесно.

«И это так, — подумала она, — по крайней мере пока».

Глава 16

За окном комнаты для завтраков в доме Лили парочка рыжих кленовых листьев гонялись друг за другом в прозрачном и холодном октябрьском воздухе. Сосредоточенный на утренней трапезе, Итан не обратил внимания, какой из листьев приземлился первым, вонзив зубы в треугольник хрустящего, золотистого гренка. Сидящая напротив него за обеденным столом Лили сломала красную восковую печать на письме, которое было только что доставлено.

— О, какая чудесная новость! — воскликнула она. — Рейф пишет, что Джулианна родила ребенка, девочку, как и надеялась. — Она на мгновение замолчала, улыбка заиграла на ее хорошеньких губках. — Роды прошли успешно, намного легче первых, и ребенок, и мама чувствуют себя прекрасно.

— Замечательно, — согласился Итан, беря нож с вилкой, чтобы отрезать кусочек ветчины. — Как же они ее назвали?

Лили покачала головой:

— Похоже, пока никак. Они все еще решают и сузили выбор до трех имен.

— Ну, если только это не Харриет, у меня нет никаких возражений.

Под столом Мозер потерял о его ногу. Взглянув вниз, Итан встретился с парой зеленых кошачьих глаз. Маленький кирпично-розовый нос и черные усы животного подергивались от соблазнительного запаха ветчины и бекона. Кот недвусмысленно требовал своей доли. Отрезав щедрый кусок ветчины, Итан бросил его на ковер и был тут же вознагражден громким урчанием.

— А что, скажи на милость, ты имеешь против Харриет? — любопытствовала Лили, кладя письмо рядом с тарелкой.

— Это имя кузины, которая, бывало, мучила меня в детстве, — объяснил он. — Всякий раз, приезжая в гости, она заставляла меня носить какую-нибудь нелепую шапку, которую собственноручно сшила. Однажды она вышила на этой штуковине незабудки! — Он закатил глаза. — Ну что это за подарок для восьмилетнего мальчишки, спрашиваю я тебя? Единственным утешением было то, что братьям приходилось носить такие же головные уборы. — Медленная улыбка растянула его губы, когда он продолжил воспоминания: — Артур особенно ненавидел свою шапку, утверждая, что она унижает его достоинство как наследника. Мама, впрочем, не желала слышать ни слова возражений, заставляя и его, и всех остальных носить эти проклятые шапки, дабы не оскорбить нежные чувства кузины Харриет.

— Ее можно понять, — со смешком заметила Лили. — Вероятно, кузина тратила несметное количество времени, изготавливая эти «подарки», и необыкновенно гордилась своими усилиями. Догадываюсь, что она была бы убита горем, если бы поняла, что они вам не нравятся.

— Да она знала! Но ей доставляло удовольствие видеть, как мы страдаем, — закончил он полушутя, полусерьезно.

Лили поднесла чашку ко рту в тот момент, когда из-под стола послышалось просительное мяуканье. После небольшой паузы Итан отрезал еще один кусочек ветчины. Лили бросила на него укоризненный взгляд:

— Ты только балуешь кота. Если будешь продолжать в том же духе, он совсем перестанет ловить мышей.

— Бросит свое любимое развлечение? Никогда! Но ты права. Мозер слишком разбалован.

Когда она потянулась за баночкой с медом, Итан воспользовался моментом, чтобы бросить коту последний кусочек. Вскинув глаза, он заметил, что Лили наблюдает.

Она покачала головой, но не сказала ни слова.

— А знаешь, — вдруг заявила она, — хотела бы я взглянуть на одну из этих шапок.

Итан разрезал оставшейся ломтик ветчины надвое и съел половину.

— Как ни странно, но это, наверное, возможно. Мама хранит все, что мы носили детьми. Когда Артур и Фредерик умерли, она распорядилась сохранить все их вещи, хотя для чего, не представляю. Старый хлам, кому он нужен?

Протянув руку, она накрыла его ладонь своей и успокаивающе сжала.

— Тебе трудно без них?

Ее слова были продиктованы личным опытом. Да и как могло быть иначе, когда она знает, что такое боль утраты?.. Итан вздохнул и отложил вилку.

— Они были моими братьями. Конечно, я скучаю по ним. Как и ты скучаешь по своим родителям и мужу.

Ее ресницы опустились. Крошечная морщинка прорезала гладкий лоб.

— Разумеется.

Убрав свою руку, она на мгновение замешкалась, прежде чем вернуться к завтраку. Съела кусочек ветчины и омлета, который, должно быть, уже немного остыл.

Последовав ее примеру, он доел тост. Покончив с едой, она взяла чайник и наполнила обе чашки.

— Ты никогда не говоришь о нем, — пробормотал Итан, высказав вслух мысль, которая не давала ему покоя, как больной зуб, последние несколько недель.

Чайник дрогнул в ее руке, прежде чем она поместила его под стеганный чехол.

— О ком?

— О своем муже. Если ты думаешь, что я ревную, то ты ошибаешься. Я понимаю, что он был частью твоей жизни, также как мои братья были частью моей.

Ее взгляд опустился на скатерть. Она медленно взяла свою чашку и сделала неторопливый глоток, прежде чем с легким стуком поставить ее на блюде.

Он попытался прочесть выражение ее лица, но не смог: она была сдержанной и задумчивой.

— Спасибо, Итан, — пробормотала она, — это очень великодушно с твоей стороны.

Он ждал от Лили каких-то откровений, но она откусила еще кусочек гренка, затем приложила салфетку к губам.

Минуту спустя в комнату вошел лакей и по сигналу хозяйки начал убирать со стола.

Итану хотелось продолжить расспрашивать ее. Он ощутил необходимость лучше понять мужчину, который играл такую важную роль в ее жизни. До недавнего времени ею вполне устраивало общаться, не вдаваясь в обсуждение прошлого их обоих, и все же призрак ее покойного мужа стоял между ними. Воспоминания о нем оставались невысказанными, но тем не менее Лили, конечно, помнит его.

Итан знал имя мужчины — Джон Смайт — и то, что он был младшим офицером, который погиб, служа стране, в битве при Виттории. Помимо этого, Итану не было известно ровным счетом ничего о своем призрачном сопернике: как он выглядел, какого роста был, откуда родом, что любил, а что нет; как познакомился и женился на Лили?..

Он полагал, что она любила своего мужа, однако она никогда не упоминала о нем, даже в каком-нибудь случайно оброненном замечании.

Почему?

Потому ли, что ее жизнь с Джоном Смайтом была такой недолгой, что подробности уже начинали тускнеть и меркнуть? Или от того, что боль от его потери была все еще слишком остра и погребена слишком глубоко, чтобы вытаскивать ее наружу, не сломав барьер, который она возвела вокруг себя?

А барьер между ними она действительно сохраняет — тонкая, почти прозрачная стена, как стекло, сквозь которое он видит, но дотронуться не может. Возможно, это эгоизм с его стороны, но он хочет большего. Хочет ее. Всю, целиком. Разумом, телом и душой.

«Что она скрывает и почему не рассказывает мне?» Если б он знал, что, встряхнув ее, добьется

ответов, то, наверное, так бы и поступил. Но Лили — самая независимая женщина, с которой он когда-либо встречался, и ничто не заставит ее открыть то, что она не хочет открывать. Посему придется задействовать какие-то другие средства. Каковы они, ему еще надо подумать.

А пока он хочет, чтобы она не думала о Джоне Смайте и сосредоточилась на нем.

Лакей ушел, а вместе с ним и Мозер, который отправился вслед за слугой, не сомневаясь, что на кухне его дополнительно угостят чем-нибудь вкусненьким.

Как только они ушли, Лили встала. Он знал, что сегодня днем она собирается проехаться по магазинам, а перед выходом из дома ей необходимо переменить утреннее платье на дневное.

Она уже собиралась извиниться, когда Итан отодвинул свой стул и протянул руку, мягко обхватив пальцами ее запястье.

— Иди сюда, — пробормотал он.

— Итан! — воскликнула она. — Что ты делаешь?

Он усмехнулся и потянул ее к себе на колени.

— Просто хочу поцеловать тебя.

— И это все? — Она подарила ему улыбку, которая была столь же дразнящей, сколь и укоризненной, и, наклонившись, быстро чмокнула его в губы.

Он сомкнул руки у нее на спине.

— Это не поцелуй. Тебе придется постараться получше.

— В самом деле?

— А почему бы и нет? Поцелуй меня, да пусть твой язычок не скупится на ласки.

Ее глаза широко распахнулись, и она рассмеялась:

— Ты бесстыдник.

— И тебе это нравится.

Она прижалась к нему, бросив взгляд на дверь.

— А как быть со слугами? Кто-нибудь может войти.

— Как войдут, так и выйдут. Думаю, к этому времени твои слуги уже догадались, чем мы с тобой занимаемся. А теперь перестань болтать и приступай к делу. — Ладонью он слегка шлепнул ее по заду.

Она вздохнула, затем расслабилась и обвила его руками за шею. Мгновение спустя рот ее прильнул к его губам, целуя так пылко, что у него гулко забилося сердце.

Закрыв глаза, он отдался удовольствию. Губы ее были сладкими и пьянящими, как вино. Усердно работая своим проворным язычком, она более чем удовлетворила его требование, заставив кровь быстро и бурно побежать по жилам.

Когда он наконец оторвался, то был весь как в огне. Встретившись с ее взглядом, отметил мечтательный блеск желаяния, мерцающий в ее изумрудных глазах, легкую улыбку на розовых губах, пылающие нежным румянцем щеки.

Он подумал было овладеть ею прямо здесь и уже готов был сделать это, несмотря на то что они находились в столовой, когда она наклонилась ближе и скользнула ртом по его щеке.

Блаженный трепет пробежал по его телу.

— Отведи меня в нашу постель, Итан, — прошептала она. — Люби меня там, где мы будем одни.

При ее словах что-то сместилось у него в области сердца, и это ощущение не имело ничего общего со страстью. Любить ее? Вопрос породил в равных долях беспокойство и бурную радость.

«Люблю ли я Лили?»

В этот момент он осознал, что если бы позволил себе, то мог бы любить ее с такой силой, которая либо вознесла его на невысказанные высоты, либо ввергла в черную пучину отчаяния.

«А если она не любит или, что страшнее, не хочет полюбить меня?»

Сейчас он не станет думать об этом, предостерег он себя, стряхивая тревожные мысли. То, что есть у них с Лили, хорошо, даже слишком хорошо. Зачем мутить воду тревожащими вопросами и сомнениями?

Надо радоваться настоящему. Наслаждаться тем, что она здесь, в его объятиях, просит отвести ее в постель — их постель.

— Да, — сказал он, ставя ее на ноги, — идем туда, где мы будем одни, только вдвоем.

Обвив рукой за талию, он повел ее из столовой.

Итан пригнул голову, чтобы не стукнуться о притолоку, когда два дня спустя входил в низкую дверь одной лондонской таверны. Приостановившись на пороге, обежал взглядом посетителей — простых клерков и правительственных чиновников, которые пришли сюда пообедать и немного отдохнуть, прежде чем возвращаться к своим обязанностям.

Комната была тусклой, освещенной лишь лучом света, проникающим через узкие окна, отбрасывая равные полосы света и тени. Вглядевшись, повнимательнее, он заметил предмет своих поисков: мужчину с песочного цвета волосами, немногим старше его самого. Худощавый молодой человек сидел в дальнем углу за маленьким обеденным столом, и у его локтя лежала открытая книга в кожаном переплете. Итан понаблюдал, как его старый друг съел кусочек чего-то похожего на мясной пирог, потом перевернул страницу и продолжил читать.

Бесшумно приблизившись, Итан сел на стул напротив.

— А ты не из тех, кого легко найти, ты это знаешь? Мужчина с песочными волосами вздрогнул и вскинул глаза. С легким стуком положил вилку на оловянную тарелку.

— Разрази тебя гром, Весси, нельзя так подкрадываться к человеку, особенно когда он ест. Из-за тебя запросто мог бы подавиться. Твои способности бесшумно продвигаться следовало

применять в разведке во время войны.

— Я выполнял, насколько я помню, несколько интересных заданий без необходимости поступать на службу. Как тебе прекрасно известно, у меня титул, и я не имел права рисковать жизнью. Моя мать уже потеряла двух сыновей, и я не мог допустить, чтобы она потеряла и третьего.

Росс махнул рукой и отправил в рот еще кусок пирога.

— Что правда, то правда. — Подняв кружку с элем, он сделал несколько больших глотков, затем поставил ее, взял салфетку и вытер губы. — Итак, что же привело тебя в этот уголок Уайтхолла? И если уж на то пошло, что ты вообще делаешь в Лондоне? Разве ты сейчас не должен охотиться на фазанов или на кого-то там еще?

— То же самое я мог бы спросить и у тебя, но, полагаю, дела министерства иностранных дел на первом месте.

— Верно замечено. Так чего же ты хочешь? — Росс отклонил спинку стула назад.

— А разве я обязательно должен чего-то хотеть? — спросил Итан с напусковой наивностью.

Росс громко фыркнул:

— Ладно, не дури. Ведь ты не зря прислал записку, приглашая меня на обед. Давай выкладывай.

Улыбнувшись, Итан наклонился вперед.

— Есть один человек, армейский офицер, о котором я хотел бы получить некоторую информацию. Надеюсь, ты сможешь помочь.

— Почему бы тебе не пойти в штаб полка и не выяснить самому?

— Этот человек убит. Полагаю, тебе будет легче получить доступ к его документам. — Итан потер большим пальцем золотую пуговицу своего жилета. — К тому же тут есть еще и личный интерес, и я бы хотел сохранить все в тайне. Ты тот человек, которому я могу доверять.

Росс гортанно рассмеялся, придвигая свой стул вперед.

— Не похоже, чтобы задача была слишком сложной. Посмотрю, что можно сделать. — Сунув руку внутрь сюртука, он вытащил тонкий серебряный футляр, в котором лежали бумага и маленький карандаш. — Ну, как зовут парня?

— Джон Смайт, — ответил Итан, продиктовав по буквам, чтобы исключить ошибку.

— Звание?

Итан нахмурился, поняв, что не знает.

— Я не уверен. Думаю, лейтенант или капитан.

— Род войск?

— Он служил в пехоте, убит в битве при Виттории. Помимо этого, мне ничего не известно. Его

вдова родом из Корнуолла, поэтому, возможно, тридцать второй пехотный полк, хотя я не исключаю, что он купил патент где-то совсем в другом месте.

Карандаш Росса на мгновение замер, серые глаза заинтригованно заблестели.

— Как я понимаю, ты в последнее время встречаешься с некоей хорошенькой молодой вдовой. Она, случайно, не жена этого парня, а?

— Просто узнай что сможешь, и я буду тебе благодарен. — Итан протянул руку.

Росс взял протянутую руку и пожал ее.

— Ну что ж, оставляю тебя твоей книге и трапезе, — сказал Итан, поднимаясь. — В ближайшее время нам надо будет как-нибудь встретиться и пообедать.

— С нетерпением жду этого события.

Кивнув, Итан вышел на улицу и влился в послеобеденную толпу.

Глава 17

Лили была очень рада, когда несколько дней спустя они с Итаном посетили ярмарку, проводимую в одном из лондонских предместий. Как будто какой-нибудь маленький город в одночасье вырос из земли: дюжины фермеров, торговцев и продавцов образовали ряды самодельных улочек, предлагая свои товары, музыканты играли, жонглеры и мимы развлекали, а зазывалы громко выкрикивали в попытке привлечь любопытных и излишне доверчивых. Пряные запахи трав и яблок смешивались с тяжелыми ароматами жарящегося мяса, кислого эля и изрядного количества немых тел.

Зная, что на попечении Итана она в безопасности, Лили не обращала внимания на сборища полупьяных мужчин, мимо которых они проходили, как и не замечала время от времени попадающихся типов с жестким взглядом, которые шныряли в толпе в надежде стащить кошелек или часы у их ничего не подозревающих владельцев. Она знала, что Итан умеет ловко избегать подобных сомнительных личностей.

— Угощайся, — предложила она, протягивая маленький кулек из коричневой бумаги с миндалем в сахаре, который Итан купил для нее. — Невероятно вкусно.

— Ничуть не сомневаюсь, — поддразнил он, — учитывая, сколько ты их уже слопала.

— Если ты намерен упрекать меня, больше ничего не получишь, — ответила она с наигранной обидой.

Примирительно подмигивая, Итан сунул руку в кулек и бросил парочку конфет в рот.

— Да, довольно вкусно, — согласился он, снова потянувшись к кульку.

Она игриво убрала его.

— Скажи «пожалуйста». Иначе все это мое.

— Хочешь заставить меня умолять, да? — Он встретился с ее взглядом. — Ну хорошо.

Пожалуйста, можно мне еще?

Она заморгала, несколько удивленная таким легким согласием.

— Конечно, раз ты так любезно попросил.

Однако вместо того, чтобы сунуть руку в кулек, он обвил ее рукой за талию и тесно прижал к своему бедру, приблизив рот к уху.

— Ты ведь понимаешь, что теперь я вправе потребовать от тебя ответной любезности.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Лили.

— Только то, что я уж позабочусь, чтобы ты умоляла меня, — прошептал он хрипло. — Возможно, я сделаю это сегодня же вечером. В постели, полагаю. Мне доставит огромное удовольствие удерживать тебя балансирующей на краю желания до тех пор, пока ты не станешь в буквальном смысле умолять удовлетворить тебя. Я прямо слышу, как ты кричишь: «Пожалуйста, Итан, пожалуйста!»

Стрела горячего желания ударила ее в живот, тепло, растекающееся по ней, не имело никакого отношения к солнцу, заливая щеки предательским румянцем.

— Ты... ты... — только и сумела вымолвить она.

Он снова подмигнул ей, на этот раз лукаво, без слов обещая, что сделает именно то, что сказал.

Во рту у нее пересохло, телу стало жарко.

Рассмеявшись, он убрал ладонь с талии и снова положил ее руку в изгиб своего локтя. Потянувшись к кульку с орехами, вытащил горсть и повел ее дальше, вдоль импровизированных торговых рядов.

Пока они шли неторопливым, прогулочным шагом, Лили, силясь восстановить самообладание, украдкой взглянула на Итана сквозь ресницы и обнаружила, что тот преспокойно жует засахаренный миндаль, как будто не он только что нашептывал ей на ухо похотливые намеки. Самообладание наконец вернулось к ней, а пульс успокоился к тому времени, когда они остановились посмотреть на представления с животными.

Трио маленьких собачек в клоунских шляпках в красно-оранжевую клетку и в крошечных пелеринках того же цвета плясало на тоненьких ножках. Медленно кружась, они тявкали и подпрыгивали под энергичные команды своего хозяина. Они с Итаном смеялись и хлопали вместе с толпой, в восторге от этого забавного зрелища. Следующим выступал квартет кошек, каждая из которых ходила по натянутой веревке и прыгала через подвешенные горящие обручи. Когда представление закончилось, послышались одобрительные возгласы, и Итан бросил несколько монет в шляпу артиста.

Потом они бродили по ярмарке, останавливаясь, чтобы купить то горячих пирожков с мясом, то холодного сидра. Покончив с едой, они сели на одну из скамеек, установленных перед шатром бродячих артистов, и стали смотреть утрированный, но все же живой и веселый комедийный фарс, где звучали довольно едкие шутки в адрес власть имущих, причем некоторые были нацелены на самого принца-регента. Итан, заметила она, ничуть не был оскорблен и вместе со всеми смеялся над остротами, которые, следовало признать, были

довольно забавными.

Представление близилось к концу, когда ее внимание привлекла внезапная вспышка света, как блеск металла, отражающего солнце. Оглядевшись, она заметила человека, стоящего перед ближайшей торговой тележкой, спиной к ней. Коренастый, с толстой шеей, он походил на быка; из-под бобровой шляпы выглядывали плохо подстриженные черные волосы, а судя по покрою одежды, он принадлежал к джентри. [4]

Дрожь пробежала у нее под кожей — что-то в нем показалось ей знакомым. Он напоминал ей... Эдгара Фейлора.

Во рту у нее вдруг пересохло, сердце заколотилось с такой силой, что она слышала, как быстрые удары отдаются в ушах. Конечно же, это не он. Разумеется, мужчина, которого она видела, не Фейлор, а кто-то другой, имеющий некоторое сходство с тем негодяем, за которого отчим когда-то хотел выдать ее замуж.

Съездившись на скамейке, она прильнула поближе к Итану, закрыв глаза, словно пыталась найти утешение в его успокаивающем тепле и силе, ибо ей внезапно сделалось холодно.

«Это не он, — заверяла она себя. — Настоящий Фейлор за сотни миль отсюда, в Корнуолле, а не здесь, на этой импровизированной ярмарке в предместье Лондона. Это не он! О Боже, пусть это будет не он».

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она набралась смелости взглянуть на мужчину еще раз. Медленно, осторожно, чтобы как можно большая часть лица была прикрыта полями шляпки, она наконец заставила себя посмотреть.

Кряжистый тип исчез.

Она поспешно оглядела ближайшую толпу, ища его взглядом, но не было никого хотя бы отдаленно похожего. Кто бы ни был этот субъект, он как сквозь землю провалился.

«Наверное, мне просто померещился человек, похожий на сквайра», — подумала она. Как бы там ни было, по крайней мере этот тип не оборачивался и не видел ее. Она по-прежнему в безопасности.

Когда она повернулась назад, увидела озабоченное лицо Итана.

— Лили, что случилось? Ты бледная как мел.

— Все х-хорошо. Я...

Она хотела рассказать ему, но не смогла. Признаться в своей тревоге из-за Эдгара Фейлора — значит открыть ему все... все ее секреты, весь обман. Как Итан отреагирует, если узнает правду?

вернуться

4

Нетитулованное мелкопоместное дворянство.

Он сжал ее руки.

— Пальцы как лед. Ты не заболела?

Понимая, что нужно как-то объяснить свое поведение, она ухватилась за этот предлог.

— Извини, но похоже на то. Думаю, мне сейчас лучше поехать домой.

— Конечно, мы сейчас же едем. Ты можешь идти? Боже правый, подумала она, осознав, что он понес бы ее, вырази она такое желание. Сердце ее перевернулось в груди, тепло растеклось по телу от его доброты и заботы. И еще одно чувство зашевелилось у нее в душе — чувство, которому она не осмеливалась дать определение.

— Поторопись, — пробормотала она. — Поехали, Итан. Отвези меня домой.

«Болезнь» Лили недолго длилась — теплая ванна, легкая трапеза и ночь, проведенная в успокаивающем тепле объятий Итана, прогнали прочь худшие из ее страхов.

К завтраку следующим утром она убедила себя, что, должно быть, обозналась. Тот мужчина чем-то похож на Фейлора, это так, но не более. В Англии наверняка найдется немало кряжистых, темноволосых мужчин с бычьей шеей, доказывала она себе. Фейлор не один такой. Лили решила, что поспешила с выводами, позволив тревоге затмить здравый смысл. Мужчина на ярмарке был просто незнакомец, и она хорошо сделает, если выбросит этот случай из головы.

Так она и поступила, позволив Итану, который все еще беспокоился, что она могла простудиться, продолжать опекать ее. Она согласилась на его предложение остаться дома и полежать на диване. Когда Лили отказалась подремать днем, он принес колоду карт, и они весело провели время за игрой в пикет. Она выиграла, хотя подозревала, что Итан время от времени нарочно поддавался.

Он остался на ранний обед, состоявший из жареной курицы, рассыпчатого риса и овощного рагу. На десерт повариха испекла яблочный пирог, который подавался со взбитыми сливками.

После обеда они удалились в ее гостиную, где вместе сидели в широком уютном кресле перед камином. Выбрав книгу, Итан читал ей, и его глубокий мелодичный голос убаюкал ее до сладкой, расслабленной полудремы.

Лили парила на легком облаке, полуприкрыв глаза, когда Итан отложил книгу и понес ее на кровать. Он раздел ее, потом себя, такой приятно теплый, когда лег с ней рядом и накрыл их обоих одеялом.

Спустя какое-то время глаза ее открылись, и она обнаружила, что комната погружена в темноту, а последние золотистые угольки догорают в камине. Она повернулась и потеснее придвинулась к Итану, наслаждаясь ощущением его близости. Вдыхая терпкий, мускусный запах, потерлась щекой о его грудь, потом прижалась к этому месту губами.

Спустя несколько секунд он проснулся, расслабленно скользнув ладонью по ее обнаженной спине.

— М-м, — пробормотал он, — ты хорошо себя чувствуешь? Почему не спишь?

— Не знаю. Просто проснулась. Что до другого, я чувствую себя прекрасно. — Более чем прекрасно, подумала она, водя губами по его щеке. И почувствовала, как в нем пробуждается страсть, точно так же, как уже пробудилась в ней.

Погрузив пальцы ей в волосы, он обхватил голову и завладел ее ртом в поцелуе, который был теплым, медленным и мучительно сладостным. Вздох наслаждения слетел с ее губ, а за ним протестующий стон, когда он слегка отстранился.

— Голова не болит? — спросил он, массируя кожу там, где рука все еще держала ее.

— Нет, — отозвалась она тихим шепотом.

— А горло?

Она улыbnулась и покачала головой:

— Ничуточки.

— Ну, если ты здорова...

Сильными руками он обхватил ее за бедра и уложил на себя. Без прелюдии раздвинул ее ноги так, чтобы они естественным образом обвилились вокруг него; затем гибким движением скользнул в нее.

Она закусила губу, ощутив эту великолепную наполненность, тело ее тут же стало влажным и готовым к его обладанию. Но он вел их любовную игру не спеша, овладевая ею с нежностью, которая сама по себе была восторгом. Она даже не поняла, что ее вершина близко, пока кульминация не нахлынула на нее, радость не взорвалась, растекаясь по всему телу, горячая и сладкая как мед, делая руки и ноги слабыми и безвольными.

На трепетном вздохе она крепко обнимала его, раскачиваясь вместе с ним, пока он не нашел свое освобождение. Его вскрик наслаждения вызвал у нее улыбку, явный восторг был бальзамом для слуха. Безвольно лежа на нем, она понимала, что нет иного места, кроме его объятий, где бы она предпочитала находиться. Нет другого мужчины, с которым она хотела бы быть рядом. Никогда.

Любовь ворвалась в ее сердце — любовь, которую она не должна была испытывать, которой не хотела, но все же не могла больше отрицать. Закрыв глаза, она прильнула к нему, спрятав лицо в теплом упругом изгибе шеи.

— Что такое? — пробормотал он, спустя несколько мгновений.

Слова едва не сорвались с губ, но она их удержала, не в силах произнести, а может, не желая сказать вслух то, что только что обнаружила.

«Я люблю тебя, — подумала она, — и не знаю, что с этим делать».

Покачав головой, она промолчала, поцеловав в шею и щеку, прежде чем снова затихнуть.

— Спи, — сказал он, проводя рукой по волосам успокаивающими движениями.

Послушавшись, она так и сделала.

На следующий день Итан вошел в Андертон-Хаус, планируя встретиться со своим секретарем и решить кое-какие неотложные вопросы. Когда все насущные дела будут улажены, он намеревался пойти наверх в свои комнаты и переодеться в вечерний костюм, поскольку они с Лили идут сегодня в театр.

Сегодня утром за завтраком Лили была какой-то необычно притихшей. Он предложил отменить поход в театр и снова остаться вечером дома. Но ее улыбка и заверения вскоре убедили его, что все в порядке.

— И слышать не хочу, чтобы пропустить сегодняшней спектакль, — сказала она, нежно и чуть капризно улыбнувшись ему еще ослепительнее прежнего.

И все же он недоумевал по поводу ее переменчивого настроения. На ярмарке случилось что-то нехорошее, хотя он не мог взять в толк, что это могло быть, учитывая, что она не отходила от него ни на шаг.

Сначала он полагал, что она заболела. Однако позже начал задаваться вопросом, не было ли причиной ее реакции что-то другое. Несколько раз вчера он ненавязчиво пытался добиться от нее ответов, но она отметала его попытки. Решив, что отдых ей нужен больше, чем выяснение отношений, он оставил эту тему. Возможно, ей всего-навсего немножко нездоровится, а ему просто мерещится беда там, где ее нет и в помине.

Сейчас, кивнув Уайту, своему дворецкому, он вручил тому шляпу и пальто и направился через мраморный холл к коридору, ведущему в сторону кабинета. Он сделал всего несколько шагов, когда дворецкий заговорил, заставив его резко остановиться.

— Милорд, — окликнул его Уайт, — с вашего позволения, думаю, мне следует упомянуть, что вдовствующая маркиза в резиденции.

Итан резко развернулся.

— Моя мать здесь? И давно она приехала?

— Два дня назад, милорд. Мы ожидали вас вчера, поэтому я не послал записки.

Итан вспомнил, что вчера действительно собирался заехать домой, но когда Лили как будто нездоровилось, он передумал.

— Не беспокойтесь, Уайт. Где она сейчас?

— Она в гостиной, — раздался тихий, хорошо поставленный женский голос с балюстрады второго этажа.

Обернувшись, Итан запрокинул голову и посмотрел вверх, встретившись со взглядом голубых глаз матери, стоявшей на лестничной площадке.

— Здравствуй, мама.

Она улыбнулась:

— Здравствуй, дорогой. Мне показалось, я услышала твой голос и пришла проверить. Похоже, я была права. Я пью чай в семейной гостиной. Почему бы тебе не подняться и не присоединиться ко мне?

Итан на мгновение заколебался, затем, решив, что сумеет выделить несколько минут, направился к лестнице. Если не терять времени, то он сможет посидеть с матерью, встретиться с секретарем, переодеться и не опоздать на встречу с Лили.

— Еще чаю, будьте так любезны, Уайт, — обратилась маркиза к дворецкому. — И тех булочек и лимонных кексов, которые так любит его светлость.

— Сию минуту, миледи. — Дворецкий поклонился и удалился выполнять ее просьбу.

Когда Итан поднялся на лестничную площадку, мать раскрыла руки для объятия.

— Иди и поцелуй меня.

Подойдя, он наклонился и прижался губами к пахнувшей фиалками щеке, мимоходом отметив, что в ее замысловато уложенных белокурых волосах появилось еще несколько седых прядей, а вокруг рта образовались новые морщинки. И все же, несмотря на то, что вдовствующая маркиза уже несколько лет как перешла рубеж среднего возраста, она оставалась весьма привлекательной женщиной — стройной и элегантной, с глазами, в которых, как всегда, светились ум и мудрость.

— Тебе надо было сообщить мне, что приезжаешь в Лондон, мама, — сказал Итан, когда они шли по коридору к гостиной. — Тогда я непременно был бы дома, чтобы встретить тебя.

— Я бы и написала, если бы не было сомнения, что не застаю тебя, когда я приеду. — Он без труда уловил в ее словах скрытое порицание.

Сев напротив него, она взяла чашку и налила ему чаю. Секунду спустя раздался легкий стук в дверь.

— А вот и сладости, — объявила маркиза.

После того как служанка поставила на столик серебряный поднос и закрыла за собой дверь, мать обратилась к нему.

— Итак, мы говорили о том, — продолжила она, протягивая ему тарелку с булочками и кексами, — что я была удивлена, не обнаружив тебя дома. Возможно, ты куда-то уезжал, поскольку не соизволил приехать в Андерли этим летом...

Решив не играть в игры, он отставил нетронутую тарелку в сторону.

— Нет, я все время был здесь, как тебе наверняка прекрасно известно.

Он встретилась с ним взглядом.

— Ты прав. Если уж совсем начистоту, я слышала слухи, которые дошли даже до нашей суффолкской глуши.

Он воздержался от замечания, что Суффолк едва ли можно назвать глушью.

— Да? — Он вскинул бровь. — И что же это за слухи? Изящные брови вдовствующей маркизы сошлись к переносице.

— Что ты живешь в Лондоне с неким рыжеволосым созданием, вдовой, которая явно околдовала тебя.

Его голос сделался твердым.

— Лили не «создание», и я не хочу, чтобы ты говорила о ней в подобном тоне.

Мать приложила ладонь к груди, словно была шокирована.

— Так ее зовут Лили? Я цеплялась за осколок надежды, что слухи ложные, но вижу, что ты даже не пытаешься их отрицать. Хотя мне очень больно это говорить, Итан, но ты ведешь себя неправильно.

— В самом деле? — сказал он холодным голосом, постукивая указательным пальцем по подлокотнику кресла. — Не думаю, что мои личные дела касаются кого-нибудь еще, кроме меня.

— Я бы согласилась, и мне не совсем ловко поднимать эту тему. — Опустив взгляд, она на некоторое время заколебалась. — Я понимаю, что мужчины частенько имеют любовниц и общество к этому снисходительно. Однако большинство джентльменов весьма осмотрительны в своих отношениях с такого рода женщинами. Они не игнорируют условности, переселяясь из своих фамильных домов и проводя все свое время в каком-то сомнительном любовном гнездышке.

— Городской дом миссис Смайт вполне респектабелен, и едва ли его можно назвать «любовным гнездышком». И хотя я бываю здесь не так часто, как раньше, я не переселился из Андертон-Хауса.

Впрочем, фактически переселился, не так ли? — признался он самому себе. Он теперь редко бывал дома, и то лишь затем, чтобы решить какие-нибудь хозяйственные и деловые вопросы. В сущности, он не мог припомнить, когда в последний раз спал в своей постели. Учитывая его отсутствие и тот факт, что мать провела последние две ночи в доме одна, он понимал, почему она предположила, что он фактически переселился к Лили. Он также понимал, что мать права в оценке светских правил. Но почему, в конце концов, он должен слепо подчиняться им? «К черту общество, — подумал он, — я хочу быть с Лили, и я буду с ней»

И все же как быть с ее репутацией? Не наносит ли он вред ее положению, не губит ли ее доброе имя? Она добродетельная женщина, и, видит Бог, он ее первый мужчина. Хотя, разумеется, никому, кроме них двоих, об этом неизвестно. И все же он не может позволить своей матери продолжать думать худшее.

— Лили Смайт — прекрасная женщина, истинная леди, а не та, какой ты ее, по-видимому, считаешь, — сказал он. — Она умная и красивая, с независимым нравом и не вызывает ничего, кроме восхищения. Уверен, она бы тебе понравилась, если б вы познакомились.

Мать устремила на него лукавый взгляд, затем слегка наклонилась, немного расслабив прямую, как палка, спину.

— Может, и так, но что ты знаешь о ней? Из какой она семьи? Какого происхождения? Никто по большому счету ничего не знает о ней, за исключением того, что она богатая вдова, предположительно родом из Корнуолла. Что еще она рассказала тебе о себе?

Не слишком много, осознал он. Он знает ее как человека, женщину, любовницу, знает, как она пьет чай по утрам, что ее любимый цвет — голубой, и что она предпочитает комедии трагедиям. Но что касается реальных подробностей ее прошлой жизни... Что ж, они остаются тайной даже теперь. Даже для него.

Он увидел, что мать выжидающе смотрит на него, ожидая ответа.

— Я знаю, что она из хорошей семьи, — заявил он. — Это проявляется в каждом движении, которое она делает, в каждом слове, которое произносит. Она образованная, с хорошими манерами, но, что важнее, она милая, добрая и великодушная. Еще я знаю, что она человек очень сдержанный, переживший за свою короткую жизнь много горя. Что касается ее родословной, мы как-то не обсуждали это с ней, поскольку такие мелочи не имеют значения.

— Ты просто потерял голову. Но в том-то все дело: как твоя связь с этой женщиной выглядит в глазах света, какой бы милой и доброй она ни была? Вы с ней живете вместе, и едва ли это выглядит прилично в глазах общества.

— А мне на это плевать.

— Она думает так же? А как же лорд Сатли и леди Амелия? Полагаю, они будут сильно огорчены, если эта новость дойдет до них. В конце концов, тебе надо подумать о помолвке, в случае если ты забыл.

Он не забыл, по крайней мере не совсем. Хотя, с другой стороны, он как-то мало задумывался о своей давней договоренности с лордом Сатли, особенно в последнее время.

— Я не помолвлен, мама, — сказал он с нотками раздражения в голосе. — Да, я разговаривал с Сатли относительно предполагаемой женитьбы на его дочери, но ничего не было решено, а тем более — предано гласности. Между нами нет никакого твердо установленного соглашения.

Ее рот приоткрылся, слабый взглас сорвался с губ.

— Но Амелия Додд — идеальная кандидатура на роль маркизы. Ты ведь не собираешься изменить своему слову жениться на ней?

Он заколебался:

— Не уверен.

— Это все из-за нее, из-за этой Лили Смайт? Силы небесные! Ты что, намерен взять ее в жены?

Взять в жены Лили?

Однажды он просил ее быть его женой, и она отказалась. В то время он не испытывал сожалений из-за такого ее ответа, поскольку сделал предложение исключительно из чувства долга и обязательства, ибо взял ее девственность. Но сейчас...

«Люблю ли я ее?»

Да, осознал он с внезапной уверенностью. Он женился бы на Лили сей же час, если б она согласилась. После всех этих месяцев, проведенных вместе, она ничем не показывала, что передумала в отношении брака, и казалась вполне довольной существующим положением дел.

«А если я сделаю предложение еще раз? Вдруг она снова скажет «нет»?»

Он сглотнул, борясь с подавляющим наплывом эмоций, вызванных этой мыслью. Ему еще предстоит услышать то, что Росс выяснит о Джоне Смайте. Если Итан надеется побороть привидение, ему лучше не затрагивать эту тему, не узнав вначале все, что можно, об этом мужчине.

— Итак? — напомнила мать, на привлекательном лице которой отражалась глубокая озабоченность.

— Я не планирую жениться на Лили Смайт... По крайней мере в ближайшем будущем.

Его мать испустила вздох облегчения:

— Ну что ж, это хорошо. Не придется разбивать надежды леди Амелии.

— Мама, я не сказал...

Она вскинула руку:

— Да, я знаю, но повремени немного. Не принимай никаких поспешных решений. Обещай мне, что не скажешь пока ничего Сатли или леди Амелии, каким бы окончательным ни было твое решение.

Он не имеет ни малейшего желания жениться на Амелии Додд. Теперь он это знает, как знает и то, как заблуждался, думая связать себя с девушкой, которую не любит и никогда не полюбит. Но решил, что, пожалуй, может еще на какое-то время умиротворить свою мать. По крайней мере пока не примет окончательного решения в отношении своего будущего с Лили.

— Договорились, мама. Я обещаю ничего не говорить Сатли еще несколько недель, если таково твое желание.

Мать послала ему ласковую улыбку.

— Хорошо. — Наклонившись, она потрепала его по руке. — Спасибо, дорогой.

Кивнув, он тоже улыбнулся.

— А теперь, — объявила она, — поскольку ты дома, почему бы нам не пообедать сегодня вместе? Уверена, повар сможет приготовить одно из твоих любимых блюд. Ростбиф, быть может?

— Как бы заманчиво это ни звучало, боюсь, у меня на сегодня другие планы. Мне нужно обсудить кое-какие дела с моим секретарем, а потом я еду в оперу.

— С ней, полагаю, — сказала вдова, и улыбка пропала с ее лица.

— Да. С Лили. — Он заколебался, но потом решил рискнуть, несмотря на некоторую неуместность предложения. — Ты можешь поехать с нами, если хочешь.

Она покачала головой:

— Спасибо, нет. Кстати, Итан, завтра я перееду в свой дом.

— Тебе незачем...

— И тем не менее. Я решила остаться в Лондоне до Рождества. Начинается малый сезон, и я бы хотела немного побыть в обществе. Поэтому мне будет удобнее в собственном доме. Я приехала в Андертон-Хаус только потому, что ремонтируется моя гостиная. К завтрашнему дню эта работа должна быть закончена.

— Ну хорошо, мама. Мы непременно как-нибудь с тобой пообедаем. — Взглянув на часы, Итан заметил, что прошло больше времени, чем он представлял. — А сейчас мне пора идти.

— Ты занят. Я понимаю.

Наклонившись, он поцеловал ее в щеку.

— Не переживай, мама. Все будет хорошо.

Странная, чуть заметная улыбка тронула ее губы.

— Разумеется, ты прав. Все будет хорошо. А теперь беги.

Он задержал на ней взгляд, недоумевая по поводу ее последнего замечания. Обычно его мать — спокойная, рассудительная женщина, которая живет своей жизнью и дает жить другим не вмешиваясь. Впрочем, когда дело касается семьи, она не всегда придерживается этого правила. В ее понимании если тот, кого она любит, нуждается в «защите» — даже от него самого, — значит, все средства хороши.

Однажды, несколько лет назад, она публично дала пощечину одному из ухажеров его сестры, услышав, как тот адресовал ей несколько двусмысленное замечание.

Итан нахмурился и снова подумал о стремлении матери женить его на Амелии Додд. «Но что она способна сделать? — рассуждал он. — Не может же она заставить меня силой жениться на девчонке». Решив, что ему не о чем беспокоиться, Итан пробормотал «до свидания». К тому времени, когда он дошел до кабинета, этот разговор вылетел у него из головы.

Глава 18

Последние дни октября промчались, как опадающие осенние листья на ветру, приход ноября ознаменовал собой новую сессию парламента, а вместе с ней возвращение высшего света в Лондон. Хотя количество его представителей оставалось скудным в сравнении с теми, кто рассчитывает блеснуть во время светского сезона с приходом весны, аристократов собралось достаточно, чтобы устроить пару-тройку светских раутов.

Лили с Итаном были среди тех избранных, кто получал приглашения, хотя время от времени находился какой-нибудь великосветский сноб, который решал исключить Лили из своего гостевого списка в знак неодобрения ее «распутного поведения». В целом, однако, аристократия любила посплетничать, а что может быть более захватывающим, чем наблюдать за поведением любовников на людях? Особенно любовников, чьи отношения настолько страстные, что их прямо не оторвать друг от друга, даже, говорят, на одну ночь...

Однако Лили лишь частично ощущала растущий интерес, который вызывают они с Итаном, слишком сосредоточенная на собственных размышлениях, чтобы беспокоиться о мнении других. С той самой ночи, когда она поняла, что любит Итана, она пребывала в затруднении, которое продолжало мучить ее и сейчас, когда она сидела в своем кабинете, пытаясь вникнуть в записи хозяйственных отчетов. Итан отлучился на несколько часов, предоставив ей возможность позаботиться о делах насущных. К несчастью, она не слишком преуспела. Перо безвольно повисло у нее в руке, а гроссбух и маленькая стопка счетов лежали позабытые.

«Стоит ли сказать ему о своих чувствах или нет?»

Этот вопрос бесконечно прокручивался у нее в голове, как какая-нибудь навязчивая мелодия. Слишком часто в последние дни она ловила себя на том, что погружается в размышления на эту тему, замолкает, а потом прикрывает свою оплошность той или иной отговоркой. Иногда ей даже снилось, что она говорит Итану: «Я люблю тебя», а потом заглядывает в его красивое лицо и ждет ответа, которого призрачный Итан никогда не дает. И в этом заключается еще одна дилемма.

«А вдруг он не испытывает ко мне тех же чувств?»

Несмотря на время, проведенное вместе, и их неоспоримую близость, она не была уверена, что его интерес к ней простирается дальше своеобразно понимаемой дружбы. Она ему нравится, в этом сомнений нет. Но любовь? Обязательства? Семья? Захочет ли он всего этого? И что еще непонятнее, хочет ли этого она сама?

Когда она инсценировала свою смерть и убежала из дома, сменив имя в попытке порвать всю связь с прошлым, она была абсолютно уверена, что никогда не захочет выходить замуж. Брак — это тюрьма, в конце концов, клетка, в которую заманивают женщин, а потом оставляют в слезах и сожалениях, как только лишат их свободы. Но в последнее время она ловила себя на том, что стала сомневаться в подобном предположении. Ее мать претерпела два брака, которые не принесли ей почти ничего, кроме боли. И все же разве она обязательно должна повторить материнскую судьбу?

Последние несколько недель они с Итаном фактически живут вместе. Вместе едят, подолгу каждый день проводят в компании друг друга. Вместе выезжают по вечерам на светские рауты и в театр. Ночью спят в одной постели, занимаясь любовью со страстью, которая никогда не оставляет ее неудовлетворенной. А иногда просто спят, прильнув друг к другу в блаженном довольстве, о котором она никогда и не мечтала. И какое это наслаждение: каждый день рядом с ним — новое приключение, каждая ночь в его объятиях — настоящий восторг.

Но как же будущее? И есть ли у них совместное будущее или это просто ее фантазии, которые лучше было бы задушить на корню? Не говоря уж о ее обстоятельствах и том факте, что ее теперешняя жизнь построена на обмане.

Как Итан воспримет новость, реши она поведать ему правду о своем прошлом? Ибо такое откровение, едва оно будет произнесено, уже не возьмешь назад. «Осмелюсь ли я рискнуть? — спрашивала она себя. — Осмелюсь ли подвергнуть себя и свою жизнь такому риску? Осмелюсь ли довериться Итану во всем, включая свое сердце?»

И все же в конечном итоге какой у нее выбор? Как бы ей того ни хотелось, теперешнее положение дел между ней и Итаном не может продолжаться вечно. Они ведь живут не в коконе, спрятанные от реальности; ей известно, что нелепые слухи и домыслы о них уже начали распространяться в свете. На каком-то этапе им с Итаном придется принять окончательное решение. «Либо мы должны прекратить наши отношения и перестать видеться, — подумала она, и грудь ее сдавило от боли, — либо сделать следующий шаг. А единственно возможный следующий шаг — это брак... Но хочу ли я быть его женой?»

Ответ, прозвучавший у нее в голове, поразил ее, перо выпало из пальцев и покатились. «Да, — поняла она, — я мечтаю об этом. Но хочет ли этого он?»

Однажды она отказала ему. В тот момент она больше всего ценила с таким трудом обретенную свободу. Тогда они оба испытали облегчение, оставшись свободными от супружеских уз. А что сейчас? Итан все еще относится к этому как тогда, или он тоже передумал?

Ох, если б знать!

Вытащив из кармана носовой платок, она вытерла внезапно вспотевшие ладони, скрутив и зажав кусочек ткани в кулак. Да, ей придется рассказать ему не только о своих чувствах, но и правду о себе. К худу ли, к добру ли, но по крайней мере тогда она будет знать все точно.

«Так когда же? Когда я решусь?»

Она знала, что это произойдет не прямо сейчас, во всяком случае, не сегодня. Он собирался пообедать с герцогом Уайверном, который только что вернулся в Лондон, а она согласилась пойти с Давиной на лекцию — ее подруга тоже совсем недавно приехала из поместья, где отдыхала. Наверное, она могла бы рассказать ему обо всем в постели, но не решалась это сделать. А вдруг все пойдет не так, как она надеется? Нет, ей нужен день, когда у них не будет других встреч и они смогут остаться дома.

Моссгроувы через три дня дают бал, после которого они с Итаном решили подольше понежиться в постели и провести остаток дня и вечер дома. Да, день после бала — идеальный вариант, а времени, оставшегося до него, должно быть достаточно, чтобы решить, как преподнести ему правду.

«После бала у Моссгроувов, — подумала Лили, — я все ему расскажу».

Приняв решение, она снова взяла перо и начала всматриваться в цифры.

На улице было по-зимнему холодно, когда три дня спустя Итан помогал Лили выйти из кареты. Он оглядел место действия, шум и возбуждение царили вокруг парадной двери городского дома лорда и леди Моссгроув; разодетые в атлас и бархат гости устремлялись в дом, чтобы принять участие в увеселениях. Свет струился из всех дверей и окон, запах тающих восковых свечей, вина и духов смешивался с нежным ароматом, который исходил от больших ваз с тепличными розами, расставленных по всему дому.

Вскоре после их прибытия к ним подошел знакомый Итана, молодой лорд, с которым он время от времени говорил о политике. Мужчина сделал попытку быть любезным, первым делом отвесив Лили изысканный комплимент по поводу очень идущего ей платья из сиреневого атласа, прежде чем пуститься в обсуждение последних парламентских новостей. Он надеялся заручиться поддержкой Итана по одному важному для него вопросу. Когда прибыла Давина Коутс, Итан с Лили обменялись улыбками, и она пошла поприветствовать подругу. В любом случае они снова скоро увидятся.

Выслушав подающего большие надежды политика, но не дав никаких обещаний, Итан направился в бальный зал. Однако по пути пришлось то и дело останавливаться, чтобы обменяться несколькими словами с друзьями и поздороваться со знакомыми. Почти час прошел, прежде чем ему удалось вновь отыскать в толпе Лили. Она танцевала, обнаружил он, и выглядела совершенно восхитительно, кружась в объятиях одного из своих старых обожателей. Воздержавшись от порыва вклинуться в их танец и дать сплетникам дополнительный повод почесать языки, он довольствовался простым наблюдением.

У него нет причин ревновать — стоило только вспомнить любовные ласки прошедшей ночью. Кровь его закипала даже сейчас, когда он вспоминал ее тихие, судорожные вздохи и прерывистые стоны, которые она издавала, когда он подводил ее к завершению снова и снова. Они оба были совершенно выдохшимися и абсолютно насытившимися, прежде чем сон завладел ими. А поутру, когда она проснулась, на ее пухлых губах блуждала улыбка, словно

умоляя о еще одном поцелуе. Прежде чем вставать одеваться, он уступил соблазну один последний раз, завладев ее губами — и кое-чем еще, — к их обоюдному удовольствию.

Позже, однако, она казалась странно нервной, покусывая ноготь, когда думала, что он не видит этого. Он хотел было спросить, что стряслось, но потом взглянул на часы и понял, что должен идти, если не хочет опоздать на ленч с матерью.

...Внезапно он увидел, как, словно материализовавшись из его мыслей, вдовствующая маркиза направляется к нему. Он сделал подобающее случаю лицо, стараясь скрыть свое удивление, поскольку представления не имел, что она решила почтить своим присутствием сегодняшний бал.

— Итан, дорогой, — проговорила она, приподнимаясь, чтобы прикоснуться поцелуем к его щеке. Он покорно наклонился. — Я знала, что рано или поздно найду тебя, — продолжала она. — Сегодня здесь настоящее столпотворение! Леди Моссгроув, должно быть, в восторге от такого количества гостей, особенно учитывая время года.

— Люди всегда жаждут развлечений, какое бы время года ни было, — пробормотал он. — Тебе надо было сказать мне, мама, что собираешься прийти сюда. Я бы поприветствовал тебя раньше.

Возможно, она не хотела встречаться с Лили, подумал он, или быть поставленной в затруднительное положение, отказавшись ехать с ними в одной карете, реши он предложить ей это. И быть может, он ждет слишком многого, поскольку Лили — его любовница, а мужчины обычно не знакомят любовниц с матерями. Но Лили — леди, а не какая-нибудь куртизанка, и если все пойдет, как он надеется, однажды станет его женой. Но пока это время не настало, пожалуй, будет лучше, если он не станет сталкивать двух женщин друг с другом. Мама скорее всего сочтет его бесчувственным, а Лили будет чувствовать себя неловко, даже не в своей тарелке, особенно если мама отнесется к ней с холодком.

— Я не была уверена, приму ли приглашение, — продолжила она. — Но очень хорошо, что я пришла. Только посмотри, кто неожиданно приехал в Лондон.

Повернувшись, она помахала рукой, подзывая незамеченных им двух человек, которые находились в толпе.

Графа Сатли он узнал сразу, а рядом с ним стояла какая-то стройная нимфа, чье лицо выглядело бледнее пепельно-белокурых локонов.

Амелия Додд. Боже милостивый, что она здесь делает?

Он нахмурился.

— Ну разве не чудесный сюрприз, Итан? — проворковала его мать. — Лорд Сатли и леди Амелия приехали вчера и нанесли мне визит сегодня днем, вскоре после твоего ухода. Я убедила их пойти вечером на бал, чтобы вы могли возобновить ваше знакомство.

Усилием воли разгладив хмурые складки на лбу, он придал лицу учтивое выражение и поклонился:

— Милорд. Леди Амелия. Как приятно видеть вас обоих.

Сатли протянул руку, которую Итан крепко пожал. Девушка тем временем бросила на него

беглый взгляд, прежде чем снова опустить его на свои бальные туфельки.

«Святители небесные, — подумал он, — она прямо оцепеневшая какая-то. Неужели боится меня? По-видимому, да. Подумать только, я когда-то собирался взять в жены это дитя».

Завтра, решил Итан, он поговорит с лордом Сатли о прекращении их предполагаемой договоренности. Даже если бы он никогда не встретил Лили, Итан знал, что они с этим хрупким эльфом никогда бы не подошли друг другу. Испытывая облегчение от своего решения, следующие несколько минут он старался как мог быть любезным и добрым с молчаливой и скованной мисс Додд.

Итан попытался было откланяться и уйти, надеясь наконец воссоединиться с Лили, когда мать сказала нечто такое, что заставило его замереть.

— Итан, почему бы тебе не проводить леди Амелию на ужин? Уверена, вы, молодые люди, чудесно проведете время за беседой, а мы с лордом Сатли не хотим вам мешать.

Бледно-голубые глаза Амелии метнулись вверх, сделались огромными, как блюдца, затем снова опустились на мыски туфель, а руки сжались еще крепче.

Итан бросил на мать недовольный взгляд, но тут же взял себя в руки с не более чем секундным замешательством.

— Ну конечно! Буду польщен!

Будучи загнанным в угол, он поступил, как требовали приличия, и протянул руку.

Очевидно, тоже пойманная в ловушку, Амелия положила свою маленькую ладошку ему на рукав, и дрожь ее была ощутима даже сквозь ткань.

«Пара часов, — заверил он себя, — и я смогу поехать домой с Лили. Пара часов, и мы с этой девушкой избавимся друг от друга навсегда».

«Кто эта малышка с Итаном? — недоумевала Лили, стоя на другом конце зала. — И почему он провожает ее на ужин?» Девушка, судя по виду, только что выпорхнула из классной комнаты, так откуда она знает Итана? И если Лили правильно оценивает ситуацию, девушка испугана до полусмерти. Возможно, кузина, размышляла она, заметив мужчину и женщину, идущих следом за Итаном и девушкой, причем женщина — скорее всего мать Итана.

Семейное сходство между ними было очевидно. Он не сделал попытки представить ее своей матери, отметила она, хотя, принимая во внимание их теперешние отношения с Итаном, следовало признать, что такая встреча могла бы оказаться неловкой. И все же если завтра все пройдет хорошо, ситуация, возможно, скоро изменится.

Холодок появился у нее в груди, беспокойство боролось с ожиданием. Завтра она расскажет ему все. «Впрочем, если сумею набраться храбрости, то сегодня же скажу ему, что люблю его и хочу, чтобы мы никогда не расставались. Любит ли он меня? Ну конечно же».

В конце концов, разве может мужчина так нежно и страстно заниматься любовью, как Итан с ней, если в этом не участвует сердце? Как он может проводить дни и ночи с ней рядом, разделяя все перипетии, если не питает к ней искренней привязанности?

А когда она будет знать наверняка, что он ее любит, тогда и откроет ему правду о том, как приехала в Лондон и почему стала «вдовой» офицера — миссис Смайт. Вначале он, наверное, рассердится, но, как следует вникнув в невыносимую ситуацию у нее дома, поймет, почему она поступила именно так, а не иначе.

«По крайней мере надеюсь, что поймет».

Скользнув по нему взглядом, она почувствовала, как эмоции поднимаются в ней, словно приливная волна. «Жизнь была бы намного легче, если б я не любила его, но, видит Бог, я люблю!»

— П-прошу прощения, миссис Смайт, но я подумал, не окажете ли вы мне честь, позволив проводить вас к ужину?

Подняв взгляд, она обнаружила рядом с собой лорда Оттуэлла с выражением радости на лице. Ожидая, что ее поведет Итан, она уже отказала двум другим джентльменам, которые предлагали отвести ее на ужин. Но поскольку Итан сейчас, судя по всему, не волен распорядиться собой, она рассудила, что ей, пожалуй, следует принять предложение лорда Оттуэлла. По крайней мере он не противный, не развратник и не зануда, и поскольку управлять экипажем за обеденным столом не требуется, она полагала, что останется цела и невредима.

Одарив любезной улыбкой, она кивнула и взяла его под руку.

— Благодарю, милорд, с удовольствием принимаю ваше предложение.

Заулыбавшись еще шире, он повел ее вперед. После короткого молчания Оттуэлл заметил:

— Я... э... вижу, лорд Весси сопровождает сегодня мисс Додд.

Она на секунду застыла, усилием воли заставив мышцы расслабиться. Вот, значит, как ее зовут. Мисс Додд!

— Хотя, возможно, мне не следовало это говорить, — продолжал он.

— Нет-нет, — выдавила она, — все в порядке. Выходит, вы знаете эту юную леди?

— О нет, не лично. Но я немного знаком с ее отцом, графом Сатли. У них с Весси обширные владения в Суффолке. Их семьи — старинные друзья, полагаю.

Значит, они не кузены? Быть может, мисс Додд просто приехала в Лондон и Итан проявляет любезность, чтобы угодить своей матери. Это бы по крайней мере объяснило нервозность девушки.

Когда они вошли в наполненную людьми столовую, ее взгляд тут же устремился к Итану, который сидел рядом с мисс Додд. Заставив себя немного расслабиться, она позволила лорду Оттуэлли отвести ее к незанятому столику и помочь сесть.

— Я возьму для нас тарелки и мигом вернусь, — сказал он.

Позабыв о нем, едва он отошел, Лили снова взглянула на Итана, потом отвела взгляд. Испустив вздох, она поняла, что ей предстоит очень непростой вечер.

«Господи, помоги, — подумал Итан, — этот вечер когда-нибудь закончится?»

Он провел последний час, терпя почти безмолвное общество мисс Додд, которая едва ли произнесла больше слов, чем «благодарю вас», «нет, спасибо» и «да, куропатка восхитительная».

Теперь, когда трапеза закончилась, обычай требовал, чтобы он проводил девушку к отцу. Как только этот долг будет исполнен, он поспешит отыскать Лили. Можно лишь догадываться, что она должна думать. Надо надеяться, она не слишком сердится. Как бы то ни было, он пообещал себе, что все ей объяснит, как только они останутся одни.

Отыскать лорда Сатли было бы несложно, но, как назло, их с леди Амелией го и дело останавливали знакомые, которые хотели поболтать. Уже стихли звуки первого контрданса к тому времени, когда он заметил графа. Сатли был сейчас отчетливо виден, он стоял на ступеньках бального зала и был на голову выше толпы. Рядом — вдовствующая маркиза. Итан нахмурился, недоумевая, что они там делают. Сердце его тревожно забилось, предчувствуя неладное.

В этот момент его мать вскинула руки, призывая к тишине.

— Леди и джентльмены, — сказала она звучным голосом, — минуточку вашего внимания, если позволите.

Зал тут же затих, все глаза обратились на нее.

— Этот вечер совершенно особенный, — заговорила она, — из тех, которые доставляют матери огромную радость, если ей выпадет такое счастье.

«О чем она говорит?» — недоумевал Итан, почувствовав, что пульс его учащенно забился.

— Как некоторые из вас знают, мы с графом Сатли давние друзья. Его покойная жена была моей близкой подругой и наперсницей до того, как Господь забрал ее у нас такой молодой.

В ушах у Итана зашумело, стало трудно дышать.

— Однако с того дня, как стали матерями, мы с ней знали одно: однажды нашим семьям суждено соединиться.

«О, дьявол, нет! — в отчаянии подумал Итан. — Она не может. Я должен остановить ее. Немедля!»

Но когда он стряхнул руку Амелии, чтобы ринуться вперед, его мать продолжила:

— Вот почему мне доставляет огромную радость и удовольствие объявить о помолвке моего сына с дочерью моего друга графа Сатли, юной Амелией.

Возгласы удивления зазвучали по всему залу. Если б мать взяла со стола нож и вонзила его ему в грудь, он не мог бы быть более шокирован. И даже более того — взбешен.

— Поздравляю моего сына и мою будущую невестку! — Вдова и граф, широко улыбаясь, захлопали. — Да, и официальное сообщение будет завтра в «Морнинг пост», — сказала она напоследок.

«Прямо fait accompli [5]», — подумал он, с такой силой стиснув зубы, что удивительно, как

челюсти не треснули. Его мать, похоже, продумала все, чтобы ловко поймать его в ловушку.

Комментарии и поздравления посыпались на него со всех сторон, люди подходили, чтобы пожать ему руку или похлопать по спине. Растерянная Амелия была похожа на перышко, попавшее в ураган. Но ему не было до нее дела, все его мысли были о Лили. Поворачивая голову, он оглядывал толпу, ища ее, и слова людей вокруг него сливались в сплошной, неразборчивый гул.

Внезапно он увидел ее, стоящую на другом конце бального зала, потерянную и одинокую. Рукой она держалась за горло, словно ей было трудно дышать, и лицо ее было застывшим и белым, как первый зимний снег. Даже губы утратили свой цвет.

Их взгляды встретились и задержались, от влаги непролитых слез ее глаза блестели, мука и неверие плескались в их ярких зеленых глубинах. Она резко развернулась и со всех ног бросилась вон из зала.

Послав к черту вежливость и наплевав на то, как может выглядеть его поведение, он ринулся вперед, но резко остановился, когда мать задержала его.

— Итан, куда это ты собрался? — возмущенно спросила она, понизив голос. — Ты не можешь бросить свою невесту. Люди смотрят.

Он просверлил ее холодным взглядом.

— Пусть себе смотрят. И она пока еще мне не невеста, несмотря на все твои попытки нас поженить. А теперь отпусти меня.

Она вздрогнула, но стояла на своем.

— Я лишь сделала как лучше. Это было необходимо, чтобы обеспечить твоё счастье.

— Если б ты хоть немного заботилась о моем счастье, то никогда бы не вмешалась. Возможно, вы погубили мою жизнь, мадам, и сейчас мне невыносимо даже видеть вас.

Тихо ахнув, она отпустила его.

Ринувшись вперед, он прорывался сквозь толпу, не обращая внимания на тех немногих, которые были либо достаточно смелы, либо глупы, чтобы попытаться встать у него на пути. Промчавшись по коридору, он выскочил через парадную дверь и сбежал по ступенькам. На какое-то мгновение ему показалось, что Лили уехала, но потом он заметил сиреневый атлас, развевающийся на холодном ветру. Она не задержалась, чтобы взять накидку, и когда он подошел ближе, то увидел, что она дрожит, обхватив себя руками за плечи.

вернуться

5

Свершившийся факт.

— Лили, слава Богу, ты не уехала! То, что произошло там, в бальном зале, это недоразумение.

Она не обернулась, продолжая смотреть прямо перед собой.

— Ты замерзла. Идем в дом, там тепло и мы сможем поговорить. — Он потянулся, чтобы взять ее за руку.

— Не прикасайся ко мне! — прокричала она, отстраняя руку.

Он сделал глубокий вдох, призывая на помощь терпение.

— Я знаю, что ты расстроена, но если ты только дашь мне возможность объяснить...

Она повернулась к нему.

— Что объяснить? Что ты тайно помолвлен, и, по-видимому, довольно давно? Как долго, Итан? Как долго ты используешь и обманываешь меня?

Он расправил плечи, мускул возле глаза задергался.

— Я не делал ни того ни другого. Это сегодняшнее объявление было глупой идеей моей матери.

— И ты, конечно же, здесь совершенно ни при чем.

— Абсолютно, — сказал он ей твердо. — Дай мне шанс...

— Для чего? Состряпать очередную ложь и оправдания? Что ж, лично я не имею ни малейшего желания их слушать. А сейчас не лучше ли тебе поспешить обратно, пока твоя юная невеста не хватилась тебя?

Он стиснул пальцы в кулаки.

— Мы поговорим об этом.

— Нет. Уходи, Итан!.. — Ее голос дрогнул. — И оставь меня в покое. — Нижняя губа у нее задрожала, и она быстро смахнула рукой слезу со щеки. Когда наемный кеб остановился у тротуара, она устремилась к нему.

Он схватил ее за локоть.

— Постой, я подзову свою карету, мы вместе поедem домой и все обсудим.

— Оставь меня. Мне вообще ничего от тебя не нужно. И если под «домом» ты подразумеваешь мой дом, то тебе больше там не рады. Поезжай в Андертон-Хаус, Итан. Там ты живешь.

Выдернув у него руку, она села в кеб. Секунду спустя дверца захлопнулась и экипаж покатиł вперед.

— Лили! — прокричал он. — Лили, вернись!

Но он уже понял, что опоздал. Прокатив по улице, кеб завернул за угол и скрылся из виду.

— Ад и все дьяволы! — выругался он, ударив кулаком по стене. Он хотел было поехать за ней, приказав подать самую быструю из имеющихся лошадей, чтобы догнать ее. В конце концов, он должен заставить ее выслушать его, узнать правду. Но какова сейчас эта правда, поскольку, нравится ему это или нет, в глазах общества он теперь обрученный человек? До тех пор пока не найдет способ выпутаться из этого затруднения, лучшее, что он может предложить Лили, —

это объяснить создавшуюся ситуацию.

Мысль о том, что она больше не верит ему, ужасала его, но у нее есть на то причины, учитывая возмутительное самоуправство его матери. Каким бы сильным ни был порыв ворваться к Лили в дом и заставить ее выслушать его, он понимал, что она не в том настроении, чтобы ему поверить. Возможно, надо дать ей немного времени, решил он, несколько часов, чтобы успокоиться, прежде чем снова подступить к ней.

Проведя рукой по волосам, Итан чертыхнулся себе под нос. Настроившись на одинокую беспокойную ночь, он подозвал свою карету, чтобы ехать домой.

Глава 19

Лили думала, что будет рыдать, представляла, как разразится потоком слез, едва только останется одна. Но рана была слишком глубока, чтобы облегчить боль таким простым средством.

Она не помнила, как ехала домой, а по приезде, дрожащая, была проведена в дом озабоченным Ходжесом. Потом заботы о ней взяла на себя ее горничная: отвела наверх, напоила горячим чаем и переодела в теплую шерстяную рубашку и халат. Только один раз Сьюзен спросила, приедет ли его светлость попозже.

— Нет, — ответила Лили безжизненным тоном, который прозвучал на удивление ровно, — его светлость вообще больше не приедет.

Его никогда здесь не будет.

Расчесав волосы Лили и убрав драгоценности, Сьюзен пожелала спокойной ночи и ушла.

Свернувшись калачиком под одеялом, Лили попыталась уснуть, но сон не шел к ней, а кровать была слишком большой и слишком пустой. Мозер запрыгнул к ней, и его мурлыканье в темноте и тишине было успокаивающим. Скользя пальцами по шерстке, она гладила его, прижималась щекой к шелковистой шкурке, благодарная ему за утешение.

Час проходил за часом, а воспоминания все прокручивались у нее в голове: вот Итан и Амелия Додд вместе ужинают и танцуют; вот его мать обращается ко всем с широкой улыбкой на лице, делая свое ужасное объявление.

Помолвлены. Итан и та девушка должны пожениться.

И как же давно это планировалось? — спрашивала она себя. Неужели он обо всем договорился с другой, даже когда спал с ней? Или это соглашение было заключено давно? Быть может, еще в детстве, еще даже до рождения Амелии Додд? Может, поэтому он не придавал ему значения? И не ожидал, что его мать объявит сегодня о помолвке?

А как же то давнишнее предложение, сделанное ей?

Ложь. Сплошная ложь. Он хотел заполучить ее к себе в постель и сделал все, чтобы этого добиться. Возможно даже, предлагая ей замужество, он знал, как она относится к браку, уверенный, что его предложение будет отвергнуто. А может, использовал эту уловку, чтобы убедить ее, какой он «благородный», заставить ее раскрыть ему душу.

А ведь она доверилась ему всем сердцем. Крепко прижав кулаки к груди, Лили лежала, устремив взгляд в темноту.

Когда первые лучи рассвета проникли в комнату, она встала, чтобы открыть шторы. Набросив халат, пошла в гардеробную, чтобы найти пустую шляпную коробку. С коробкой в руке вернулась в спальню, прошла к комоду, который Итан использовал в качестве туалетного столика, и стала швырять вещи в коробку.

Его бритва отправилась туда первой, затем кожаный ремень для правки бритв. Потом пришла очередь помазка и мыла, резной расчески из слоновой кости и пары круглых щеток с серебряными ручками и выгравированными на них его инициалами. Пустая визитница присоединилась к этому набору вместе с зубной щеткой, зубным порошком, цепочкой и ключом для часов. Горсть монет со звоном посыпалась на дно коробки, забренчав, когда она положила сверху маленькую коробочку с двумя украшенными драгоценными камнями булавками для галстука. К ней присоединились кусок сургуча и спичечный коробок.

Закончив с туалетными принадлежностями, она прошагала к высокому платяному комоду и рывком выдвинула ящик. Схватив стопку аккуратно сложенных галстуков, сунула ее в коробку. Носовые платки, носки и пара пряжек для туфель отправились следом. Три пары перчаток были всунуты в оставшиеся пустыми места, за ними последовала пижама, которую он никогда не надевал. Отставив в сторону переполненную коробку, она начала швырять одежду на кровать.

Дверь спальни открылась, когда она выкладывала стопку шерстяных подштанников.

— Вы проснулись, мэм? — тихо спросила служанка. Половая доска тихонько скрипнула, когда она на цыпочках вошла в комнату. — Я услышала шум и подумала, что надо пойти посмотреть... Господи помилуй!

Лили бросила быстрый взгляд через плечо, неся целую охапку рубашек.

— Как хорошо, что ты пришла. Поможешь мне закончить с упаковкой всего этого. Судя по всему, нам понадобятся еще по крайней мере две коробки. — Задвинув один ящик, она выдвинула другой, обнаружив в нем два аккуратно сложенных сюртука и три пары брюк. Схватив их, швырнула поверх растущей кучи одежды на кровати. Потрясенно вытаращив глаза, служанка застыла в центре комнаты.

— Принеси коробки, Сьюзен.

Тихое напоминание Лили возымело желаемый эффект. Девушка кивнула и бросилась исполнять поручение. Немного погодя она вернулась, неся две большие картонные коробки, прекрасно подходящие для одежды. За время ее отсутствия куча одежды на кровати выросла. К ней добавились две подбитые шелком бобровые шляпы, пара вечерних туфель и эбеновая трость с золотым набалдашником в форме львиной головы.

Она как-то пошутила по поводу этой трости, сказав Итану, что эта вещь символизирует его самого, ибо он ее сильный, красивый, золотой лев. Сжав губы, она пренебрежительно отпихнула трость и стала обходить комнату в поисках вещей, которые могли ускользнуть от ее внимания.

Двадцать минут спустя все вещи Итана были упакованы. Даже первая, переполненная шляпная коробка была уложена заново, потому что Сьюзен не удалось закрыть крышку.

— Что делать с вещами его светлости, мэм? — спросила служанка.

Лили так и подмывало велеть девушке выбросить их из окна или, еще лучше, отвезти к Темзе, и пусть река заберет их. Но с другой стороны, ей незачем было раскладывать одежду и вещи Итана по коробкам, если б она хотела, чтобы их уничтожили. Кроме того, рассудила она, такое чересчур драматическое поведение лишь докажет Итану, как глубоко ранило ее его предательство. Такого удовольствия она ему не доставит. Возвращение его вещей безо всяких фанфар станет гораздо лучшим, более красноречивым посланием.

— Пусть один из лакеев возьмет легкую тележку и отвезет все это в дом лорда Весси.

— Слушаюсь, мэм.

— И попроси, пожалуйста, Ходжеса зайти ко мне. После ухода Съюзен Лили сменила халат на платье, перейдя в гостиную, пока два лакея выносили коробки из спальни.

Послышался короткий стук в дверь, на пороге стоял ее дворецкий.

— Вы хотели меня видеть, мэм?

Она кивнула:

— Да. Я хочу, чтобы вы послали за слесарем. Скажите ему, если он сумеет к сегодняшнему вечеру поменять замки на всех дверях, то получит дополнительную плату.

Глаза слуги слегка расширились, но, к его чести, он не выказал никакого удивления в ответ на ее просьбу.

— Конечно, мэм. Я пошлю за ним немедленно.

Как только дворецкий удалился, Лили направилась в спальню и тогда-то и увидела ее — книгу в кожаном переплете, лежащую на приставном столике возле камина. Итан читал ее всего два дня назад, вальяжно развалившись в вертящемся кресле, с бокалом портвейна в руке.

Она присоединилась к нему, уютно устроившись у него под боком, и попросила его прочитать ей несколько страниц вслух. Он стал читать своим звучным, низким голосом, пока ее блуждающая рука не отвлекла его и он не отложил книгу в сторону. Он отнес ее в постель, где они занялись любовью. Она тогда и представить не могла, что это будет в последний раз.

Схватив книгу, она развернулась, намереваясь отнести ее лакею, пока тот не ушел. Но через три шага остановилась, не в силах продолжать. Она медленно подняла книгу к груди и прижала ее, вдруг осознав, что это все, что у нее осталось от Итана.

Резкий всхлип сорвался с ее губ. Плечи затряслись, и она заплакала.

Итан отбросил одеяло после бессонной ночи, поднявшись рано, чтобы побриться и одеться. Он не захотел ни завтракать, ни даже выпить чаю, а сразу спустился к себе в кабинет. Сев за стол, набросал записку Амелии Додд, спрашивая разрешения заехать к ней, как только будет возможно. Даже если она не желает его видеть, во встрече не откажет. А уж там он потребует переговорить с ней с глазу на глаз, чтобы убедить покончить с этим фарсом — так называемой помолвкой. Учитывая то, как он вел себя вчера вечером, бросив ее сразу же после того, как было сделано объявление, чтобы догнать свою любовницу, его просьба вернуть ему его

обещание наверняка не будет неожиданной. А учитывая ее скованность в его присутствии, можно предположить, что она с огромным облегчением даст ему от ворот поворот.

Высший свет гудит, как растревоженный улей, разумеется, но ему наплевать. Он слишком озабочен тем, как исправить ущерб, нанесенный его отношениям с Лили. Боже всемогущий, у него перед глазами ее лицо, на котором написаны потрясение и ужас, а в глазах невероятное страдание. Как только поговорит с Амелией, он поедет к Лили, чтобы помириться. Так по крайней мере он сможет сообщить ей хорошую новость, что его помолвка расторгнута, прежде чем молить ее о прощении. Наверняка, когда он объяснит, как все произошло, она поймет и с радостью примет его обратно.

Послышался стук в дверь. Он взглянул и обнаружил своего дворецкого с каким-то странным выражением на обычно бесстрастном лице.

— Да. Что такое, Уайт? — спросил Итан, отложив ручку.

— Прошу прощения, милорд, но прибыл лакей с коробками.

Он вскинул бровь.

— Что за коробки?

— Картонные коробки, милорд. Мне дали понять, что в них ваши... э... личные вещи. Одежда... и все такое, из... э... вашего последнего места жительства в Блумсбери.

Иисусе, она прислала ему его вещи!

Это означает, что Лили решила выбросить его из своей жизни, даже не дав себе труда выслушать. Хотя, возможно, на ее взгляд, их короткий разговор прошлым вечером уже все расставил по местам.

Рука его сжалась в кулак, новая волна ярости и негодования поднялась в душе. Он снова молча послал проклятия в адрес матери за ее возмутительное своевольное вмешательство. Если б это помогло все исправить, он бы отправился напрямик к ней домой и придушил бы ее. Но насилие бесполезно, хотя, если придет время, когда он снова сможет находиться в одной комнате со своей матерью, он выскажет ей все, что думает о ней. Тем не менее кошмарные события прошлого вечера произошли, и ничто не может изменить этот факт. Единственное, что остается, — это попытаться исправить причиненное зло.

Поднявшись, он прошел мимо дворецкого и вышел в холл. Там он обнаружил злополучные коробки... Подняв крышку одной, воззрился на ее содержимое, заметив свою бритву и расческу вместе с несколькими пенсами и шиллингами, которые с издевкой подмигивали ему.

Мускул задергался возле глаза, к горлу подступило рыдание. Он проглотил его, когда до него наконец дошло: вернуть Лили будет не просто нелегко, это будет дьявольски трудно.

Несколькими часами позже Итан мерил шагами гостиную городского дома Сатли. Амелия Додд сидела на диване, облаченная в скромное платье.

— Что значит — вы не можете разорвать помолвку! Амелия вздрогнула, ее бледное лицо сделалось еще бледнее.

— Ох, пожалуйста, не кричите на меня.

— Я на вас не кричу! — рявкнул он, осознав, что, возможно, немного вышел из себя. На короткий миг закрыв глаза, он сделал глубокий вдох и усилием воли заставил себя успокоиться. — Прошу прощения, если повысил голос, — продолжил он ровным тоном. — Мисс Додд... Амелия... я понимаю, что все это для вас очень неприятно. Честно говоря, эта ситуация крайне огорчительна и для меня. Никто из нас не ожидал этого неожиданного объявления, которое сделала моя мать вчера вечером. Полагаю, вы потрясены так же, как и я.

Ее ресницы опустились, легкий румянец залил хорошенькое лицо. Очевидно, она что-то знала о планах его матери. Может, как раз поэтому она так нервничала вчера в его обществе.

— Папа сказал, что вы сделали мне предложение уже давно, — поспешно объяснила она. — И вчерашнее объявление было простой формальностью.

— Я говорил вашему отцу, что думаю о том, чтобы сделать вам предложение, — сказал он. — Но ничего еще не было решено. Я собирался нанести вам визит этой весной, чтобы посмотреть, подойдем ли мы друг другу. Разве вы не находите странным, что я согласился на помолвку, даже не поговорив с вами вначале? Не сделав предложения вам лично?

Она ничего не сказала, а лишь еще ниже опустила голову, уставившись на свои сцепленные руки.

Он прошел несколько шагов вперед, затем назад, остановившись перед ней.

— Амелия, давайте говорить начистоту. То, что произошло прошлой ночью, было ошибкой. Моя мать и ваш отец договорились между собой поженить нас. Я искренне сожалею о той неловкости и боли, которые эта неприятность причинила вам. Однако еще не поздно все исправить.

Она испустила тихий вздох.

— Мы с вами еще не женаты, и нам не обязательно это делать, но вы сами должны покончить с этим фарсом. Вы можете разорвать помолвку; у вас есть такая прерогатива. Как джентльмен, я ее не имею.

Она покачала головой:

— Но мы теперь публично связаны.

— Однако это еще можно изменить. Вы что, меня не слушали? Все, что вам надо, — это отвергнуть меня.

Она слабо ахнула:

— Я не могу!

— Почему? Боже правый, мы совсем не знаем друг друга, поэтому ни о каких чувствах речи быть не может. Не может быть, чтобы вы действительно хотели выйти за меня замуж.

— Папа хочет, чтобы я вышла за вас, — сказала она, наконец подняв на него взгляд. — Я не могу его послушаться. Если я сделаю это, он страшно рассердится.

— А я страшно рассержусь, если вы не сделаете того, о чем я вас прошу.

Глаза ее расшились, но, несмотря на легкую дрожь, она не отступила.

— Мне очень жаль, милорд, но я дала папе слово. Я не могу его нарушить.

Итан снова начал мерить шагами комнату, размахивая руками. Если простые доводы не помогают, быть может, более прямой метод возымеет какое-то действие.

— Значит, вам безразличен тот факт, что я люблю другую женщину?

Ее плечи напряглись, последовала долгая пауза.

— Вашу любовницу, вы имеете в виду? Ту, за которой, как говорят, вы последовали вчера вечером.

— Да, женщину, которую я хочу сделать своей женой. Я прошу вас не вставать между нами ради всех нас.

— Папа говорит, все мужчины имеют любовниц. Он проглотил рычание, которое подкатило к горлу.

— Ваш папа много чего говорит, не так ли? А что он думает о вашем будущем? Неужели вы не имеете права быть счастливой? Неужели не имеете права найти свою любовь?

При этих ее словах лицо ее сморщилось, а нижняя губа задрожала, прежде чем она успела сдержать свою реакцию.

— А-а, — сказал он, подходя и опускаясь рядом с ней на диван. — Значит, уже кто-то есть. Кто он?

Она покачала головой:

— Никто. Мне не следовало говорить.

— А вы и не говорили. Ваше лицо все сказало за вас. Он ваш сосед?

Ее глаза метнулись вверх, в них было явное удивление.

— Откуда вы знаете?

«Тебе семнадцать, и ты всю жизнь прожила дома. Кто еще это может быть?» — рассудил он. Но вместо того, чтобы произнести свои мысли вслух, пожал плечами:

— Просто угадал. Как его зовут?

— Роберт, — призналась она, и тон ее потеплел, когда она произносила это явно любимое имя. — Роберт Хоксби. Он сын местного vicar и всего на два года старше меня. Мы с ним вместе учились в доме священника, когда были детьми. — Улыбка тронула ее губы, на лицо вернулся румянец. — Мы разговаривали обо всем на свете, — продолжала она, — делились своими сокровенными желаниями и самыми смелыми мечтами. Роберт хочет быть врачом и состоит в обучении у нашего деревенского доктора. Он мечтает поступить в медицинский колледж, а потом заняться собственными исследованиями, чтобы изучать природу различных заболеваний. Но папа говорит... — Она осеклась, словно внезапно осознала, как много открывает.

— Да? — мягко подбодрил он ее. — Что говорит ваш отец?

— Он говорит, что врачи, даже ученые не что иное, как мошенники и шарлатаны, прозябающие на сущие гроши. Хотя Роберт и прирожденный джентльмен, но из обедневшего рода, а бедные молодые люди не женятся на графских дочерях, какие бы чувства ни питали. — Вскинув глаза, она встретилась с ним взглядом, и лицо ее выражало печальную решимость. — Мне очень жаль, милорд, но я не могу пойти против отца. Мы с вами должны пожениться, хотим мы того или нет. — Она пробежала пальцами по ленточке на платье. — Но вы можете держать ее, если желаете... вашу любовницу, я имею в виду. Я понимаю и не буду вмешиваться.

Значит, она понимает, вот как? Однако Итан не думал, что Лили будет так же великодушна в отношении нее. Можно только представить ее взрывную реакцию, вздумай он предложить такое. Если она сразу же не вонзится ногтями ему в физиономию, то наверняка даст пинка под зад. Что, если подумать, в определенном смысле она уже сделала, принимая во внимание возвращение его вещей. Нет, Лили не из тех женщин, которые готовы делиться своим мужчиной. А разве ему пришла бы по душе мысль, что она будет спать с кем-то другим? Кроме того, он не хочет Амелию Додд в качестве жены, даже если она не возражает, чтобы он «держал» Лили.

Да, он всегда может отвергнуть ее. Но такой жест лишь заклеит его как негодяя и навсегда запятнает репутацию Амелии. Каким бы старомодным это ни казалось, он знал, что в обществе фактически отождествляют помолвку и брачные обеты. Если он отвергнет Амелию, ее общественное положение будет навсегда подорвано, а шансы удачно выйти замуж сильно уменьшатся. Он не может поступить так с ней — до тех пор, пока такая крайняя мера не останется единственным решением. Должен же быть какой-то другой выход из этой катастрофы, какое-то средство убедить Амелию не подчиниться отцу и отказаться выйти за него. И все же, пока это время не настало, ему, по-видимому, придется остаться с ней помолвленным, хочет он того или нет.

А как, же Лили?

Приехав сюда сегодня, он рассчитывал уйти свободным человеком. Намеревался поехать к Лили и все объяснить, а потом упасть на одно колено и просить ее стать его женой. Но очевидно, этот план придется пересмотреть. Не может же он просить одну женщину выйти за него, когда все еще помолвлен с другой! Остается надеяться, что Господь поможет все наладить. Наверняка, как только удастся объяснить в ситуацию Лили, она простит его и согласится подождать. Вновь взглянув на свою «невесту», он решил предпринять еще одну попытку убеждения.

— Амелия, — сказал он, — я не могу поверить, что ваш отец откажется разрешить вам разорвать помолвку, если вы объясните ему, чего на самом деле желаете. Скажите, что не выносите одного моего вида и что после прошлого вечера считаете меня свиньей. Он поворчит-поворчит, но в конце концов согласится. Ко времени наступления светского сезона весной этот инцидент почти совсем позабудется и вы будете свободны искать нового достойного поклонника.

Она посмотрела на него с сожалением:

— Милорд, вы, очевидно, плохо знаете моего отца. С тех пор как вы обратились к нему несколько месяцев назад, он почти ни о чем больше не говорит, кроме как о нашей предстоящей свадьбе.

Итан нахмурился:

— Я просил его ничего вам об этом не говорить.

— А он сказал. Вы, возможно, не сознаете этого, но он чуть ли не всю жизнь мечтает о союзе между нашими семьями. Вы и я его единственная надежда достичь этой цели, и теперь, когда между нами все договорено, он не позволит мне отказаться от свадьбы из-за моей предположительной неприязни к вам. Боюсь, такой замысел не пройдет. — Он вздохнула. — Сожалею, милорд.

«Сожалеешь, да недостаточно! — про себя кипятился он. — Не настолько, чтобы покончить с этим ужасным мезальянсом».

— Ну хорошо, мисс Додд. Вижу, я должен пока принять ваш отказ. — «По крайней мере пока не найду какой-то выход». — Встав, он отвесил короткий поклон. — Всего хорошего, миледи.

— До свидания, милорд.

Сжав руки в кулаки, он решительно вышел из комнаты.

Глава 20

Лили отодвинула в сторону свой нетронутый полдник вместе с чашкой чая, которая стояла на подносе. И еда, и чай уже давно остыли. Она понимала, что должна чем-то занять себя, вместо того чтобы продолжать сидеть без дела в кресле в своей гостиной, устремив взгляд на огонь в камине. Если б ей только удалось найти в себе силы.

«Позже, — решила она. — Займусь каким-нибудь делом позже, но не сейчас». Сон — это ведь тоже занятие, не так ли? Долгий дневной сон ей не мешает. В конце концов, прошедшую ночь она не спала. Отдых пойдет ей на пользу. Но что важнее, сон позволит ей убежать, позволит забыть о ее теперешних страданиях, когда она свернется внутри теплого кокона забвения.

Встав с кресла, она направилась в спальню, но не успела сделать и нескольких шагов, как раздался стук в двери гостиной. Надеясь, что, кто бы это ни был, он уйдет, Лили не отозвалась. Когда дверь все равно открылась, она вздохнула и повернулась к незваному гостю.

— Прошу прощения за вторжение, мэм, — сказал дворецкий с извиняющимся выражением лица, — но пришел лорд Весси. Я знаю, вы дали строгие указания не впускать его, но он настаивает, что должен увидеть вас.

От ее усталости не осталось и следа, спина выпрямилась, будто ее хлестнули плетью.

— Полагаю, вы сказали ему, что меня нет дома?

— Да, мэм. Он... э... он говорит, что может отличить, когда я лгу и... как бы это выразиться... я должен сообщить вам, что он не уйдет, куда вы с ним не поговорите.

«Не уйдет, значит? — вскипела она. — Что ж, может ждать внизу до скончания века!»

— Что ж, посоветуйте его светлости, что все, что он должен мне сказать, может быть выражено в письме. — «Которое я с радостью сожгу, едва оно придет», — пообещала она себе. — А потом

сообщите ему, что он может либо покинуть этот дом по доброй воле, либо быть вышвырнут. Вы и лакеи справитесь с этой задачей.

Тревога прорезала глубокие морщины на лбу Ходжеса.

— Ох, мэ, не думаю, что это было бы разумно. Он не уйдет так просто, и маркиз — лорд, в конце концов. Поднять руку на представителя знати — это может привести человека за решетку.

Она цыкнула и покачала головой:

— Лорд Весси не отправит вас в тюрьму. Кроме того, он знает, что вы всего лишь выполняете мое распоряжение.

— Она права, — произнес звучный голос из дверей. — Я бы не натравил на вас закон, Ходжес, но вот как следует поколотить вас с лакеями мог бы. Я неплохо дерусь и думаю, что вам бы пришлось изрядно потрудиться, чтобы вытолкать меня за дверь.

Лили покосилась на Итана.

— Ты должен был ждать внизу.

Он вызывающе вскинул бровь и вошел в комнату.

— А я поднялся наверх.

— Ну так можешь возвращаться вниз. — Она ткнула пальцем в сторону двери. — Уходите, милорд! Мне нечего вам сказать!

— Это хорошо. Значит, возможно, помолчишь, чтобы в этот раз выслушать меня. — Он бросил многозначительный взгляд на ожидающего слугу. — Вы свободны, Ходжес.

Она подбоченилась.

— Не приказывай моим слугам. Ты не имеешь права. Особенно когда не являешься желанным гостем в этом доме.

Итан упрямо сжал челюсти.

— Нам нужно кое-что обсудить. — Он прошел дальше в комнату и встал у камина. Скрестив руки, встретился с ней взглядом, и выражение его лица отражало тот же упрямый вызов, который был замечен и в позе.

Лили удержалась от желания в расстройстве топнуть ногой. Кроме того, было бы затруднительно в буквальном смысле вышвырнуть его из дома — на это ее малодушные слуги явно не пойдут. Похоже, от него никак не избавиться. Придется выслушать, что он намерен сказать.

— Ходжес, — проговорила она, немного успокоившись, — вы можете идти.

Взгляд Ходжеса метался между ней и Итаном.

— Слушаюсь, мэ. — Отступив в коридор, он закрыл за собой дверь и оставил их одних.

— Ну что ж, говори, — кивнула она. — И поторапливайся, чтобы не слишком задерживаться в моем доме.

Он горько вздохнул:

— Нам обязательно быть на ножах?

Лили метнула в него взгляд, достаточно горячий, чтобы растопить лед.

— Тебе некого винить, кроме себя самого. Это ведь ты манипулируешь людьми и лжешь им.

— Я не манипулировал тобой и не лгал тебе, — процедил он сквозь зубы.

Она презрительно фыркнула:

— Ха! И полагаю, ты собираешься утверждать, будто мне показалось, что я видела объявление о твоей помолвке в утренней газете? Ты обручен с этой девушкой, не так ли?

Его губы вытянулись в тонкую линию.

— На данный момент да, но я...

— Значит, ты услышал все, что я могла сказать. — Желчь жгла под грудиной, угрожая проделать дыру. — Дверь там. Закрой ее за собой.

Он повысил голос:

— Я не уйду, пока ты не выслушаешь меня. Почему ты так упорно отказываешь мне в этом?

«Потому что если злость уйдет, я могу позволить своим чувствам к тебе вновь взять верх, несмотря на то, что рана, нанесенная тобой, слишком глубока».

— Потому что у меня нет ни малейшего желания слушать твои очередные оправдания и увертки! — сказала она вслух. — Сколько раз я должна это повторять?

С бурлящей в крови яростью она огляделась, и ее взгляд упал на маленькую фарфоровую статуэтку пастушки с ягненком. Не думая, она схватила ее и запустила прямо ему в голову. Он пригнулся, и статуэтка разбилась на дюжину осколков, ударившись о камин. Слезы обожгли глаза. Часто-часто заморгав, она приказала себе не плакать, решительно настроенная не дать ему почувствовать глубину своих страданий.

— Я не виноват, — оборонялся он, готовый увернуться от следующего предмета, который она намерена в него бросить. — Я понятия не имел, что моя мать собирается сделать то, что она сделала. Если б знал, я бы остановил ее.

— И что бы это изменило? Очевидно же, что ты был тайно помолвлен, даже если об этом пока не было объявлено.

— Я не был помолвлен. Это правда, что я говорил с отцом Амелии Додд несколько месяцев назад, еще до того, как мы с тобой познакомились. Но не было никакого брачного соглашения и никакой договоренности между мной и леди Амелией.

— Твоя мать и граф, разумеется, считали иначе.

Его руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Граф верит в то, чего хочет, чтобы удовлетворить свои собственные амбиции. Что касается моей матери... она себе на уме и сделала это, чтобы форсировать события. Сатли с мамой уже много лет вынашивают планы объединить наши семьи. Кто-то из моих братьев должен был исполнить эту почетную обязанность — соединить наши семьи посредством брака. Но после смерти Артура и Фредерика эта задача выпала на меня. Мне никогда не следовало даже в мыслях уступить планам матери и Сатли.

— Но ты уступил, — обвиняюще проговорила она.

Он встретился с ней взглядом.

— Я не собирался жениться на ней. Я уже решил поговорить с лордом Сатли и сказать ему, что не сделаю предложения его дочери, в конце концов. Я бы поговорил с ним перед балом, если бы знал, что он в городе.

— О, а все это время у тебя не было доступа к перу и чернилам?

Он пропустил волосы сквозь пальцы, растрепав золотистые пряди, что сделало его еще привлекательнее. Лили отругала себя за то, что заметила это, и за то, что восприимчива к его магнетизму даже теперь. Сила противостоять ему со временем придет, заверила она себя, и безысходное отчаяние обрушилось на нее, как холодный январский ветер.

— Честно говоря, я совершенно забыл про свои намерения, — сказал он. — Между нами ничего не было решено, по крайней мере я так думал, к тому же был слишком поглощен тобой, чтобы задумываться об этом деле.

— Так, оказывается, это я виновата в том, что ты забыл, что обручен.

— Сколько раз я должен говорить тебе, что не был обручен?! — разозлился он.

— Тогда, может, и не был, но сейчас да, — тихо напомнила она ему.

«О Боже, он женится на другой, и эта мысль разрывает мне сердце!»

Лили прижала руки к груди, борясь с подкатывающей дрожью.

Он вскинул руку.

— Хорошо, допустим, я обручен. Но это лишь временно. Ты должна верить, что я не собираюсь жениться на Амелии.

В этом, она видела, он честен. Вздохнув, Лили опустила руки.

— Даже если я тебе поверю, это ничего не меняет. Ты обручен с... — Она сглотнула и попыталась назвать имя, но не смогла его выговорить. — С той девушкой, и ничего нельзя сделать.

— Нет, можно, — возразил он. — Я найду способ.

— Какой способ, Итан? Не считая семи или восьми десятков человек, которые слышали объявление прошлым вечером, была еще и заметка в «Морнинг пост». Пути назад нет. Ты связан с ней. — Она помолчала и сделала прерывистый вдох. — Если только она не настолько

глупа, чтобы передумать и вернуть тебе твоё обещание, помолвка останется в силе.

Он подошел к ней ближе.

— Так или иначе, но я позабочусь, чтобы с этой комедией было покончено. Пока что она отказывается отменить помолвку, но я найду способ убедить ее.

— Значит, ты уже говорил с ней?

— Да. Я приехал сюда сразу после встречи с ней. Я не мог вынести больше ни минуты, не поговорив с тобой. Я пытался объяснить все еще вчера вечером, если ты помнишь, но ты была слишком расстроена. Теперь ты наконец выслушала меня. — Он обнял ее. — Лили, ты единственная, кто мне нужен. Не она, а ты, и только ты. Дай мне время все уладить; доверься мне, и я все исправлю.

— Как я могу на это пойти, когда ты солгал мне? Как могу верить в то, что ты говоришь, когда ты обманывал меня с самого начала?

— Ты должна, потому что я люблю тебя.

Сердце перевернулось у нее в груди. Любит? Правда ли это? — спрашивала она себя.

Желание поднялось в ней, настолько острое, что было почти болезненным. Боже, как же ей хочется верить ему! Как хочется отринуть боль и гнев и принять его объяснения без всяких вопросов или сомнений...

— Если ты меня любишь, — возразила она, — то у тебя странный способ это выразить.

Несколько долгих напряженных мгновений он смотрел ей в глаза.

— Может, это лучше продемонстрирует мои чувства, — пробормотал он. Прежде чем она успела запротестовать, его губы завладели ее губами и он сжал ее в объятии, которое она оказалась бессильна отвергнуть.

Соблазнительный и чувственный восторг его поцелуя вспыхнул и пронесся по ней с быстротой и неукротимостью лесного пожара. Уступив, она позволила ему вовлечь ее в их уже сложившийся собственный отдельный мир, где не существует ничего, кроме бурной страсти и безграничного удовольствия. Смягчившись, Лили ответила на поцелуй, не уступая ему в пылкой страстности. Дыша неровно и часто, она наслаждалась головокружительным запахом его кожи, раскрывая губы шире, чтобы уловить смутный, свежий вкус, который, подобно мяте, задержался у него на языке.

Он еще сильнее прижал ее к себе, не делая попытки скрыть безошибочное свидетельство своего растущего возбуждения. Повернув голову, завладел ее губами, скользнув ладонью по спине вниз, через талию, чтобы погладить изгиб ягодиц.

Ощущения пробудили дремлющий уголок ее сознания, напомнив ей, что будет дальше. Если она позволит этому продолжиться, очень скоро он подхватит ее на руки и понесет в спальню. А как только это случится, битва будет проиграна.

Она проиграет.

Итан сказал, что любит ее, но так ли это? Или его обещания не больше чем ловкое средство

пробраться вновь в ее постель? До вчерашнего дня она верила ему безоговорочно, считала порядочным и благородным. Вчерашний вечер разбил эту веру, сорвал шоры заблуждения с ее глаз.

«А если он опять мне лжет? — сомневалась она. — Если ему на данное время просто нужна удобная партнерша в постели? И он, несмотря на свои заверения, намеревается жениться на этой девушке, чтобы угодить своей семье и продлить знатную родословную?» Эта мысль подействовала на нее как ушат ледяной воды, заставив опомниться. Внезапно она осознала, что должна освободиться, что любой ценой должна защитить то, что осталось от ее сердца.

— Нет! — закричала она, прервав поцелуй. — Нет, остановись!.. — Резко всхлипнув, она вырвалась из его объятий.

— Лили, дорогая... — Он снова потянулся к ней, но она сделала несколько неуверенных шагов назад.

— Нет, не прикасайся ко мне. Пока ты помолвлен с ней, ко мне даже не приближайся. Я хочу, чтобы ты ушел!

— Но это несерьезно. Ты ведешь себя неблагоприятно...

— Да что ты? — набросилась на него она. — Это не я солгала о своих намерениях. Не я дала обещание другой и больше не свободна. Может, я и была твоей любовницей, Итан, но, видит Бог, твоей шлюхой я не буду!

Его голова дернулась назад, словно она его ударила, кожа побледнела.

— Я и не прошу тебя об этом.

— Разве? Потому что я буду ничем не лучше ее, если позволю тебе вернуться в мою жизнь. И у меня нет ничего, кроме твоего обещания, что ты не женишься на ней. Что я стану делать, когда придет день, а ты не сможешь разорвать помолвку? Что мне останется думать, когда ты пойдешь под венец с другой женщиной?

Гнев вспыхнул в его глазах, руки сжались в кулаки.

— Я не пойду в церковь ни с какой другой женщиной. Единственная, кто мне нужен, — это ты, и я сегодня же просил бы тебя выйти за меня, если б был свободен сделать это. — Он прошел пару шагов взад-вперед. — Ад и все дьяволы, я не лгу!

У нее перехватило дыхание, надежда забила ключом, как журчащий родник, при мысли о том, чтобы стать его женой. Но она сразу же вспомнила о его помолвке, и плечи поникли. В прошлом, чего бы она ни желала, о чем бы ни молилась с твердой верой, ее ждало лишь разочарование. Если она позволит себе поверить, а он предаст ее, как она сможет жить дальше?

Покачав головой, она подавила свою тоску:

— Нет. Ты должен уйти. Я не могу больше верить тебе. Слишком наслышана о нарушенных обещаниях и легких обманах. Мой отец всю жизнь только и делал, что рассказывал сказку за сказкой, сочиняя свои байки, дабы убедить нас с мамой, что он останется в семье, что в следующий раз все будет по-другому. До следующего вранья. До следующего раза, когда он снова уезжал. Я не дам тебе сделать это со мной.

— Боже правый, Лили, ты отказываешься поверить мне из-за своего отца? В случае, если ты забыла: мы с ним — разные люди.

— Да, но вы оба мужчины, — заявила она, слишком оскорбленная, чтобы задумываться над своими словами. — Тимоти Бейнбридж был эгоистичным бродягой, который причинял людям боль своим легкомыслием. А отчим... о, это ядовитая змея, скрывающаяся под привлекательной внешностью. Но ты, Итан, в каком-то смысле хуже их обоих, потому что заставил меня думать, что у нас может быть что-то хорошее, чистое и настоящее. Но мечты рассеялись как дым.

«Так почему же я по-прежнему люблю его? Почему мысль, что он уйдет, вызывает у меня желание беситься от злости и кричать?» Злясь на свою слабость, она расправила плечи.

— Я хочу, чтобы ты ушел. Немедленно! И в случае, если ты решишь тайком пробраться сюда как-нибудь ночью, должна тебя информировать, что твой ключ больше не подойдет. Я велела сменить все замки, на всех дверях и окнах.

Его челюсти напряглись, ярость полыхнула в глазах, молниеносная, как удар хлыста, а вместе с ней что-то похожее на боль. Когда он заговорил, голос его был как лед:

— Уверяю вас, мадам, что, вздумай я пробраться сюда как-нибудь ночью, ваши пустячные попытки помешать мне не возымели бы никакого действия. Но будьте покойны, я не стану домогаться вашей благосклонности, пока вы сами не попросите меня об этом.

Ее губы потрясенно приоткрылись.

— Всего вам наилучшего, миссис Смайт. — Резко поклонившись, он развернулся и вышел из комнаты.

Жар растекался у нее под грудью, боль камнем легла на сердце. «Неужели я ошиблась? — спрашивала она себя. — Неужели была не права, прогнав его? О Боже, что я наделала? И если он действительно любит меня, не обратилась ли теперь эта любовь в ненависть?»

Дрожа, она опустилась в ближайшее кресло и прижала костяшки пальцев к губам. Слезинка скатилась по щеке, горячая на холодной коже, прежде чем упасть на корсаж. За первой последовали другие, и вскоре она спрятала лицо в ладони и разрыдалась.

Несколько часов спустя Итан покручивал бренди в своем стакане, наблюдая, как полупрозрачная жидкость ручейками стекает по стеклу, мерцает и подмигивает, отражая свет свечей. Резко утратив интерес, он залпом все выпил, затем вскинул два пальца, давая знак одному из официантов клуба «Уайтс» принести ему еще.

Когда официант отправился выполнять его заказ, появилась новая фигура и опустилась в кресло напротив с непринужденной грацией, с которой может держаться лишь чистокровный герцог.

— А тебе не хватит? — заметил Уайверн, кивнув на пустой стакан — пятый по счету с тех пор, как Итан пришел в клуб.

Губы Итана скривились.

— Я бы сказал «нет», поскольку все еще в состоянии вести с тобой разговор. Если ты явился

изводить меня, то можешь убираться к черту.

— Я? Изводить человека, который явно хандрит? Что же я был бы за друг, если б так делал?

— Ты пришел позлорадствовать, без сомнения. Ну, валяй, скажи! Я идиот, что обручился с той девушкой, с тем ребенком, которую я никогда не полюблю и к которой могу оказаться прикованным. Против моей воли, должен добавить.

Уайверн сочувственно пожал плечами:

— Ну, я бы напомнил, что предупреждал тебя, но ты несчастен и без того, чтоб я сыпал тебе соль на раны.

Итан стукнул кулаком о мягкий подлокотник кресла.

— Я должен что-то сделать, Тони. Амелия Додд должна образумиться и согласиться покончить с этим фарсом.

— Поэтому ты такой пришибленный?

Встретившись со взглядом друга, он покачал головой.

— Лили вышвырнула меня вон.

— Вот как! А я все гадал, как она восприняла эту новость.

— Плохо. Она убедила себя, что я лгу о моих истинных намерениях в отношении леди Амелии. Думает, что я просто продолжаю использовать ее и что собираюсь жениться на Амелии, несмотря на все свои обещания.

— А чего ты сам хочешь от Лили?

— Всего, — ответил Итан, и его голос смягчился. — Я люблю ее, Тони. Как бы ни бесился я, осознав, что она потеряла веру в меня, мои чувства к ней сильнее, чем когда-либо. Если б только она это поняла. Если б только поверила мне и дала время найти выход из этой передраги. Черт бы побрал мою мать за ее вмешательство!

— Да уж, мама твоя постаралась. Без тебя тебя женила.

Пришел официант, принес бленди. Герцог дождался, когда официант отойдет, прежде чем заметить:

— Как ни прискорбно это говорить, но что ты можешь сделать, если леди Амелия настаивает на том, чтобы свадьба состоялась?

Итан провел ладонью по лицу.

— Разве что бросить ее... Но должны же быть какие-то другие средства убедить ее отменить помолвку.

— А если их нет? Ты готов отвергнуть ее и столкнуться со скандалом, который неизбежно последует? Многие расценят это как непростительный поступок, особенно ваши с ней семьи.

«Если Лили согласится выйти за меня замуж, плевать мне, кто что там думает. Но примет ли

она меня? Или я ошибаюсь в глубине ее чувств ко мне?»

Несмотря на свою явную злость из-за его предательства, на самом деле она никогда не говорила, что любит его. Принимая во внимание ее убежденность в непостоянстве мужчин, он больше не был уверен, что такие чувства будут иметь значение. Он осознал, что глубоко ранил ее своей ложью, даже если эта ложь была простой оплошностью, а не прямым обманом. В любом случае ему предстоит приложить немало усилий, чтобы вновь завоевать ее доверие. Но позволит ли она ему это сделать, или навсегда изгнала его из своего сердца и жизни?

— Я сделаю все, что потребуется, чтобы не жениться на Амелии, — сказал он, — это решено твердо. — Взяв свой стакан, он сделал долгий глоток, наслаждаясь огненным привкусом, который алкоголь оставлял у него во рту. — К тому же она на самом деле и не хочет выходить за меня. Очевидно, леди Амелия влюблена в сына местного викария, парня из какой-то обедневшей семьи, чьи ухаживания граф не намерен принимать во внимание. Если б только я мог убедить ее убежать с ним, мои проблемы были бы решены. — Он замер, внезапно осознав, что только что сказал. — Бог ты мой, ну точно!

— Что такое?

— Мне надо сделать так, чтобы леди Амелия и ее юный поклонник оказались в одной комнате, затем вложить в их головы идею о побеге. Ведь если она любит его так, как утверждает, то не сможет устоять против возможности выйти за него, даже несмотря на угрозу отцовского гнева.

Тони тихонько фыркнул:

— Который будет воистину устрашающим, доведись такому случиться.

Итан оставил без внимания замечание Уайверна и поставил свой стакан на стол. Подавшись в кресле вперед, улыбнулся. Впервые с тех пор, как началась эта матримониальная катастрофа, у него в душе затеплилась надежда и поднялось настроение. Лоб его сосредоточенно нахмурился.

— Теперь мне осталось только вспомнить его имя, — пробормотал он. — Как бишь его? Роберт какой-то... Роберт... Роберт... черт. — Он немного помолчал, потом щелкнул пальцами. — Хоксби! Роберт Хоксби. А принимая во внимание, что он сын викария и ученик доктора, его нетрудно будет отыскать.

Герцог встретился с ним взглядом, одна его черная бровь выгнулась дугой.

— О нет...

— Да, Тони. Как насчет того, чтобы совершить небольшую поездку?

Глава 21

Лили пыталась вникнуть в смысл прочитанного, но мысли ускользали, неизменно устремляясь к Итану.

Со вздохом она отказалась от попытки почитать и отложила книгу. Больше недели прошло с тех пор, как он вошел в эту самую комнату, требуя, чтобы она выслушала его версию обстоятельств, которые привели к «обручению», как она стала это называть. Что ж, она

выслушала, а потом прогнала его. Несмотря на такое решение, в глубине души она ожидала — может, даже надеялась, — что он снова попытается связаться с ней.

Но Итан как сквозь землю провалился.

Его молчание было полным, словно между ними не существовало никаких отношений. И возможно, для него их любовная связь и в самом деле завершилась. Он сказал, что то, что существует между ними, не закончено и что он вернется, чтобы сдержать свое обещание и вновь заявить свои права на нее. И все же, если верить колонкам светской хроники в прессе, Итан без особого труда забывает ее. Репортеры упоминают о нем то там, то тут: лорд Весси посещает одно светское мероприятие за другим, часто в сопровождении леди Амелии.

Этим утром, когда Лили прочла, как накануне он танцевал со своей невестой, она вырвала страницу из газеты и, скомкав, швырнула в огонь. Какое-то мгновение ей доставляло извращенное удовольствие видеть, как горит газетная страница, но как только бумага превратилась в летающие клочки почерневшего пепла, знакомая меланхолия вернулась.

Она перестала плакать и каждое утро заставляла себя вставать с постели, умываться, одеваться и завтракать точно так же, как она делала всегда. Однако ничто уже не было прежним, особенно она сама.

Она скучала по Итану больше, чем могла себе представить. В моменты слабости даже собиралась пойти к нему и согласиться стать его любовницей, если тот захочет. Но гордость удерживала ее, а чувство собственного достоинства не позволяло сделать из себя покорную дуру. Поэтому всю последнюю неделю она оставалась дома, отказываясь принимать посетителей, — даже Давину, которая дважды заезжала справиться о ее здоровье. Она велела Ходжесу говорить, что простудилась, но, разумеется, любой, имеющий мозги, мог догадаться об истинной причине ее недомогания.

Вначале она задавалась вопросом, не заболела ли и в самом деле, такой разбитой и апатичной себя чувствовала. Ей с трудом удавалось встать с постели только лишь для того, чтобы поесть. Какое-то время она гадала, не забеременела ли, но однажды утром проснулась со знакомой тянущей болью и поняла, что волнения напрасны.

Ей следовало бы испытать облегчение, поскольку, видит Бог, не хватало ей еще оказаться с внебрачным ребенком на руках. Однако подтверждение, что она не беременна, как ни странно, лишь вызвало новый поток слез, словно это еще больше увеличило расстояние между Итаном и ею.

Снова вздохнув, она устремила взгляд в окно на холодный, но солнечный ноябрьский день. Обычно в такую прекрасную погоду она бы гуляла в городе. «И несмотря на мое скверное настроение, — вдруг подумала она, — именно это мне и надо сделать».

Предаваться унынию не в ее характере. Прежде она всегда встречала жизненные трудности энергичными усилиями по их преодолению. В этот раз не должно быть по-другому, несмотря на полученный ею жестокий удар в сердце. В конце концов, она не могла прятаться вечно.

«Жизнь продолжается, и я должна жить дальше».

Преисполнившись решимости, она встала из кресла и, покинув комнату, пошла по коридору. Она смутно слышала голоса, но была слишком погружена в собственные мысли, чтобы обращать на них внимание. Дойдя до лестницы, стала спускаться вниз.

— Ходжес, — крикнула она, — пожалуйста, распорядитесь, чтобы подготовили мой фаэтон. Я хочу поехать прогуляться.

— Отец небесный, так это ты! — раздался вкрадчивый голос, в котором чувствовалась скрытая угроза. — Для покойницы, должен сказать, ты выглядишь удивительно неплохо.

Ноги Лили поскользнулись на шерстяной дорожке, покрывающей лестницу, но, быстро схватившись за перила, она удержалась на ногах. Вцепившись в поручень, она посмотрела в лицо, которое надеялась больше никогда не увидеть, и сердце барабанной дробью застучало в ушах.

Гордон Чок. А рядом с ним Эдгар Фейлор с выражением торжества, сияющим в его жестоких черных глазах.

— Я же говорил тебе, что это была она, — сказал Фейлор.

— Ты прав, — отозвался ее отчим. Какая жестокая ирония, что под его лощеной привлекательностью кроется змеиная натура.

— Извините, мэм. Я сказал им, что вы не принимаете, — заявил Ходжес со своего места рядом с дверью. И она не могла винить его за то, что он впустил их.

Во рту у нее пересохло, появился металлический привкус страха. Если бы побег что-то дал ей, то она бы убежала. Но делать это, она знала, теперь уже слишком поздно.

О Боже, они нашли ее!

На следующий день Итан ухмылялся, стоя у себя в кабинете и перечитывая срочную записку, которую только что получил от графа Сатли. В ней граф с прискорбием сообщал «ужасную» новость: вчера поздно вечером его дочь Амелия убежала с мистером Робертом Хоксби, подлецом и негодяем, в которого она вообразила, что влюблена. Сейчас граф был в своей карете на Большой северной дороге, надеясь поймать парочку до того, как они доберутся до Гретна-Грин.

Чего граф не знал, так это что сбежавшие голубки едут в одной из самых быстрых карет Итана без герба и что все устроено так, что на протяжении всего пути на каждом постоялом дворе у них будет быстрая и легкая смена лошадей. Если парочка держала путь без каких-либо ночных задержек, то они должны прибыть в Шотландию гораздо раньше графа и пожениться к тому времени, когда он обнаружит их, — скорее всего на следующий день. Пойди же дела как-то иначе, Итан знал, что все равно может не беспокоиться, ибо Амелия к тому времени будет окончательно и бесповоротно скомпрометирована и графу не останется ничего другого, как позволить дочери выйти за ее возлюбленного Роберта.

Однако когда два дня назад Тони приехал вместе с ним, Итан поначалу не был уверен, что его план удастся. Умный и честный, с открытым взглядом серых глаз, Хоксби вначале с подозрением отнесся к предложению Итана о побеге. Он выглядел оскорбленным, полагая, что его подкупают.

— Я не могу принять от вас двадцать тысяч фунтов, — заявил Хоксби, расправив плечи с возмущенной гордостью. — Я буду ничем не лучше охотника за приданым.

— Но вы любите ее?

Что-то изменилось в лице Роберта, промелькнула какая-то тоска, которую нельзя было не увидеть.

— Разумеется, я люблю ее, больше, чем вы можете себе представить.

— Если это так, то вы должны сделать то, что я предлагаю. Если мы с Амелией поженимся, она никогда не будет счастлива... и уж точно никогда не станет вашей.

Печаль засветилась во взгляде Хоксби, страдание, которое Итан прекрасно понимал из-за собственной разлуки с Лили.

— Что касается денег, — продолжал Итан, — я не предлагаю вам этот солидный куш прямо сразу. Я разрешаю вам поселиться на моих землях в Суффолке, заботясь о тех, кто живет в соседних деревнях и городке. Нам нужен опытный медицинский практик, но вначале я жду, что вы окончите медицинский колледж. Насколько я понимаю, вы интересуетесь этой областью науки?

— Да. — Хоксби казался несколько ошеломленным, но в глазах его засветились явные искорки интереса. — Хочу убедиться, правильно ли я вас понял. Я могу изучать медицину, иметь практику после получения ученой степени и обладать денежными средствами, чтобы жениться на Амелии? Почему? Почему вы делаете это для меня?

— Я делаю это не для вас. У меня тоже есть та, которую я люблю. Бегите с Амелией, чтобы все мы могли быть счастливы.

Секунду спустя Хоксби с благодарностью тряс руку Итана и говорил «да», желая знать, когда сможет побеседовать со своей возлюбленной.

Убедить Амелию послушаться отца тоже требовало усилий, но как только она услышала о предложении Итана и оказалась в кольце любящих рук Роберта, она не смогла заставить себя отказаться от шанса стать его женой.

После этого Итан с Тони позаботились, чтобы бегство влюбленных прошло без сучка, без задоринки, под покровом темноты. План удался, все прошло гладко. В какой-то мере так вышло потому, что всю предыдущую неделю Итан предусмотрительно играл роль послушного жениха. Он не хотел ни тени подозрений в том, что замышляет что-то иное, чем неизбежный брак с Амелией. Особенно со стороны Сатли.

Теперь, когда эта проблема решена, он вновь может вернуться к Лили и показать ей, что отнюдь не шутил. Вначале надо будет убедить ее довериться ему. Как только она сделает это, он уговорит ее отбросить в сторону страха и согласиться стать его женой. Итан и до этого знал, что любит ее, но эти последние дни в разлуке лишь усилили его чувства.

Положив письмо на стол, он повернулся, чтобы идти наверх переодеться и ехать повидаться с Лили. Вскинув глаза, он обнаружил, что в дверях стоит дворецкий.

— Вас желает видеть некий мистер Росс, милорд, — объявил слуга.

Росс! Боже правый. В кутерьме последних дней он напрочь забыл о просьбе, с которой обратился к нему. Ну что ж, он появился как нельзя вовремя, поскольку Итан сможет что-то узнать о муже Лили до того, как отправится к ней. Наверняка эти сведения будут ему очень кстати.

— Веди его сюда скорее.

Меньше чем через минуту Росс вошел в кабинет, выглядя запыхавшимся и растрепанным, как всегда.

Итан поспешил обменяться с ним рукопожатием и тепло приветствовал гостя.

— Я не ждал тебя, но очень рад, что ты пришел. Присаживайся, а я налью тебе чего-нибудь выпить.

— Нет времени на выпивку, Весси, — сказал Росс, опускаясь в кресло.

Итан прислонился бедром к столу.

— Ну что ж, тогда какие у тебя новости?

— Некоторые из них довольно неожиданного свойства. Полагаю, ты согласишься. Вообще-то на поиски ушло у меня гораздо больше времени, чем планировалось.

— О! — Итан вскинул бровь. — Что же случилось?

— А то, что этот парень, которого ты попросил меня найти, этот Джон Смайт... короче говоря, он не существует.

— Что? Но это невозможно. Тут, должно быть, какая-то ошибка.

— Я тоже вначале так подумал. Но тщательно проверив все материалы и оказавшись с пустыми руками, я взял на себя инициативу написать командирам, которые потеряли людей в сражении при Виттории. Ни один из них никогда не служил с «Джоном Смайтом».

Итан почувствовал, что у него отвисла челюсть. Как такое возможно? — недоумевал он. Это бессмысленно. И все же его друг Росс в работе внимателен и методичен, не из тех, кто может что-то упустить. Если он говорит, что никакого Джона Смайта не было, значит, так оно и есть.

— Ты уверен что его так зовут? — поинтересовался Росс.

— Разумеется. Лили не раз упоминала его.

И все же, если как следует задуматься над этим делом, она всегда была очень сдержанна в разговорах о муже, сообщив лишь скудные подробности о его происхождении и своих отношениях с ним. Она даже никогда не рассказывала, как они познакомились, что довольно странно. В прошлом он всегда приписывал ее молчание скорби, сдерживая желание расспросить обо всем поподробнее. А что, если ее скрытность имеет совершенно иную причину?

Нет, этого не может быть, сказал он себе. Мысли проносились у него в мозгу, как камни во время обвала, но в конце концов в голове немного прояснилось, и все догадки и предположения встали на свои места. Единственный удививший его факт вышел на первое место: Лили Смайт — вдова, но она пришла в его постель девственницей.

Иисусе, этого ведь не может быть, нет? Какой бы абсурдной ни казалась эта мысль, внезапно она обрела законченный смысл. Она сказала, что у них не было даже брачной ночи, поскольку Джон Смайт вынужден был срочно уехать. Версия очень странная сама по себе, а тут еще выясняется, что и вообще не было никакого жениха! А тем более — мужа.

Разрази его гром, но, похоже, «вдова Лили Смайт» — это фикция! А если она не вдова, значит...

Ярость растеклась по нему, как брызги чернил, попавших на чистый лист, расплываясь увеличивающимися кругами до тех пор, пока все не сделалось черным. Сузив глаза, он стиснул руки в кулаки. «Какой же я был болван! — кипятился он. — Какой кретин!» И подумать только, как легко он попался на ее сказочки о трагедии и скорби, на байки об утраченной любви и о том, как ей невыносима мысль снова выйти замуж, когда на самом деле не было у нее никакого мужа и никакого потерянного любимого. Потом он, может, и порадуетя тому, что ее сердце никогда не принадлежало никому другому, но сейчас он настолько взъярился, что ему все равно. Ах, маленькая обманщица! Когда он доберется до нее, то устроит ей такую взбучку, что мало не покажется. Он уже мысленно представлял, как надерет ее хорошенькую задницу.

— Весси, с тобой все в порядке? — спросил Росс, озабоченно нахмурившись.

Итан вздрогнул и посмотрел на своего гостя. Он уже и забыл, что тот еще в комнате.

— Да-да, все нормально.

Уж теперь он до нее доберется!

Итан был весь в мыле к тому времени, когда постучал в парадную дверь дома Лили в Блумсбери. Около двух часов прошло с того момента, как Росс прибыл в Андертон-Хаус и предоставил ему сногшибательную информацию о Лили. Если его предположения подтвердятся — а он был убежден, что иначе быть не может, — значит, ей придется очень многое объяснить, равно как и подлизываться и молить его о прощении.

Подумать только, и у нее еще хватило наглости осуждать его за ложь! То, что он сделал, — пустяк, мелочь в сравнении с размерами ее вранья, и по крайней мере его обман не был намеренным, это была всего лишь ловушка, в которую он угодил по воле матери. Каковы бы ни были причины того, что она выдает себя за скорбящую вдову, лучше бы им оказаться вескими. Он ждет не дождется, когда услышит их, и он добьется этого, поскольку намерен выяснить все до конца. Что до наказания, он все еще не решил, каким оно будет. Как бы там ни было, когда выяснение отношений закончится, с ложью между ними будет покончено раз и навсегда.

Как только дверь открылась, он шагнул в дом, не дожидаясь, когда Ходжес пригласит его войти. Но вместо обычного вежливого приветствия дворецкого он увидел у него ни лице тревогу.

— Ох, милорд, — поспешно заговорил Ходжес, — я так рад, что вы приехали. Возможно, это не мое дело, но миссис Смайт... она... она...

Часть гнева Итана улетучилась, какое-то нехорошее предчувствие закралось в душу.

— Да? Что она? Где Лили?

— Уехала, милорд. Она отбыла вчера днем с двумя мужчинами, которые появились довольно неожиданно.

Дурное предчувствие превратилось в тревогу, горло сжалось.

— С какими мужчинами? И почему она уехала с ними?

— Один из них сказал, что он ее отчим и приехал, чтобы забрать ее домой.

Не без труда Итан заставил себя сохранять спокойствие.

— А другой?

Ходжес отвел глаза, явно не желая встречаться с ним взглядом.

— Другой заявил, что он ее жених. Мадам, по всей видимости, была не согласна, но мало что сказала на эту тему. У меня создалось отчетливое впечатление, что она испытывает сильную неприязнь к этому господину. Не думаю, чтобы и отчим ей особенно нравился.

Итан в этом не сомневался, хотя до недавнего времени даже не подозревал, что у нее есть отчим. Как она назвала его? Ядовитая змея, прячущаяся под смазливой внешностью? И какой еще жених? Просто черт знает что!

— И она поехала по доброй воле? — спросил он. Дворецкий вновь отвел глаза.

— Я в этом совсем не уверен. Она ведь даже не взяла с собой горничную.

— Как их зовут, этих мужчин? Вы помните?

— Отчим назвался Чокком. Да-да, именно так. Гордон Чок. Что до другого, я слышал только его имя. Чок называл его Эдгаром. Здоровенный детина, похожий на быка.

Здоровый устрашающий бык и его приятель — змей, которые так напугали бедную Лили, что вынудили ее покинуть дом.

— Да, и он сказал кое-что любопытное, милорд.

Итан взглянул на слугу:

— Вот как? И что же?

— Чок заметил, что она выглядит довольно неплохо для покойницы. Что он мог иметь в виду?

Вот уж и впрямь загадка. Неужели Лили притворилась мертвой? Разыграла ли она свою смерть по той же причине, по которой стала играть роль вдовы? Боже всемогущий, какая же опасность ей грозит? И как же ей помочь?

— Она уехала вчера, вы сказали?

Ходжес кивнул:

— Во второй половине дня. Миссис Смайт вместе с отчимом пошла наверх и вернулась с сумочкой. Сьюзен хотела сопровождать их, но она отказалась.

У Итана внутри все свело. Неужели Лили угрожали? Поэтому она уехала без сопротивления?

— Они не упомянули, куда направляются? — спросил он.

— Она сказала, и довольно отчетливо, словно хотела, чтобы я непременно запомнил, как теперь я думаю. Она сказала, что они едут в Бейнбридж-Мэнор возле Пензанса и что если кто-то из друзей будет о ней спрашивать, я должен сказать им, чтобы поскорее приезжали ее

навестить. Ее отчим при этом устрашающе зыркнул на нее, и они втроем покинули дом и уехали в его карете.

«Если мне когда-нибудь и доводилось слышать крик о помощи, — подумал Итан, — то это он. Молодец, Лили». Но почему она не попыталась связаться с ним? Возможно, учитывая последние события, она решила, что не сумеет. Если б он уладил дела с Амелией на день раньше, то, возможно, помешал бы негодьям силой увезти Лили из Лондона. Что ж, теперь он поедет за ней и без нее не вернется.

В это же самое время, за много миль от Лондона, Лили клевала свой обед, состоящий из вареной говядины и капусты. Положение, в котором она оказалась, лишило ее аппетита. Чок и Фейлор, напротив, всю уминали свою еду, подаваемую им хозяевами постоянного двора, где они остановились сменить лошадей и подкрепиться.

Расположенная на главной дороге, ведущей на запад от Лондона, таверна была похожа на многие другие на пути: тесная общая комната битком набита шумными постояльцами, воздух пропитан смесью запахов лука, пива и табачного дыма. Когда они прибыли, трактирщик предложил им тихий уют отдельной гостиной, но Чок не любил платить за то, что считал лишними расходами. Впрочем, если честно, Лили была даже рада оказаться среди толпы, донельзя измотанная долгими часами, которые провела в закрытой карете с этими двумя негодьями.

— Ешь, — посоветовал Чок, махнув вилкой в сторону ее тарелки. — Мы больше не будем останавливаться поесть до самого утра. Если проголодаешься, то виноваты будут лишь твоё упрямство и привередливость.

«Привередливость? Да меня тошнит! Неужели до него не доходит, как мне противны он и его подлый пособник?»

Согласиться уехать с ними из Лондона было огромной ошибкой, поняла она теперь, но в то время ее выбор был крайне ограничен. Особенно когда Чок сказал, что позовет власти и ее арестуют за воровство. Как ее законный опекун, он имеет неограниченную власть не только над ней самой, но и над ее деньгами. Какой бы устрашающей ни была реальность, как незамужняя женщина она не имела права тратить свое наследство без согласия своего отчима. А она не только инсценировала собственную смерть и сбежала, но все это время в Лондоне еще и жила под вымышленным именем. Хуже того, она притворялась замужней женщиной. Она знала, что Чок ничуть не преувеличивал, когда сказал, что закон будет на его стороне, реши он подать официальную жалобу. В глазах суда она его собственность.

Она была потрясена, когда спустилась по лестнице и обнаружила их с Фейлором в переднем холле. Единственное, о чем она могла думать в те первые мгновения, это что тот тип с бычьей шеей тогда, на ярмарке, действительно был ее «жених». Все еще ошеломленная, она позволила принудить себя сделать так, как приказал Чок, в тот момент не увидев никакого способа сбежать, когда он буквально сторожил каждый ее шаг. Она утешала себя мыслью, что сделает это позже, но чем больше они удалялись от Лондона, тем менее вероятной казалась такая возможность.

«О Боже, — ужаснулась она, — а что, если ему удастся заставить меня вернуться домой? Хуже того, вдруг ему удастся выдать меня замуж за Фейлора?»

От этой мысли внутри у нее все похолодело, а кожа покрылась мурашками, когда, подняв глаза, она обнаружила, что Фейлор с похотливой улыбкой пялится на ее грудь. Он словно

представлял, что пробует ее на вкус. Когда ее заметно передернуло, он рассмеялся и отправил в рот следующий кусок говядины.

— Ну полно тебе, Эдгар, — спокойным тоном пожурил его отчим. — У тебя будет полно времени обхаживать мою дочь после того, как вы поженитесь.

— Да я скорее выйду замуж за козла! — вырвалось у нее прежде, чем она успела остановить себя.

Смазливое лицо Чока стало жестким, он потянулся через стол и ударил ее по щеке.

Она ахнула, в ушах зазвенело, из глаз посыпались искры, а вся левая половина лица онемела от боли. Дрожая, она подняла руку, чтобы прижать ее к щеке, борясь со слезами, которые непроизвольно выступили на глазах.

— Будет и хуже, если не научишься вести себя как подобает, — заявил Чок спокойным голосом, который от этого прозвучал еще более угрожающе. Он ударил ее на виду у целой комнаты людей, и ни один из них даже не попытался помочь ей. Чок промокнул губы салфеткой, аккуратно свернул ее и отложил ее в сторону. Его глаза-буравчики остановились на ее нетронутой еде. — Если ты закончила, тогда мы продолжим путь.

«Я не могу просто так уехать, — осознала она. — Должно быть что-то, что я могу сделать, какой-то способ спастись, даже сейчас. Какова бы ни была опасность, я должна попытаться».

— Хорошо, — пробормотала она, намеренно опустив глаза вниз, чтобы продемонстрировать послушание. — Но сначала мне надо зайти в туалет.

Он вздохнул:

— Ну ладно. Я провожу тебя.

— В дамскую комнату? Но это неприлично! — Она вновь опустила взгляд, чтобы подчеркнуть свое предполагаемое смущение.

Отчим долго ничего не говорил, потом откинулся на спинку стула и усмехнулся:

— Какая тонкая чувствительность! Ну что ж, иди. Но если через пять минут не вернешься, мы с Эдгаром придем тебя искать, и тебе это не понравится.

— Я вернусь, — пообещала она, изобразив послушную улыбку.

Схватив сумочку, которую каким-то чудом они позволили ей оставить, Лили прошла через общую комнату и направилась по коридору к дамской уборной. На случай, если один из них последовал за ней и наблюдает, она зашла внутрь и закрылась на задвижку. Но вместо того, чтобы позаботиться о неотложных нуждах, открыла сумочку и вытащила маленький, в серебряном переплете блокнот и ручку. Быстро соображая, нацарапала записку, написать которую дома у нее не было ни времени, ни возможности.

«Итан, я в беде и молю тебя о помощи. Приезжай безотлагательно в Бейнбридж-Мэнор близ Пензанса. Обещаю потом все объяснить.»

С нетерпением жду твоего приезда.

Лили».

Сложив листок пополам, она быстро надписала с внешней стороны имя Итана и адрес. Она дала понять Ходжесу, куда направляется, но не слишком надеялась, что Итан в скором времени заедет к ней домой. И, несмотря на ее просьбу о «визите» друзей, она сомневалась, что кто-то из них поймет, что ей нужна помощь, особенно принимая во внимание, что никто не знает о ее теперешней беде.

Зажав в ладони гинею вместе с запиской, она приоткрыла дверь и выглянула. Не заметив нигде поблизости ни Чока, ни Фейлора, выскользнула из комнаты. Ладони у нее вспотели, а сердце колотилось где-то в горле, когда она спешила по коридору в надежде отыскать кого-нибудь из гостиничных слуг. И ей надо было поспешить, иначе отчим может и впрямь отправиться на ее поиски.

И тут из кухни появилась служанка. Лили бросилась к ней.

— Пожалуйста, — пробормотала она приглушенным голосом, — вы должны мне помочь. Я в ужасном затруднении. Умоляю, позаботьтесь, чтобы эта записка была доставлена как можно быстрее. Вот, возьмите записку и скажите, что обязательно ее отошлете.

— Хорошо, мисс, но могу я еще что-то сделать?

Лили покачала головой:

— Нет. Ничего никому не говорите. Пожалуйста, просто пообещайте, что позаботитесь, чтобы эта записка была отправлена при первой возможности.

Когда девушка кивнула, Лили протянула бумажку и монету служанке. Но прежде чем этот обмен успел завершиться, грубая мужская рука обрушилась на нее и выхватила у нее записку. Золотая гинея выпала, и, подпрыгивая и крутясь, покатила по деревянному полу.

— И что это у нас тут? — спросил Чок.

Дрожь прокатилась по ней, когда она подняла глаза и встретилась со взглядом отчима. Развернув бумажку, он быстро пробежал записку глазами, затем снова сложил. С нарочитым спокойствием разорвал листок на мелкие кусочки и смял их в кулаке.

— Прошу прощения за свою дочь, — сказал он, поворачиваясь к служанке со своей самой обаятельной улыбкой. — Она имеет склонность к истерикам.

Сердце Лили упало, когда она увидела, что девушка бросила на нее неуверенный взгляд. Если бы только она могла осознать, что под кажущейся внешней привлекательностью отчима скрываются гнусное зло и обман!

— Она вечно что-нибудь себе напридумывает, — продолжал ее отчим, — сочиняет истории об опасности и преследовании, когда ничего подобного нет и в помине. — Сделав несколько шагов по коридору, он наклонился и подобрал монету. — Вот, — сказал он, протягивая ее служанке, — возьмите деньги, и забудем об этом инциденте. Я делаю все возможное, чтобы заботиться о своей дорогой дочери, но временами она может быть сущим наказанием.

Когда служанка вновь посмотрела на нее, ее взгляд был полон жалости и насмешки.

— Идем, Лили, — сказал отчим, сжимая ее руку мертвой хваткой, — нам пора ехать. — Повернувшись, он потащил ее к входной двери.

Но она отказывалась подчиниться, упершись пятками в пол, и попыталась вырвать у него свою руку.

— Он лжет! — крикнула она девушке. — Пожалуйста, вы должны верить мне. — Не обращая внимания на боль в руке, когда Чок тащил ее вперед, она снова закричала: — Свяжитесь с маркизом Весси в Мейфэре, в Лондоне! Скажите ему, что Лили Смайт нуждается в помощи. Он сможет найти меня возле Пензанса.

— Хватит! — прошипел Чок ей в ухо, силой вытаскивая во двор. — Лили Смайт, как же. А знает ли твой любовник, кто ты на самом деле? Впрочем, не важно, потому что он не придет тебе на помощь. Ведь я слышал, что он женится на графской дочери. Ему сейчас не до тебя.

«Итан помог бы мне, — уверяла она себя, — если б знал, что я нуждаюсь в нем». Какими бы ни были их отношения в последнее время, он не из тех людей, которые будут стоять в стороне, когда совершается беззаконие, — а ее принудительное возвращение домой и замужество против воли иначе не назовешь. И все же что он подумает, если узнает, что она солгала? Сильно ли разозлится? Неужели настолько, чтобы отвернуться от нее? Хотя, с другой стороны, он, может, никогда и не узнает, поскольку Чок помешал ее попытке связаться с ним.

Отчим подтолкнул ее вперед.

— Принимая во внимание, какой распутницей ты стала после своей «смерти», то должна радоваться, что Фейлор все еще хочет жениться на тебе. Честно говоря, я бы отдал тебя ему безо всякой свадьбы, но тогда у него не будет обязательств взять меня в долю в горнорудном деле, а мне нужны эти рудники. К счастью, он не против взять «подпорченный товар». — Он грубо встряхнул ее. — Ты хоть представляешь, скольких хлопот и расходов мне стоило разыскать тебя? Если б Эдгар не увидел тебя на той ярмарке, разгуливающей под ручку со своим покровителем, ты вполне могла оставить нас в неведении о своем обмане. Думаешь, очень умная, да? Что ж, теперь посмотрим, кто умнее. Вот и карета, залезай.

Собрав все свои силы, она попыталась вырваться, хотя куда теперь бежать, понятия не имела. Она вскрикнула от боли, когда ладонь Чока сжала ее руку так сильно, что просто удивительно, как кость не треснула. Непролитые слезы обожгли глаза.

— Тебе лучше вести себя хорошо. — Он просверлил ее свирепым взглядом. — Еще один подобный фокус, и ты поедешь в багажном отделении.

Лили задрожала, зная, что это не пустые угрозы. Она прекратила сопротивляться.

— Так-то лучше, — пробормотал Чок и, повернув голову, кивнул приближающемуся Фейлору. — Если ты готов, Эдгар, поедем?

— Да, пора. Мне не терпится добраться до дома. — Забравшись внутрь, он расположился на сиденье, затем подался вперед и похлопал рядом с собой. — Мисс Лили может сесть со мной, — пригласил он с похотливой ухмылкой.

Чок подтолкнул ее.

— Ты слышала, что сказал твой жених. Садись и составь ему компанию. У нас впереди долгий путь.

Собравшись с силами, она забралась в карету. Ее всю передернуло, когда Фейлор сжал ее руку.

Действуя инстинктивно, она выдернула ладонь.

— Не прикасайтесь ко мне! — Она приготовилась к удару, быть может, еще одной пощечине. Вместо этого Фейлор откинул назад свою здоровую башку и громко рассмеялся.

— Можете пока поиграть в свои игры, мисс, — сказал он, жестом показывая Чоку на противоположное сиденье. — После того как через несколько дней мы поженимся, я свое наверстаю. — Он подмигнул ей.

Желчь подкатила к горлу, и в этот момент она поклялась себе, что никогда не выйдет за этого человека. «Так или иначе, но я найду выход», — подумала Лили.

Глава 22

Измотанный дорогой, в заляпанных грязью сапогах и в пальто, подол которого тоже был забрызган грязью, Итан вошел в маленькую таверну в предместье Пензанса. После пяти дней утомительного пути он нуждался в отдыхе, но не мог позволить себе задерживаться дольше, чем на несколько минут. Только чтобы расспросить про Бейнбридж-Мэнор и снова отправиться в путь. Он должен как можно скорее найти Лили, особенно после тревожного рассказа, который услышал на одном из постоянных дворов по дороге.

Он расспрашивал трактирщика, не видел ли тот молодую женщину, подходящую под описание Лили, когда вмешалась одна из служанок.

— Я видела ее, — сказала она. — Она была с двумя мужчинами. Один, такой статный, сказал, что он ее отец, а второй, коренастый, с бычьей шеей, сопровождал их.

Итан повернулся к ней.

— Да? Продолжайте.

Девушка бросила быстрый взгляд на своего хозяина, который кивком разрешил ей говорить дальше. Сунув руки в фартук, она продолжила:

— Та леди, она хотела, чтобы я послала кому-то записку. Дала мне монету... и все такое, но тут ее отец остановил ее. Сказал мне, что она слаба на голову и чтобы я не обращала внимания на то, что она говорит. Но я с тех пор все думаю...

— Что вы думаете? — подбодрил ее Итан.

— Не говорила ли она правду, в конце концов. Сказала, что она в беде и ей нужно связаться с одним человеком. С каким-то маркизом в Лондоне.

— Имя этого человека Весси?

Ее глаза округлились.

— Ну да, точнехонько так. А вы откуда знаете?

— Оттуда, что я и есть Весси А теперь начните еще раз с самого начала и постарайтесь ничего

не пропустить.

С тех пор он ехал так быстро, как только мог, останавливаясь лишь для того, чтобы сменить лошадей и урвать пару часов для сна. Но хотя он и наверстал упущенное время, карета Лили все равно оставалась впереди, ибо ее отчим двигался с такой же изматывающей скоростью, словно за ним черти гнались.

Теперь, приехав на самый конец Англии, Итан был почти у цели. Пройдя к длинной деревянной стойке таверны, он сел.

— Чего изволите? — спросил у него седой трактирщик.

— Что-нибудь горячее, крепкое, и побыстрее.

— Значит, подогретое вино. — Трактирщик повернулся и подошел к чайнику, висящему на крюке в очаге, вернувшись через минуту с исходящей паром кружкой.

Итан подтолкнул монету по стойке — больше, чем требовалось, чтобы заплатить за выпивку. Он сделал глоток, найдя напиток на удивление вкусным.

— Я ищу Бейнбридж-Мэнор. Не подскажете мне дорогу?

Мужчина нахмурился.

— Имеете дела с Чоком, да? — спросил он, практически выплюнув эти слова.

— Нет, я приехал повидаться с молодой женщиной. Лили Смайт.

— Не знаю никакой Лили Смайт. Должно быть, вы имеете в виду Лили Бейнбридж. — Глаза трактирщика погрузнели. — Ужасное это дело, но вы, должно быть, знаете.

— Что именно?

— Про бедную мисс Лили. Прошлой весной она утонула в море. Ее отчим пустил слух, что она пошла купаться и утопла. Но Лили Бейнбридж была все одно что русалка. Ее родной батюшка научил ее плавать, когда она была еще совсем малявкой. Нет, это не было случайностью, даже если в тот день была страшная гроза.

— Что вы хотите сказать? — спросил Итан.

— А то, что она заплыла подальше и позволила морю забрать ее, лишь бы не выходить за этого негодяя Фейлора. Все знают, что он положил на нее глаз, а она дала ему от ворот поворот. Поговаривали, что ее отчим не принял отказа и приказал ей выйти за этого типа. А через несколько дней она таинственным образом исчезла.

Лили поплыла в море в шторм? Как же она выжила?

— А тело нашли? — спросил Итан севшим голосом, уже зная ответ.

— Нет. Но оно и немудрено, потому что многие идут прямо на дно и никогда не находятся.

— Вы говорите, она умерла, чтобы не выходить за этого парня, Фейлора. А раньше она была замужем?

— Мисс Лили? Нет. Всю свою жизнь она жила дома. Заботилась о своей матушке, покуда миссис Бейнбридж — то бишь миссис Чок — не померла прошлой зимой. Может, потому девушка и решила... того, отправиться вслед за матушкой. Уж слишком много горюшка за такую короткую жизнь.

Итан потягивал вино и думал, что, кажется, начинает понимать. Как только он вернет Лили, она объяснит остальное.

— Спасибо, — сказал он, — но мне все равно надо узнать дорогу.

Утренний свет струился в окна комнаты Лили, или, скорее, теперь ее тюрьмы, поскольку вчера вечером, после приезда в Бейнбридж-Мэнор, Чок отвел ее наверх и запер в комнате. Пока Лили не выйдет замуж за Фейлора, сказал он ей, она останется пленницей.

Измотанная после долгих дней, проведенных в карете, она сняла с себя грязную с дороги одежду и вымылась теплой водой с мылом, принесенными ей одной из служанок. Служанка, новая девушка, с которой она была незнакома, также принесла поесть. Одевшись в рубашку и шерстяной халат, Лили выпила горячего чаю и съела немножко картофельного пюре с жареной курицей. Буквально ваясь с ног от усталости, она легла на хорошо знакомую кровать, которая теперь казалась такой непривычной. Однако очень скоро она провалилась в сон.

Проснувшись, Лили не сразу поняла, где она. Но быстрый взгляд на старые обои в белоголубую полоску напомнил ей в точности, где она находится и что это будет за день.

День ее свадьбы со сквайром Фейлором.

Дрожь сотрясла ее тело, но затем последовал внезапный взрыв решимости. Откинув одеяло, она набросила халат и обулась, затем подошла к двери и подергала ее. Заперта, как она и предполагала; металлическая ручка задребезжала в фиксированном положении. Развернувшись, она прошла к окну в поисках иного пути спасения. Признаться, вылезти из окна было рискованно: оно находилось на втором этаже, довольно высоко над землей. Но если это единственный способ освободиться, значит, она воспользуется им. Однако когда она попыталась открыть окно, оно не поддалось. Она подергала сильнее, но безрезультатно. Наклонившись, Лили пригляделась к деревянной раме.

Прибита гвоздями!

Отчаяние и гнев смешались в ней. Ах, негодяй, подумала она, молча проклиная своего отчима. Еще до отъезда в Лондон он, должно быть, приказал заколотить ее окна. Однажды она убежала из-под его власти, и, очевидно, он решительно настроен больше не позволить ей преуспеть в этом.

Окинув взглядом комнату, она заметила столовые приборы, оставшиеся после вчерашнего ужина. Вооружившись ими, Лили приступила к работе. Двадцать минут спустя вилка и нож превратились во что-то погнутое и бесформенное. Что же до гвоздей, то они сдвинулись не больше чем на миллиметр. Она попробовала орудовать каминной кочергой, но обнаружила, что та слишком толстая, поэтому бесполезна. Основания двух подсвечников оказались не лучше.

Она как раз подсовывала под шляпку гвоздя кончик серебряного ножа для разрезания бумаги, когда услышала, как в замке поворачивается ключ. Тело ее напряглось — она приготовилась к встрече с отчимом.

Но напряжение покинуло ее, когда она увидела, что это всего лишь служанка со свежими полотенцами, переброшенными через одну руку, и кувшином воды в другой. Девушка тихо охнула, увидев, сколько Лили всего переломала.

— О Боже...

Осознав, что дверь за спиной служанки остается открытой, Лили вдруг поняла, что не может упустить такой шанс. Не обращая внимания на то, что одета лишь в рубашку и халат, она ринулась вперед.

Проскочив мимо девушки, она широко распахнула дверь и выбежала в коридор, который вел на главную лестницу. Если повезет, слуги будут заняты, как и ее отчим, который обычно проводит утро в кабинете. Ноги несли ее вниз по лестнице, а сердце стучало, как дюжина барабанов. В переднем холле не было лакеев, и ее надежды возросли, до желанной свободы оставалось всего несколько шагов. Но только она протянула руку, чтобы открыть входную дверь, ручка повернулась и в дверях возникли Фейлор с Чоком.

Метнувшись в сторону, она помчалась к заднему коридору, надеясь как-нибудь опередить их настолько, чтобы успеть убежать. Но как лиса, преследуемая сворой безжалостных гончих, вскоре оказалась загнанной в угол. Пронзительный крик вырвался из ее горла, когда крепкие руки Чока обвили ее вокруг и остановили.

Развернув ее к себе, он вскинул руку и с силой ударил по лицу. Боль взорвалась в голове, в ушах зазвенело, как будто ударили в церковные колокола.

— Что я говорил о непослушании? — рявкнул он. Несмотря на боль и отчаяние, она не съежилась от страха. «Пусть делает что хочет, — подумала она. — Пусть избьет меня до смерти, потому что уж лучше это, чем ужас брака с Фейлором».

Но ее надежды вновь рассыпались в прах, когда Чок опустил руку.

— Я знал, что ты попытаешься что-нибудь выкинуть. Но не вышло, да? А теперь ты вернешься наверх и останешься там до самой свадьбы. В конце концов, ты же знаешь, говорят — плохая примета, чтобы жених видел невесту перед свадьбой. — Он обнажил зубы в звериной ухмылке.

Фейлор тоже ухмылялся, глаза его блестели похотливым предвкушением. Он так ощупывал взглядом ее тело, что у нее возникло чувство, будто ее изнасиловали.

Удерживаемая стальной хваткой отчима, Лили вернулась в свою комнату. Она думала, он впихнет ее внутрь и запрет дверь, но, к ее еще большему ужасу, он отпустил служанку и велел паре своих самых надежных лакеев обыскать комнату в поисках того, что она могла бы использовать как оружие или как средство для побега. Когда из комнаты убрали все, включая простыни и одеяло с кровати, они ушли, заперев ее снаружи.

Опустившись на голый матрас, она обхватила себя руками, гадая, как переживет предстоящую пытку.

Час спустя Итан поднимался на своем коне по подъездной дороге, ведущей к Бейнбридж-Мэнору. Это был большой дом, построенный из прочного корнуольского камня. Массивный и серый, он возвышался на фоне сурового, скалистого пейзажа и широкого голубого неба. Холодный сильный ветер трепал его волосы и хлестал по открытой коже, соленый воздух бил в ноздри, напоминая, как близко море.

Так вот где росла Лили, размышлял он, внезапно осознав, насколько эти дикие, суровые места ей подходят. Окружающая среда, такая как эта, требует силы, а у его прекрасной Лили она есть.

И вот он здесь, чтобы спасти ее, но в то же время заявить на нее свои права. Соскочив с лошади, он не обращал внимания на пристальные взгляды двух слуг, когда поднимался по ступенькам. Взявшись за дверное кольцо, громко постучал.

Широкая деревянная дверь, тихонько скрипнув, широко распахнулась, и немолодой седой дворецкий вопросительно воззрился на него.

— Слушаю вас, милорд.

Итан вскинул бровь:

— Я маркиз Весси. Приехал повидаться с мисс Лили. Глаза дворецкого сделались круглыми, как у совы, рот приоткрылся.

— М-мисс Лили здесь нет. Все это знают. Она утонула прошлой весной.

— Ну, полагаю, она так же неожиданно воскресла из мертвых, не так ли? — заметил он безапелляционным тоном, увидев, как во взгляде дворецкого промелькнул испуг. — А теперь дайте мне войти.

Слуга, следуя приказанию не впускать незнакомцев, попытался загородить вход. Более крупный и сильный Итан без труда открыл дверь и шагнул в передний холл.

— Вы здесь незваный гость! — возмутился дворецкий. — Хозяину это не понравится.

Итан оставил предупреждение без внимания.

— Сообщите миссис... мисс Бейнбридж, что к ней посетитель.

— Кто вы такой, черт возьми? — неожиданно раздался грозный голос.

Повернувшись, Итан устремил взгляд на другой конец холла, когда какой-то черноволосый мужчина привлекательной наружности вышел из ближайшей комнаты. Ах, это, должно быть, ее отчим, подумал Итан.

— Как я уже сообщил вашему дворецкому, я маркиз Весси и приехал за Лили.

Чок покачал головой:

— Я в полном замешательстве, поскольку моей падчерицы здесь нет.

— Разумеется, она здесь. Вы приехали в Лондон и принудили ее покинуть дом, добившись этого какой-нибудь угрозой, я уверен. Я ехал по вашим следам и по дороге слышал несколько весьма любопытных рассказов о двух мужчинах и рыжеволосой молодой женщине, сопровождающей их. Мне также известно, что она пыталась связаться со мной, а вы помешали ей послать записку... А теперь говорите, где она?

Презрительная усмешка приподняла уголки рта Чока.

— Ее теперешнее местонахождение вас не касается, милорд. По-видимому, вы хотите вернуть

ее в свою постель, но у нее другие планы. Моя падчерица сегодня же выходит замуж за местного сквайра, которому была давно обещана. Прошлой весной у нее были некоторые сомнения и она сбежала. С тех пор она передумала, не так ли, Фейлор?

В этот момент еще один мужчина — сквайр, по всей видимости, — тоже вышел из комнаты. Здоровый и коренастый, с грубо вылепленными чертами, он напомнил Итану быка, которого его арендаторы используют для вспашки полей. Сложив руки на своей мощной груди, Фейлор стоял, насупившись, враждебность так и исходила от его позы и взгляда.

— Убирайся! — рявкнул он.

Итан не сдвинулся с места. Он и раньше имел дело с такими громилами и знал этот тип. Несмотря на то что он, Итан, легче по весу, дойди дело до драки, его бойцовские навыки пригодятся.

— О, я уберусь с превеликим удовольствием, как только Лили будет со мной.

Быстро зашагав вперед, он направился к лестнице. Но Фейлор двигался так же быстро и преградил ему путь:

— Ты никуда не пойдешь.

— Я бы посоветовал тебе отойти в сторону, если не хочешь получить увечье.

Фейлор с Чокком обменялись насмешливыми взглядами.

— Вот как? Хотел бы я на это посмотреть. Давай-ка убирайся подобру-поздорову и оставь мою женщину мне.

— Лили не твоя женщина. Она моя и всегда будет моей, — отозвался Итан убийственно-холодным тоном, который был бы хорошим предостережением для знающих его.

Но сквайр лишь презрительно ухмыльнулся:

— Правда? Что ж, посмотрим, для кого она сегодня будет раздвигать ноги.

Еще раз насмешливо переглянувшись с Чокком, Фейлор откинул голову назад и загоготал.

Он еще не совсем отсмеялся, когда Итан помог ему с этим, со всей силы врезав здоровому быку в брюхо. Сквайр резко охнул и сложился пополам от боли. Не дав ему ни секунды прийти в себя, Итан сменил угол удара и вложил все силы в мощный апперкот в челюсть, потом нанес еще один удар с другой стороны.

Сквайр слегка покачнулся, но устоял на ногах. Красные капли вытекали из носа и капали на белую ткань его шейного платка. Проведя рукой над губой, чтобы стереть кровь, он в явном потрясении воззрился на Итана. Голова его взметнулась вверх, лицо напряглось от ярости, во взгляде угольями горело бешенство.

В этот момент Итан услышал торопливые шаги на лестничной клетке сверху и, посмотрев туда, увидел ту, что была ему дороже жизни.

— Лили! Слава Богу, с тобой все в порядке?

— Теперь, да! — крикнула она, ухватившись за перила. — Что бы они ни наговорили тебе обо

мне, это ложь. Я здесь против воли и не хочу выходить за него замуж, — добавила она, указав пальцем на сквайра. — Пожалуйста, Итан, пожалуйста, заberi меня отсюда!

— С радостью. За этим я и приехал.

— Черта с два она поедет с тобой! — взревел Фейлор.

Итан услышал, как Лили пронзительно закричала. Этот крик эхом пронесся по переднему холлу в тот же миг, как сквайр ринулся вперед. Итан поспешно отскочил назад, чтобы уклониться, но было слишком поздно. Внезапно оказавшись схваченным медвежьей хваткой, он довольно долго боролся, прежде чем они вместе повалились на пол, и тяжеленная туша сквайра оказалась на нем. Боль пронзила ребра и спину, но Итан, не обращая на нее внимания, замолотил своего противника кулаками по голове. Однако сквайр не напрасно напоминал быка, легко перенося тяжелые удары.

Итан смутно услышал, как Лили прокричала его имя. Он хотел ответить, но почувствовал, как тяжелая рука Фейлора схватила его за горло и начала сжимать. Отчаянно втягивая воздух, Итан боролся, сознавая, что хватка этого бугая перекрывает ему дыхание. Уцепившись пальцами за сжимающую горло руку, он пытался оторвать ее от себя и освободиться. Громкий гул зазвенел в ушах, перед глазами заплясали круги, сознание быстро тускнело. Действуя инстинктивно, он зажал лицо сквайра между ладоней. Без жалости Итан с силой вонзился большими пальцами в глаза противника.

Фейлор закричал и отпустил его, отпрянув назад. Придя в себя, Итан поднялся и отпихнул сквайра в сторону. Вскинув кулаки, нанес еще один удар такой силы, что он отдался во всей руке. Фейлор заморгал и застонал, закачался. Тяжело дыша, Итан встал на ноги, ожидая, не продолжит ли его противник драку. Но с Фейлором было покончено. Глаза его закатились за секунду до того, как он повалился назад и без сознания растянулся на полу.

Все еще сжимая кулаки, Итан повернулся к Лили.

Подол ее халата развевался вокруг лодыжек, когда она неслась вниз по лестнице. Пока она со всех ног бежала к нему, никто из них не заметил Чока. Быстрый, как кобра, ее отчим молниеносным движением крепко схватил ее за талию. Итан в ярости наблюдал, как она вскрикнула и стала вырываться, но безуспешно.

— Отпусти ее, Чок! — потребовал он. — Или ты хочешь закончить, как твой приятель?

Чок бросил быстрый взгляд на распростертое тело Фейлора, затем снова перевел его на Итана.

— Ты не заберешь ее. Она мой шанс заполучить солидный куш, и я не намерен его лишаться.

— Ничего ему не давай, — предупредила Лили, продолжая вырываться из рук отчима. — Он мерзавец и негодяй, он ничего не заслуживает.

— Ты права по обоим пунктам, моя дорогая, — кивнул Итан. — Но что касается денег, я бы заплатил любую сумму, чтобы освободить тебя. Для меня ты бесценнее всех рубинов и жемчугов.

Чок улыбнулся:

— Мудрый человек твой любовник. Итак, сколько?

— Нет, Итан! Он же стервятник. Если ты дашь ему пенс, он вернется за фунтом.

Чок встряхнул ее.

— Заткнись, или у тебя совсем нет ума? И как, дьявол подери, ты освободилась из своей комнаты? Я думал, что надежно запер тебя.

Ее губы изогнулись в бесстрашной улыбке.

— Я нашла на полу шпильку и отперла замок. Ты считаешь себя умным, но ты не что иное, как трусливый, тупоголовый прохиндей!

От этого оскорбления Чок сжал губы и стиснул руки с такой силой, что она вскрикнула от боли.

Итан ринулся вперед, намереваясь положить конец этой ситуации. В этот же момент Лили вскинула ногу и пнула отчима с такой силой, что тот взревел и ослабил хватку настолько, что девушка смогла вырваться.

Чок выпрямился как раз вовремя, чтобы встретиться с кулаком Итана, который ударил его прямо в челюсть. Как и сквайр до него, Чок немного покачался, глаза его остекленели, и в следующую секунду он рухнул на пол бесформенной кучей.

Лили уставилась на отчима в шоке, пытаясь осознать, что тот действительно побежден. Повернувшись, она кинулась в объятия Итана. Бормоча что-то успокаивающее, он подхватил ее и приподнял с пола, чтобы прижать к своему телу. Уткнувшись лицом в его шею, она вдыхала знакомый и родной запах.

— Итан, ты здесь, ты спас меня. Я не думала, что ты приедешь, — пробормотала она с мокрыми от слез щеками. — Не думала, что ты узнаешь.

— Я узнал, — отозвался он, глядя ее по спине. — Хотя слишком поздно, чтобы остановить Чока с Фейлором. И об этом я сожалею. Очень.

— Это не имеет значения, теперь уже никакого. Ты прекрасно с ними справился. Просто забери меня с собой домой. Это единственное место, где я хочу быть.

— Это единственное место, где ты должна быть. Но сначала я должен кое-что сделать.

— Что же?

С бесконечной нежностью он коснулся ее губ своими и показал, что именно имел в виду.

Спустя час, одетая в платье и накидку, Лили сидела, откинувшись на спинку потертого кожаного сиденья кареты, которая везла их с Итаном в Лондон. Хотя нанятый им экипаж и близко не был таким удобным, как одна из собственных карет Итана, она тем не менее была бесконечно рада и этому. Однако когда одно из колес попало в глубокую рытвину на дороге и Лили подбросило вверх, а потом больно шлепнуло на сиденье, она задалась вопросом, не была ли чересчур великодушна в своей первоначальной оценке. Потирая рукой бедро, поймала взгляд Итана.

— С тобой все в порядке? — спросил он. Озабоченность и какое-то более глубокое чувство мерцали в янтарных глубинах его глаз.

— Это всего лишь ухаб. Дороги всегда с рытвинами в это время года.

— Я не то имел в виду. Как ты себя чувствуешь? Сильно они мучили тебя? Фейлор к тебе прикасался?

Она покачала головой:

— Нет, он не приближался ко мне, по крайней мере в том смысле, о котором ты говоришь. Не считая синяков, я никак не пострадала.

Напряжение покинуло его тело, и он придвинулся поближе к ней на сиденье.

— Это хорошо, потому что иначе мне пришлось бы вернуться и еще раз отмутузить их.

Она про себя улыбнулась, вспомнив чувство удовлетворения, которое испытала, когда они с Итаном снова спустились вниз, после того как сходили к ней в комнату, чтобы она могла переодеться и собрать кое-какие свои вещи, а потом обнаружили, что Фейлор и ее отчим все еще лежат без сознания на полу в холле. Когда они покидали дом, слуги провожали Итана уважительными взглядами.

Он мягко приложил ладонь к неповрежденной стороне ее лица и медленно погладил большим пальцем щеку.

— Клянусь, что больше никто и никогда не причинит тебе боли. Даю самую торжественную клятву.

Она задрожала, нахлынувшие эмоции грозили выплеснуться через край.

— О Боже, Итан, я так испугалась. Я думала, что смогу справиться с ситуацией, но чем больше времени проходило, тем хуже становилось.

— Ш-ш, — успокоил он ее, коснувшись губами ее губ, прежде чем привлечь в свои объятия. — Теперь все позади, — заверил он. — И ты должна постараться сделать так, чтобы выбросить эти последние дни из головы. Все снова будет хорошо, вот увидишь.

«Будет ли?» — сомневалась она. Еще так много остается нерешенного между ними, включая все то вранье, которое она рассказывала ему о себе. Несмотря на сомнения, она понимала, что все зашло слишком далеко, чтобы продолжать скрывать от него правду. После всего, что он сделал, чтобы найти ее и спасти, она перед ним в неоплатном долгу. Но, даже приготовившись признаться, она по-прежнему колебалась, чувствуя, как от волнения и страха сердце колотится в груди. Слегка отклонившись назад в его объятиях, она наконец заставила себя заговорить:

— Итан, я должна тебе кое-что рассказать.

— Что бы это ни было, Лили, тебе необязательно...

— Нет, обязательно, — прервала она его, решительно настроенная продолжать теперь, когда начала. — Мне так много нужно поведать тебе, так много всего, что следовало рассказать давным-давно. Единственное мое оправдание — я боялась, как ты воспримешь, что сделаешь...

— Лили...

— Пожалуйста, дай мне сказать.

После небольшой паузы он склонил голову:

— Как пожелаешь.

Она немного отодвинулась, прежде чем продолжить:

— Я не говорила тебе всей правды о себе. Меня зовут... мое настоящее имя Лили Бейнбридж, не Смайт.

— Я знаю.

Она вскинула ресницы, взгляд метнулся вверх. Ах, ну конечно, он это знает, принимая во внимание, что проследил ее до дома в Корнуолле. Но что касается остального...

— Нет, — продолжала она, — ты не понимаешь. Когда я сказала, что моя фамилия не Смайт, я имела в виду, что никогда не была Смайт. Итан... я... — она судорожно вздохнула, затем выпалила, — я никогда не была замужем.

Она приготовилась к худшему, ожидая взрыва, выражения потрясения и недоумения, даже гнева. Но он смотрел на нее спокойным, твердым, совершенно неувлеченным взглядом.

— Это уже не секрет.

Потрясение, которое, как Лили думала, испытает он, почувствовала она сама.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Хотя лишь недавно сложил в единую картину обрывки твоего обмана.

— Но как? — заморгала она.

— Военное ведомство ведет записи, любовь моя. Не было офицера по имени «Джон Смайт», который доблестно сражался и погиб при Виттории.

Она сглотнула, не в состоянии ответить что-нибудь членораздельное, пока осмысливала этот неожиданный поворот событий. Из всех возможных вариантов ей никогда не приходило в голову, что он может проверить военные записи о ее придуманном муже. «А я-то всегда считала себя такой осторожной и такой умной. Что-то в последнее время обо мне этого не скажешь». Потом новая мысль осенила ее.

— И ты не сердись? — спросила она, вглядываясь в его лицо и ища на нем признаки его истинных чувств.

Он вскинул золотистую бровь:

— Сначала рассердился. В сущности, я даже рассвирепел, когда до меня дошло, что ты лгала мне, особенно принимая во внимание, что сама только что обвинила меня в том же самом. Но... — Он сделал многозначительную паузу.

— Да?

— Обнаружив, что ты исчезла и что я могу потерять тебя... в общем, реальность заставила увидеть все это в ином свете. Признаюсь, что пока еще не совсем простил тебя за твой искусный вымысел и легкость, с которой ты водила меня за нос...

— Обманывать тебя никогда не было легко, — поспешила сказать она.

— Но я знаю, что у тебя имелись веские причины поступить так, как ты поступила, причины, которые я начинаю понимать все лучше и лучше. Бог мой, Лили, неужели ты и вправду инсценировала собственную смерть? В Пензансе рассказывают, что ты заплыла далеко в море и утонула. Что из этого правда?

— Многое — фактически все, кроме смерти. Когда Чок потребовал, чтобы я вышла за Фейлора, я, разумеется, отказалась, но он все равно выдал бы меня за него, несмотря на мой отказ. Я знала, что не смогу вынести такого кошмара, такого унижения... и скорее рискну своей жизнью, чем стану женой этой скотины-сквайра. Поэтому я уплыла во время шторма и позволила всем думать, что утонула.

— Ты играла в опасную игру, которая и в самом деле могла стоить тебе жизни. Как же ты спаслась?

Набрав в грудь воздуха, она поведала ему свою историю — как бежала в Лондон и по дороге встретила с ним, как заявила права на свое наследство и как решила превратиться во вдову. Не желая, чтобы между ними оставались какие-то тайны, она постаралась ничего не упустить.

Когда Лили закончила, он откинулся на сиденье.

— Значит, ты пошла на такие крайности, чтобы никогда не выходить замуж? — задумчиво поинтересовался он. — Чтобы оставаться свободной и независимой от мужчин?

Она расправила ладонью юбку на коленях.

— Да, таково было мое намерение.

Он довольно долго хранил молчание.

— И ты до сих пор придерживаешься того же мнения?

«Нет», — подумала она, понимая, что это правда. Когда-то она смотрела на брак как на ловушку, ужасную тюрьму, в которую заманивают женщин, а потом оставляют там всю жизнь страдать. Но, живя с Итаном, она поняла, что ошибалась в оценке брака как такового, и, несмотря на прежние уязвленные чувства, знала, что не хочет ничего иного, кроме возможности разделить жизнь с Итаном. Если это будет Итан, который попросит ее выйти за него замуж, ее ответ будет, несомненно, «да».

Но он не попросил ее, осознала Лили, и сердце ее упало, когда она вспомнила про его невесту в Лондоне. Что же ей остается? Если она действительно любит Итана — а она любит! — значит, обязана бороться за него.

— Нет, — произнесла она вслух, прижимаясь к его груди, — больше я так не думаю. Я знаю, та девушка... Амелия... стоит между нами, но я не хочу, чтобы так было. Я люблю тебя, Итан, и, что бы ты ни решил, что бы ни сказал мне, в этот раз я поверю. Я только хочу, чтобы мы были вместе. Всегда.

Он поднял руку и погладил ее по волосам.

— Правда? А если я скажу, что хочу, чтобы ты снова стала моей любовницей?

Разочарование прокатилось по ней, но она безжалостно отодвинула его в сторону.

— Значит, буду ею.

Скользнув пальцем под подбородок, он приподнял ее лицо кверху, чтобы она смотрела ему в глаза.

— Это очень великодушно с твоей стороны, но я хочу другого.

— Чего же?

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Выходи за меня замуж, Лили. И в этот раз я не приму никакого другого ответа, кроме «да».

— Но как же леди Амелия?

— Теперь уже миссис Хоксби, полагаю, — поправил он. — Примерно в то же время, как ты покинула Лондон, Амелия сбежала в Гретна-Грин с молодым человеком, которого любит. Скорее всего теперь они муж и жена, а я свободен. Так скажи, ты станешь моей женой?..

На мгновение у нее перехватило дыхание, радость, как полноводная река, забурлила по жилам.

— О да, да, любовь моя!

С ослепительной улыбкой она кинулась к нему на шею и притянула его голову к своей. Тихонько застонав, когда он откликнулся, Лили взяла инициативу в свои руки, целуя его с такой пылкостью, что сама вся горела от макушки до кончиков пальцев. Желая быть к нему ближе, она восторженно замурлыкала, когда он поднял ее с сиденья и усадил к себе на колени.

Их поцелуи все продолжались, покуда она не перестала соображать, где она. Ее пальцы сжимали его волосы, а он целовал ее бесконечно долгими, жаркими поцелуями, перемежаемыми быстрыми, короткими полизываниями и покусываниями. Губы у нее распухли, тело томилось от жажды к тому времени, когда они оторвались друг от друга, чтобы набрать в грудь воздуха.

— Боже правый, — воскликнул он, — не знаю, как я обходился без тебя все эти долгие дни!

— Я тоже скучала по тебе. — Лили улыбнулась.

— Не смотри на меня так, иначе я могу решить в конце концов овладеть тобой прямо здесь и сейчас.

— Так почему же ты не делаешь этого? — зазывно пробормотала она, пальцами лаская его щеки и виски.

— Главным образом из-за состояния рессор этой кареты. Боюсь, если мы попытаемся, то оба станем инвалидами.

Она рассмеялась, представив себе это.

Он игриво подбросил ее на коленях.

— Но это не значит, что я намерен ждать долго.

— А тебе и не придется.

— Верно, но как бы я ни умирал от желания вернуться к тебе в постель, думаю, у нас должна быть традиционная свадьба с оглашением в церкви и всеми необходимыми атрибутами. Я горжусь тем, что ты будешь моей женой, и хочу, чтобы все знали это. Никто не должен сомневаться, что мы женимся исключительно по любви.

Дрожащая улыбка тронула ее губы, тепло растеклось внутри, как солнечный свет.

— Как ты смотришь на то, чтобы пожениться в Андерли? — продолжал он. — Семейная часовня маленькая и вместит не больше двадцати гостей, но она очень красивая. Думаю, тебе понравится.

— Часовня — это звучит божественно. Хотя я бы вышла за тебя где угодно, даже в хижине.

Удовольствие засветилось в его взгляде, а за ним насмешливые искорки.

— Вот как? Что ж, для свадебной церемонии я могу обеспечить кое-что чуть-чуть получше, хотя для медового месяца мы могли бы отыскать и хижину, если такое жилище тебе по душе.

Она засмеялась.

— Как пожелаете, милорд, лишь бы только мы были вместе, — сказала она. — Я люблю тебя, Итан.

Его лицо сделалось серьезным. Наклонив голову, он коснулся губами ее губ.

— Я тоже люблю тебя. Навсегда.

Глава 23

— Ох, ты выглядишь совершенно восхитительно! — заявила Давина пять недель спустя, отступая назад и оглядывая Лили после того, как были сделаны последние штрихи, завершающие свадебный наряд. Облаченная в белоснежное бархатное платье с рукавами до локтя и квадратным вырезом, Лили вынуждена была признаться, что и в самом деле чувствует себя принцессой. Всего несколько минут назад горничная закончила укладывать ее волосы в замысловатую прическу, после чего приколола к голове длинную, до лодыжек, фату из тончайшего брюссельского кружева. Ладони ее покалывало, сердце билось в безумном, беспорядочном ритме. Еще никогда в жизни она так не нервничала, не испытывала такого радостного возбуждения.

— Давина права, — согласилась Джулианна, которая находилась вместе с ними в одной из гостевых спален Андерли. — Не могу вспомнить, видела ли когда-нибудь более красивую невесту.

Лили с благодарностью посмотрела на двух своих подруг, желая обнять их обеих, но боялась, что, если сделает это, может испортить кропотливую работу последних двух часов.

— Если я и выгляжу так хорошо, как вы обе говорите, — отозвалась она, — то это только потому, что я счастлива. Спасибо, что вы здесь, со мной сегодня, и выступаете в качестве замужних подруг невесты.

— Я бы не пропустила твою свадьбу ни за какие коврижки, — сказала Джулианна. — Да и как я могла, если это означает увидеть, как двое моих лучших друзей соединяют свои судьбы?

Несмотря на недавние роды, Джулианна заявила, что вполне здорова, чтобы совершить путешествие из Уэст-Рединга. Разумеется, с ней были Рейф, Кэм и малютка Стефани.

— Меня тоже было бы не удержать! — горячо согласилась Давина. — И должна сказать, я очень рада видеть, что мать Итана пришла на свадьбу. Всегда хорошо, когда в семье мир.

— Да, — отозвалась Лили, сдерживая порыв развить эту тему. — Это прекрасно.

Она до сих пор точно не знала, что Итан сказал своей матери, чтобы заставить ее изменить свое первоначальное решение не присутствовать на свадьбе. Но приходилось отдать должное своей будущей свекрови за то, что та по крайней мере появилась, чтобы принять ее в семью. Со временем, она надеялась, маркиза сменит гнев на милость, что ее матримониальные планы в отношении Итана сорвались. Может, они никогда не будут близки как мать и дочь, но по крайней мере могут быть друзьями.

— О Бог мой, посмотрите который час! — всполошилась Давина. — Уже почти десять, и пора ехать в церковь. Давай мы поможем тебе надеть накидку.

С величайшей осторожностью Джулианна и Давина помогли Лили облачиться в белую, подбитую мехом шерстяную накидку — необходимую в такой холодный предрождественский день. Однако утреннее солнце светило, отчего снежное одеяло, укрывающее землю, мерцало и искрилось, как алмазы, словно природа решила праздновать это событие вместе с ней и Итаном.

— Ну вот, ты готова, — объявила Джулианна. — Почему бы тебе не побыть немножко одной? Мы с Давиной вернемся через пару минут, а потом все отправимся в церковь.

Лили послала обеим женщинам улыбку и помахала, но едва они ушли, обнаружила, что не может расслабиться настолько, чтобы сесть — не от страха, а от радостного ожидания. С тех пор как согласилась стать женой Итана, она не испытывала ни малейших сомнений, ни секунды колебаний. В противоположность прежним тревогам она знала, что еще никогда в жизни не принимала более правильного решения, чем решение выйти замуж за Итана. Что бы ни принесло будущее, все будет хорошо, потому что они вместе.

Когда дверь со щелчком открылась у нее за спиной, она повернулась, ожидая увидеть Джулианну и Давину, вернувшихся, чтобы помочь ей спуститься к карете для поездки в церковь. Однако в дверях стоял Итан.

Пульс ее заколотился при виде его. Она не представляла, что он может быть еще красивее, чем есть, однако каким-то образом ему это удалось. На нем был традиционный свадебный наряд: синий фрак, подчеркивающий ширину плеч, белая рубашка, серый жилет и плотно облегающие бедра светло-серые бриджи. Белоснежный шейный платок был завязан безупречным узлом, сверкали начищенные до блеска черные туфли.

— Ох, как же бесподобно ты выглядишь! — выдохнула Лили.

Он улыбнулся и закрыл за собой дверь.

— То же самое я подумал о тебе. Боже правый, любимая, у меня просто дух захватывает, настолько ты прекрасна, а я ведь еще даже не видел, что у тебя под этой накидкой.

— И не увидишь, пока не начнется церемония, — пожурела она его с напускной строгостью. — Тебе вообще не следует быть здесь, ты же знаешь. Джулианну с Давиной хватит удар, если они узнают, что ты пробрался сюда.

— Значит, это будет наш маленький секрет, — подмигнул он ей и прошел вперед. — У меня есть для тебя кое-что, и я хочу отдать тебе это прямо сейчас.

— Мог бы прислать.

Он покачал головой, остановившись перед ней.

— Нет, только не это. Я должен был отдать тебе это лично. Я сделал бы это вчера вечером, но пакет прибыл только что со специальным нарочным из Лондона. — Сунув руку в карман фрака, он вытащил длинный футляр, обтянутый черным бархатом.

— О, тебе незачем было разоряться на еще один свадебный подарок, — запротестовала она. — Ты уже подарил мне дивное бриллиантовое ожерелье и серьги. — Развязав ленточку у горла, она чуть-чуть распахнула накидку, показывая драгоценности. — Видишь, они сейчас на мне.

— Это драгоценности семьи Андертон и твои по праву, как моей жены. И как бы бесспорно прекрасно ни смотрелись они на тебе, здесь у меня особенный подарок, предназначенный только для тебя. Надеюсь, он тебе понравится.

— Мне нравится все, что ты мне даришь, — пробормотала она. Но мгновение спустя с ее губ сорвался возглас восторга, когда он открыл футляр и показал украшение, лежащее внутри. Изящное кольцо было сделано из круглых, идеально подобранных бриллиантов, обрамленных в золото. В середине располагался большой овальный камень самого чистейшего, прозрачно-голубого цвета, который она когда-либо видела.

— Я знаю, что лазурный — твой любимый цвет, — сказал он, — поэтому по моей просьбе «Ранделл и Бридж» искали сапфир такого же оттенка, как небо в солнечный день. Они нашли его. Ну, что ты думаешь?

Протянув дрожащую руку, она кончиком пальца коснулась камня, его поверхность была гладкой и удивительно теплой.

— Он изумительный.

— Мне хотелось, чтобы он был у тебя, — продолжал Итан, — чтобы с тобой всегда был кусочек неба, куда бы ты ни пошла.

— Ох, Итан!.. — Позабыв про все свадебное убранство, она бросилась ему на шею и прижалась губами к его губам.

В его ответном поцелуе чувствовалась улыбка.

— Значит, тебе нравится?

— Очень, — вздохнула она. — Но ты мне нравишься еще больше.

— Ну, — сказал он, отступая на шаг, — давай наденем это на тебя. — Протянув руку, он расстегнул застежку ожерелья, которое было на ней, и положил его на туалетный столик. Взяв свой подарок с его бархатного ложа, приложил сапфир с бриллиантами к ее шее и застегнул

застежку. — Ну вот, — провозгласил он. — Великолепно!

Сапфир сиял, и его глубокий оттенок действительно напоминал летнее небо.

Придвинувшись, она поцеловала его, вложив в этот поцелуй всю свою любовь.

— Не могу дождаться ночи, — пробормотал он у ее рта.

— Это после вчерашнего, когда ты тайком пробрался ко мне в комнату? Очень рискованная затея, кстати. А вдруг бы нас поймали?

Он ухмыльнулся:

— Ну не поймали же. И после стольких недель без тебя я не мог оставаться в своей комнате, зная, что ты совсем рядом.

— Я перестала пить противозачаточный настой, — призналась она. — Возможно, я уже беременна.

Его руки стиснули ее талию.

— А если еще нет, мне доставит огромное удовольствие позаботиться, чтобы это случилось как можно скорее.

Она засмеялась, но он вновь заставил ее замолчать очередным продолжительным поцелуем.

— Ах! Что это вы такое делаете? — возмутилась Давина, явно шокированная, входя в комнату. — Вам нельзя целоваться до церемонии!

Итан поднял голову и усмехнулся:

— Как видишь, мы уже целуемся.

— Я имею в виду, что вам не позволено быть вместе, — заявила Давина, кипя от негодования. — Милорд, немедленно уходите.

В этот момент вошла Джулианна.

— Да, Итан, отпусти ты ее наконец и иди. Рейф и Тони ждут тебя внизу, каждые полминуты смотрят на часы и ворчат, что вы опаздываете. Как нехорошо было с твоей стороны прокрасться сюда, чтобы увидеть Лили, когда тебе следует быть в церкви.

Лили высвободилась из объятий Итана и повернулась, показывая на ожерелье:

— Он пришел, чтобы подарить мне это.

Подруги подошли поближе, чтобы взглянуть, испустив восторженные возгласы.

— Оно просто сказочное!

— Изумительное!

— Я знаю. — Лили широко улыbnулась. — Это мой маленький кусочек неба.

Давина пришла в себя первой.

— Каким бы прекрасным ни было твое ожерелье, дорогая, мы все же опаздываем. Вы еще здесь, милорд? Разве вы не знаете, что видеть невесту перед свадьбой — плохая примета?

Итан секунду помолчал, потом встретился взглядом с Лили.

— Я не верю в подобные суеверия. Для меня главное — что Лили со мной. Навсегда!

mir-knigi.org